

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

27 2019
ЧАСТЬ III

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 27 (265) / 2019

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук (Узбекистан)
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кожурбаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Израиль Моисеевич Гельфанд* (1913–2009), легенда советской и мировой науки, один из крупнейших математиков XX века, биолог, педагог и организатор математического образования.

Израиль Гельфанд родился в семье бухгалтера в небольшом поселке Окны недалеко от Одессы. В 1923 году семья переехала в Ольгополь Винницкой области, где будущий математик поступил в химическую профессиональную школу. Однако на излете нэпа его отец — хозяин мельницы, вдобавок державший помощника, — был признан эксплуататором и раскулачен, а Израиль Гельфанд исключен из профшколы.

В поисках работы он уехал в Москву, где устроился вахтером в Ленинскую библиотеку, параллельно посещая вечерние лекции по математике в расположенном неподалеку Московском государственном университете. Вскоре Гельфанд в порядке исключения был принят ассистентом кафедры математики Вечернего химико-технологического института, а через год без формального высшего образования стал аспирантом известного математика А. Н. Колмогорова и одновременно начал преподавать в МГУ. Его научная карьера развивалась стремительно: в 27 лет он был уже доктором наук, в 40 — членом-корреспондентом Академии наук СССР. Позднее Колмогоров говорил, что на свете есть только два математика, беседа с которыми он ощущает присутствие высшего разума, и один из них — Гельфанд.

Парадокс Гельфанда был в том, что в век, когда математика разбивалась на все более и более узкие специализации, он оставался универсалом, с равным успехом занимавшимся исследованиями более чем в дюжине областей. Автор восьмисот научных статей и трех десятков монографий, он внес значительный вклад в функциональный анализ, алгебру, топологию, математическую физику, теорию вероятностей и многое другое. В круг его интересов входили также биология, нейрофизиология и медицина.

Однако за пределами собственно математической среды Гельфанд в первую очередь был известен как организатор науки и просветитель. В 1943 году он основал легендарный еженедельный математический семинар, шедший сначала на Моховой, а затем в главном здании МГУ без малого полвека. Аспиранты, студенты и даже школьники-вундеркинды пользовались на семинаре Гельфанда равными правами с профессорами и академиками. И хотя порядки здесь царили диктаторские, большинство участников вспоминают о семинаре и его руководителе с восхищением и благодарностью. Математики о нем говорили: «Хотелось поучаствовать в маленьком чуде. Представьте, обсуждается сложнейший вопрос, не знаешь, как к нему подступиться. И вот на твоих глазах Гельфанд начинает «шаманить»,

чуть повернет задачу то одной гранью, то другой. И все в форме изящной игры, сдобренной шутками, анекдотами, афоризмами. Зал втягивался в игру, превращаясь в своего рода коллективный мозг. И в итоге удавалось продвинуться в решении задачи».

Однако, как отмечают многие его современники, он отличался довольно жестким характером. Директор Гематологического научного центра академик А. И. Воробьев, считавший себя учеником И. М. Гельфанда, дал ему такую характеристику: «Что сказать о нём? Что Гельфанд хам — это всё равно, что ничего не сказать. Он груб до безобразия».

Другим важнейшим достижением Гельфанда-педагога стало создание Всесоюзной заочной математической школы, позволившей сотням талантливых школьников со всех концов СССР учиться — «путем взаимной переписки» — у лучших московских математиков. Многие коллеги ученого считают, что ВЗМШ оказала большее влияние на математическое образование в Советском Союзе, чем все элитные спецшколы и интернаты. Позже аналогичную школу — The Gelfand Outreach Program — он организовал в США.

Математику Гельфанд воспринимал как часть культуры: «Для человеческого интеллекта правильное отношение к математике играет такую же роль, как восприятие музыки, поэзии...» Однажды к нему привели маленькую девочку, которая решала трудные задачи по программе старших классов и тоненьким голосочком доказывала теоремы, и родители спросили, как развить ее способности. Гельфанд сказал: «Отдайте ее в балетную школу». Израиль Моисеевич считал, что математика подобна музыке и каждый ученый напоминает того или иного композитора. Себя он видел Моцартом, поясняя: «Мы любим Моцарта не за то или иное его произведение. Великим композитором его делает вся совокупность его работ и их абсолютное великолепие».

Последние двадцать лет жизни великий математик провел в США, занимая пост профессора в Ратгерском университете (штат Нью-Джерси).

Израиль Моисеевич был почетным членом Московского математического общества, почетным доктором семи зарубежных университетов и почетным иностранным членом двенадцати зарубежных академий и научных обществ. Будучи членом Лондонского Королевского общества Британской академии наук, места в котором именные, то есть вновь избранный знает, кто из великих «грел» его кресло, Гельфанд занимал место, некогда принадлежавшее Фарадею. Он стал первым лауреатом премии Вольфа в математике. Имя Гельфанда носит целый ряд математических объектов.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Алешин Д. О.т**
Санкт-Петербургская городская дума в системе
правительственных учреждений 159
- Григорьева М. А.**
Ленинградский академический театр драмы
имени А. С. Пушкина в конце 60-х –
начале 70-х гг. XX в. 161
- Долгушин В. В.**
Формирование женского движения
в Великобритании с конца XIX века
по 1918 год 163

ТЕОЛОГИЯ

- Дудорова А. С.**
Религия и образование в постсоветской России
конца XX века 166

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Авдеева О. А., Жмурова А. И.**
Аксиоматические принципы правового
государства и особенности их трансформации
в современных условиях 169
- Астапчик И. В.**
Проблемы назначения наказания
несовершеннолетним 171
- Бояркина Е. В.**
Ответственность сторон по договору перевозки
груза железнодорожным транспортом 173
- Бояркина Е. В.**
Проблемы правового регулирования перевозки
грузов железнодорожным транспортом 175
- Ванюшина А. А.**
Проблемы компенсации морального вреда 177
- Васильева А. С.**
Антидемпинговые пошлины на легковые
автомобили в ЕС и РФ 180
- Грешилова А. О.**
Возрождение института следственных судей
в уголовном процессе России 182

- Данилов А. И., Воловик Ю. В., Хорьков С. А.,
Ваганов А. В., Свиридова Д. А., Ваганов В. В.**
Обстоятельства, подлежащие установлению
и доказыванию, по делам о мошенничестве при
получении выплат 184
- Дорофеева А. Н.**
Административная ответственность
в области охраны окружающей среды
и природопользования 185
- Жуков Б. А.**
Повышение престижа службы в органах
внутренних дел Российской Федерации.
Формирование положительного имиджа
сотрудника полиции 188
- Ильин В. П.**
Реализация права на забастовку в Российской
Федерации 189
- Ильин В. П.**
История забастовок с древнейших времен до
Нового времени 192
- Ишбулдин А. Р.**
Некоторые актуальные проблемы разграничения
виндикационного и негаторного исков 194
- Коваленко В. В.**
Эволюция института условного осуждения
в уголовном праве России 199
- Морозова В. Е.**
Правовая характеристика соглашения
о проведении игр и пари по гражданскому
законодательству РФ 201
- Новикова Е. В.**
Правовые последствия отказа родителей
(законных представителей) от проведения
ребенку туберкулинодиагностики 203
- Осипова Н. В., Умарсаидов К. А.,
Билашенко Е. В.т**
Защита права человека на благоприятную
окружающую среду путём установления
экологически чистых государственных
закупок..... 206

Панеш А. М. Понятие, признаки и содержание транспортных услуг 208	Свиридова Д. А., Хорьков С. А., Ваганов А. В., Цаль И. Н. Инсценировка события мнимого преступления как разновидность криминальной инсценировки..... 217
Рудь В. В. Развитие законодательства о банкротстве 210	Скороходов А. М. Влияние западноевропейского права на осуществление правосудия в рамках семьи обычного права 219
Саидахмедова Г. Р. Современные теории происхождения государства..... 213	Хорьков С. А., Ваганов А. В., Свиридова Д. А., Ваганов В. В. Характеристика мошенничества при получении выплат..... 220
Сафронова О. А. Правовое регулирование международных связей муниципальных образований..... 214	

ИСТОРИЯ

Санкт-Петербургская городская дума в системе правительственных учреждений

Алешин Денис Олегович, студент
Санкт-Петербургский государственный университет

Данная статья есть обзор архивных источников Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга и научной литературы, посвящённых организации и деятельности столичной Городской думы в XVIII веке. Контент-анализ данных материалов позволил сделать конкретные предположения о положении Санкт-Петербургской городской думы в иерархии столичных государственных учреждений в настоящей статье.

Ключевые слова: история России, история государственных учреждений, история Санкт-Петербурга, Городская дума, городское самоуправление, представительная власть.

По мнению выдающихся исследователей истории городского сословия И.И. Дитяткина [1, с. 410–412] и А.А. Кизеветтера [3, с. 615–623, 723–727], основным направлением политики правительства в отношении торгово-промышленного сословия после смерти Петра I со временем стало всё больше включение органов городского самоуправления в орбиту влияния губернаторов и генерал-губернаторов и подчинение их остальным правительственным учреждениям. Какое же место стала занимать образованная Екатериной II Городская дума в структуре государственного аппарата Российской империи при указанной правительнице?

Для ответа на поставленный вопрос в начале следует обратиться к тексту «Грамоты на права и выгоды городам». Как и другие аспекты положения Городской думы её место в иерархии госучреждений раскрыты пунктами екатерининского акта. Соответственно на основании статьи 155-й [2, с. 124] Городового положения по вопросам расходов дума в обязательном порядке отсылает отчёты и ведомости губернатору и в казённую палату. Пункт 168-й [2, с. 168] запрещает думе вмешиваться в судебные дела своих горожан, поскольку это ведение Магистратов и Ратуш. В тоже время положение 178-е [2, с. 129] обязывает последние, как и другие «места города» исполнять законные требования Городской думы, подавать друг другу руку помощи.

Что же было на самом деле? Архивные документы показывают немного иную ситуацию. Если «Жалованная грамота» сообщает нам, что Городская дума обязана губернатору лишь отчётами по расходам, то «Журналы» думы указывают на то, что без генерал-губернатора Санкт-Петербурга местной Городской думе «запрещается назна-

чения на должности чинить и расходы производить» [6, с. 11]. Предположительно, власть генерал-губернатора осуществлялась через Губернское правление, через которое он отправлял свои «предложения», являвшиеся на самом деле ничем иным как приказами. Именно в Губернское правление на имя губернатора Шестигласная дума отправляла отразившиеся в её журналах [7] отчёты о получении и прочтении одним из гласным на заседаниях его «предложений», об их исполнении или неисполнении по каким-либо причинам, о назначениях и о выделении сумм как из сборов, так и из других источников городского бюджета [7, с. 166]. По большей части, указы генерал-губернатора касались именно финансовых вопросов — чаще всего они представляли собой «предложение» думе о выделении определённых средств подчинённой ему полицейской части Управы благочиния на исполнение каких-либо задач, будь то мощение камнем, строительство, «становление, освещение, ремонт» фонарей [7, с. 73]. Таким образом становится понятно чьими руками в большинстве случаев городское самоуправление исполняло свои обязанности по благоустройству столицы. Так же, Управа благочиния, предположительно, отчасти осуществляла связь Городской думы с другими властными органами, поскольку прошения, отчёты, указания или запросы Правительствующего сената, надворного суда, Конторы городской верфи, столичного магистрата и магистратов пригородных поселений присылались на слушание Шестигласной думы именно через ведомство обер-полицмейстера [7, с. 146, 147, 168]. Однако, наравне со сказанным, имеется предположение, что Управа благочиния просто перенаправляла Думе документы, касающиеся её

ведения, не претендуя на какую-то управляющую коммуникациями городского самоуправления с другими учреждениями роль. Тем не менее подчинённое генерал-губернатору и частично обер-полицмейстеру [7, с. 83, 91] положение отрицать нельзя. Финансовую скованность помимо указанных коронных чиновников городская депутация терпела и от казённой палаты. Документы показывают, что Шестигласная дума отправляла лично главному казначею отчёты о своих доходах и расходах [6, с. 12], в то время как с генерал-губернатором она согласовывала лишь траты по обязательствам. В добавок Дума испытывала от казённой палаты ещё ряд значительных притеснений в виде утверждения бюджета [7, с. 177], который так же проходил рассмотрение губернского правления, и обязательных сводок цен среди купцов [7, с. 78].

Можно ли сказать, что столичная Городская дума имела такое же бесправное положение по отношению к органам исполнительной власти, как предшествующий ей Главный магистрат? Разумеется, нет. Да, нельзя не согласиться с И. И. Дитяниным [1, с. 485–488] и А. А. Кизеветтером [3, с. 711–717], писавшими о значительной скованности Думы, являвшейся, как и прежде, банком для других более властных учреждений. Однако, говорить о полном бесправии городского самоуправления нет оснований. Если в финансовых аспектах Городская дума так же испытывала зависимость от генерал-губернатора и казначея, то в вопросах именно самоуправления, в отличие от Главного магистрата, имела полную независимость — то есть выборы происходили абсолютно без каких-либо вмешательств со стороны коронных управленцев, а утверждения назначений были, вероятнее всего, номинальными, поскольку ни среди документов Губернского правления, ни в журналах Шестигласной думы не было найдено ни одного снятия с должности или отказа в назначении по указу органов исполнительной власти. В делах обеспечения в Санкт-Петербурге правопорядка и «доброго согласия» между жителями самоуправление вступало в партнёрство с Управой благочиния, но не подчинялось ей в этой среде. Строительство и ремонт общественных городских объектов, как было показано, именно Дума осуществляла руками полицейских, а не

наоборот, как было при Главном магистрате. Аспекты управления цехами, ведения городских обывательских книг, поддержания ремесленного положения, спонсирования Приказа общественного призрения вообще остались незатронутыми другими учреждениями. В добавок, городское самоуправление времён Екатерины II оказалось не таким «беззубым» как было раньше: Городская дума вступала в споры с решениями Губернского правления, могла отказаться исполнять «предложения» генерал-губернатора, разумеется, обосновав свою позицию, выдвинуть предложения казённой палате по своему бюджету, чего никогда не мог себе позволить Главный магистрат [7, с. 166].

Таким образом, можно сделать вывод, что столичная Городская дума, опираясь на костыль исполнительной власти в лице генерал-губернаторства, обер-полицмейстера и казначея всё же имела широкий круг прав, которым она вполне свободно пользовалась, что подтверждает статус «самоуправления».

Касательно взаимоотношений Городской думы с городским Магистратом, то на практике статья 178-я аннулировала положения 168-го пункта о невмешательстве органа городского самоуправления в дела суда. Во-первых, именно Городская дума проводила выборы судей из числа горожан [4, с. 10]. Во-вторых, из анализа расходов органа городской автономии становится ясно, что дума «оплачивала сословные суды» [5, с. 73], что можно вполне трактовать как финансовую подведомственность Магистрата Думе. В-третьих, отложившиеся в журналах Шестигласной думы её переписки с Санкт-Петербургским городским Магистратом и магистратами пригородов столицы по своему содержанию отсылают к мысли, что данные сословно-судебные органы совещались с городским самоуправлением по поводу дел петербуржцев [7, с. 83, 84, 168].

Из вышеизложенного можно сделать определённый вывод: по отношению к Городскому магистрату, как главному сословному судебному органу городу, Санкт-Петербургская городская дума занимала не столько равноправное положение, как на то указывает екатерининская «Грамота на права и выгоды», сколько определяющее, если не руководящее.

Литература:

1. Дитянин И. И. Устройство и управление городов России. В 2 т. СПб., Типография П. П. Меркульева. 1875. Т. 1. 512 с.
2. Индова Е. И. Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. М., Юридическая литература. 1987. 527 с.
3. Кизеветтер А. А. Посадская община в России в XVIII столетии. Исторические очерки. М., Репринт. 2012. 816 с.
4. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 788 «Санкт-Петербургская городская дума». Оп. 1. Д. 2.
5. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 788 «Санкт-Петербургская городская дума». Оп. 1. Д. 24.
6. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 788 «Санкт-Петербургская городская дума». Оп. 2. Д. 2.
7. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 788 «Санкт-Петербургская городская дума». Оп. 3. Д. 4.

Ленинградский академический театр драмы имени А. С. Пушкина в конце 60-х — начале 70-х гг. XX в.

Григорьева Мария Алексеевна, студент
Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина (г. Пушкин)

В статье рассматривается история и развитие Ленинградского Академического театра драмы им. А. С. Пушкина, ныне Александринского театра.

Ключевые слова: репертуар, партийные собрания, спектакль, дисциплина, молодые артисты.

Академический театр драмы им. А. С. Пушкина, ныне Александринский театр, является старейшим театром в России. Он был учреждён Сенатским указом, который был подписан Елизаветой Петровной 30 августа 1756 года. Именно он стал предводителем всех Российский театров, а дата его основания считается днём основания Русского профессионального театра. С 1929 года театр стал именоваться Государственным академическим театром драмы имени А. С. Пушкина [3. С. 4–5].

Здания легендарного театра было построено по проекту К. И. Росси в 1828–1832 годы [4. С. 133].

Репертуар театра был всегда ориентирован на национальную драматургию, тем самым завоевывая любовь зрителей. Следует отметить, что обсуждение репертуара всегда происходило на партийных собраниях, кроме того, на партийных собраниях, как правило, обсуждали и самые важные проблемы развития театра. Например, на закрытом собрании от 22 февраля 1966 года был приглашен театральный критик Воронов на просмотр спектакля «Ярость». Спектакле очень понравился товарищу Воронову. Он поздравил театр с великолепным спектаклем и отметил талант режиссёра. К данному поздравлению присоединились и другие служители Мельпомены, например, товарищ Вивьен Т., которая, однако, отметила отдельные недостатки данного спектакля: с начала и до конца артисты играют ярость, а вот дисциплина в театре не важная [6. Л.4–5].

Отметим, что в репертуарном выборе случались разногласия. Например, на отчётно-выборном партийным собрании партийной организации театра Музиль А. А. высказалась по поводу того, что тогдашний директор Фокеев Б. А. выступил с речью о перспективном плане работы театра [6. Л.20]. Также было озвучено предложение о том, что в Москве выпускали фото-буклеты, которые обходились в 4 коп., а продолжительная цена составляла 10 коп. [6. Л.23]. Тогда члены партийного собрания предложили ввести подобную практику и в Ленинграде.

В конце 60-х годов театр драмы имени А. С. Пушкина находился в весьма трудном положении. Музиль А. А. выступила на очередном партийном собрании с заявлением о том, что в театре сейчас решается очень важный вопрос, — смогут ли артисты театра выйти из трудного положения. Музиль А. А. считала, что основой театра должна стать его бескомпромиссность, и театр не может объявлять премьеру, пока он не дойдет до своего уровня [6. Л.60].

По итогам собрания было принято решение, что предполагаемый репертуар театра следует утвердить и предложить дирекции составить конкретный план на ближайшее время [6. Л.63].

Как уже было отмечено выше, в театре сильно страдала дисциплина. Очень часто артисты просто не приходили не только на репетиции, но и на спектакли. Так, например, 25 декабря 1965 года, заслуженный артист Медведев В. А. не явился на репетицию спектакля «Смерть коммивояжера», за что ему был объявлен выговор [7. Л.3]. Или, например, артистке Вельяминовой В. Н. был объявлен строгий выговор за неявку на спектакль «Друзья годы» 2 января без уважительной причины [7. Л.10].

Но не только артисты позволяли себе нарушать дисциплину, например, старшему помощнику Корнилову Ю. Г. за появление на работу в нетрезвом виде был объявлен строгий выговор с предупреждением [7. Л.90].

Нарушение дисциплины были многократными, порой руководители театра просто не могли уже справиться с этой проблемой. Когда случалось, что актеры не приходили на спектакль, или, когда актёр, который должен был исполнять роль, заболел, руководству требовалось срочно ввести другого актёра в спектакль, либо отменять спектакль. Можно привести два случая, характеризующих подобное положение, когда артиста вводили в спектакль, что называется, сходу. Таким артистом был Кульду Р. А. Руководство театра объявило ему благодарность за то, что он после двух репетиций заменил заболевшего артиста в спектакле «Чти отца своего». Артисту Судакову Г. С., также была объявлена благодарность за замену артиста в том же спектакле «Чти отца своего» [7. Л.18].

Учитывая сложившуюся ситуацию, коллектив и руководство академического театра приняли решение о том, что в спектакль будет вводиться сразу несколько исполнителей, чтобы в случае непредвиденных обстоятельств не пришлось срочно искать замену [6. Л.22]. Об этом говорила Екатерининская М. К. Она отметила, что в театре во всем чувствуется организованность, и в очередной раз акцентировала внимание на том, что новому руководству театра необходимо особое внимание уделить железной дисциплине. Помимо этого, Екатерининская М. К. предложила бороться с отменами спектаклей и ввести вторые составы.

Необходимо отметить тот факт, что в театр приходили работать и молодые актёры, которые окончили недавно

театральные институт. Новая актёрская молодёжь пыталась обрести свой голос в театре [1. Л.128].

Новое поколение молодых артистов достаточно быстро находило общий язык с представителями старой школы. Например, в спектакле «Пер Гюнт», сложилась прекрасная актёрская эстафета передачи исполнительского мастерства от актёра старшего поколения Б.А. Фрейндиля, к молодому актеру М. Долгину. Когда театральные критики давали отзыв на этот спектакль, то отметили, что наблюдается продуктивный преемственный диалог актеров, которые сыграли главную роль [1. Л.134].

Тем временем на очередном партийном собрании обсуждался вопрос о том, что в театре плохо организована работа с молодым коллективом актеров. Например, один из присутствующих на этом собрании актер сказал, что в постановочной части задействовано очень много молодёжи, но работа у многих из них не перспективная и мало им интересная. В свою очередь было высказано замечание, что первое зло в театре — это плохо организованный приём молодёжи в театр, что и определяет дальнейшую театральную судьбу молодых исполнителей. Принимать молодых актеров в труппу театра должен именно Художественный совет и сами режиссёры, а для этого мастерам необходимо регулярно ходить в театральный институт и наблюдать за студентами, начиная прямо с 3 курса. Что же касается уже принятых в труппу молодых актёров, за их профессиональный рост и исполнительское мастерство должен отвечать сам театр [6. Л.12].

Таким образом, потребность в обновлении — это проблема творческой преемственности, которая требует постоянного внимания. Молодые лица, выходя из тени, должны проявлять свои творческие способности [6. Л.13].

Справедливости ради нужно заметить, что студенты театрального института проходили практику в театре. Например, в письме директору академического театра драмы им. А.С. Пушкина, т. Клобошкину В.А. содержалась просьба принять для прохождения практики студентов 2 курса режиссёрского факультета Аристова В.Ф., Григорян Ю.Х., Цыдова З.Ю. (курс и.о. доцента Сулимова М.В.). Содержание практики заключалось в отработке техники сцены и процесса оформления новой постановки [7. Л.29].

Необходимо отметить, что театр, несмотря на трудности, активно гастролировал по стране. Например, 4 апреля 1967 года состоялось объединённое собрание Художественного совета и Партийного руководства театра, где говорилось о проекте гастролей в Москву, в котором было планировано показать на сцене Малого театра 23 спектакля с 13 июня по 2 июля. Для гастролей был отобран лучший репертуар. Первоочередной задачей театр ставил показать во всех спектаклях все поколения артистов, а также показать работу режиссуры [6. Л.59].

Литература:

1. Актёрское мастерство Академического театра им. А.С. Пушкина: сбор. науч. тр. [Под ред. А.Я. Альтшуллера, Н.В. Зайцева]. Л.: ЛГИТМИК, 1983. — 139с.

Немаловажно отметить, что в театре выходили новые спектакли, которые пользовались огромным успехом у зрителей. Например, в театре шли спектакли: утром «Дикий капитан», а вечером «Чти отца своего» [2. № 213. 1965. С. 4]. Спектакль «Дикий капитан» был поставлен по пьесе лауреата премии Юхана Смуула, в постановке режиссёра А. Музиля [2. № 28. 1966. С. 3].

В анализируемый период времени в театре также состоялась премьера спектакля «Жизнь Сент-Экзюпери» в постановке заслуженного артиста РСФСР В. Эренбурга. В спектакле были задействованы такие актёры как: народный артист СССР В. Честноков, народная артистка СССР О. Лебзак, заслуженные артисты РСФСР И. Горбачёв, А. Ян и многие другие [5. № 5. С. 133]. Данный спектакль имел успех у зрителей.

Несмотря на занятость в театральных постановках, артисты театра активно снимались в фильмах, но для этого руководство киностудии, на которой проходили съёмки, давали телеграмму в театр, запрашивая у театра разрешение артистам на съёмку. Например, в телеграмме из Минска, адресованной в театр имени А.С. Пушкина, просили разрешить артистке Н.Н. Ургант сниматься в фильме «Я родом из детства» с марта по апрель, и, следовательно, также была выражена просьба освободить ее от спектаклей на указанный период времени [7. Л.1].

Иногда руководство театра разрешало артистам сниматься в кино во время отпуска в театре. В заявлении на имя директора Ленконцерта тов. Кокину Г.М., сообщалось, что руководство академического театра драмы им. А.С. Пушкина разрешает во время отпуска театра с июля по август работать артистам данного театра в вверенном их учреждении [7. Л.10].

Таким образом, можно сделать вывод из всего вышесказанного, что Ленинградский Академический театр драмы имени А.С. Пушкина в середине 60-х гг. приживал не самые лучшие времена. Это отражалось в первую очередь на дисциплине в театре, которая была не самой лучшей, что, как следствие, вынуждало руководство театра принимать экстренные меры. Артистам объявляли выговор с занесением в личное дело. Из-за неудовлетворительной дисциплины руководству театра приходилось иногда отменять спектакли, что наносило большой урон репутации театра. Именно тогда было принято решение о том, чтобы организовать создание резервного состава, который в случае непредвиденной ситуации мог заменить основной состав. Но уже в начале 70-х гг. театр смог нормализовать дисциплину в труппе.

Начиная с середины 60-х и до начала 70-х гг. театр выходил из творческого кризиса благодаря новым постановкам в театре и гастролями по стране.

2. Вечерний Ленинград. Газета Ленинградского городского комитета коммунистической партии советского союза и ленинградского совета депутатов трудящихся. 1964—1975 гг.
3. Иванова В. В. Академический театр им. А. С. Пушкина. Л.: Лениздат, 1965. — 77с.
4. Смолкина К. П. 100 великий театров мира. М.: «Вече», 2010. — 386с.
5. Театр. Ежемесячный журнал драматургии и театра. Орган союза писателей СССР и КПСС. 1964—1975 гг.
6. Центральный Государственный архив историко-политических документов СПб. Ф. Р-1631. Оп.6. № 19.
7. Центральный Государственный архив литературы и искусства СПб. Ф. Р-354. Оп.2. № 664.

Формирование женского движения в Великобритании с конца XIX века по 1918 год

Долгушин Викентий Владимирович, студент магистратуры
Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (г. Калининград)

Вопреки сложившемуся мнению, суфражизм не являлся основополагающей задачей феминизма. Требование избирательного права для женщин было лишь одной из широкого спектра обсуждающихся и переносимых в печать идей.

На рубеже XVIII — XIX вв. сторонники раннего феминизма рассматривали брак как основное орудие угнетения женщины. В суровой действительности викторианства немногие женщины объявляли брачный союз угрозой социально-экономического неравенства полов. Дж. Милль в его работе «О подчинении женщин» писал, что «принцип, на котором зиждутся отношения двух полов друг к другу, т.е. подчинение женщины мужчине не только сам по себе ложен, но еще служит сильнейшим тормозом человеческому прогрессу. Представляя собой социальное зло, принцип этот должен быть заменен принципом полнейшего равенства, не допускающего прав и преимуществ с одной стороны и бесправия — с другой» [8, с. 234—235]. Он отмечал, что «женщина состоит в крепостной зависимости от мужа; она также легально подчинена ему как раба или невольница» [8, с. 241], но убеждал в способности женщин занимать должности и быть избирателями. Примечательна его мысль: «Что же касается способности женщин не только быть избирателями, но и самим занимать должности, связанные с большой ответственностью, то я уже заметил, что подобное препирательство с практической точки зрения совершенно лишнее. Если женщина успевает в какой-нибудь профессии, то этим самым она доказывает, что к ней способна» [8, с. 246]. И отмечал, что «предоставив женщине широкую свободу выбора деятельности по ее вкусу и способностям, открыв ей доступ ко всем профессиям на одинаковых правах с мужчиной, общество приобретет целую массу способных деятелей; там, где теперь имеется один даровитый человек для исправления известной должности — будет их два. ... расширение сферы деятельности женщины, приобщение ее к благам высшей культуры путем реформы ее образо-

вания, сблизит два пола, дав возможность одному пользоваться успехами, достигнутыми другим» [8, с. 251].

К началу XX века появилась группа «передовых» женщин, которые отвергали брак и открыто проповедовали свободную любовь. К таковым относилась Айседора Дункан. В автобиографии она писала, что еще с юности решила «бороться против брака, за эмансипацию женщин, за право каждой женщины рожать столько детей, сколько ей заблагорассудится... ..Если здравомыслящая женщина, ознакомившись с брачным контрактом, вступает затем в брак, она заслуживает всего того, что ее ждет» [5, с. 12].

Еще одной центральной проблемой феминизма «первой волны» была экономическая зависимость женщины. Отмечали, что зарплата работающей женщины часто была недостаточна для поддержания жизни, но тысячи женщин были заняты тяжелой работой по дому. Последовательные сторонницы феминизма отстаивали право женщины на финансовую независимость как предпосылку социальной независимости, самореализации и консолидации женщин. И еще одной немаловажной обсуждаемой темой была женская «индивидуальность» [6, с. 36]. Мужское общество подавляло женскую индивидуальность, сдерживало развитие ума и таланта, вынуждало усваивать тот эталон внешности и характера, который соответствовал мужскому представлению о поведении и внешнем виде женщины [7, с. 47].

Первые феминистки ставили вопрос: какой смогла бы стать женщина, будь она свободна в своем развитии, не подвержена давлению, дабы соответствовать установленному мужчинам эталону? Составлялся воображаемый облик «истинной женщины». Но в словах английской суфражистки Айды Уайли воплощен другой образ: «К своему удивлению, я обнаружила, что женщины... в решительную минуту способны провести типичного английского полисмена. Не имея практики, но мгновенно сориентировавшись, они принялись запускать в физиономию представителей власти гнилыми помидорами, с необычайной ловкостью заставляя агентов Скотланд-Ярда глупейшим образом бегать кругами... День, когда в театре,

где происходило одно из наших воинственных собраний, я прямым ударом в челюсть послала в оркестровую яму дюжего сыщика, я считаю днем моей зрелости... Нас всех переполняла неведомая до того любовь к жизни» [13, с. 16].

Зарождение английского феминизма как общественного явления началось в конце XVIII века и начальной точкой вступления женщин в борьбу за эмансипацию можно считать издание эссе английской писательницы Мэри Уоллстонкрафт «В защиту прав женщин» в 1792 году в Лондоне, ставшей основополагающей в серии феминистических публикаций конца XVIII века. Уоллстонкрафт описала состояние невежества и рабской покорности, на которое в силу социальных предрассудков и системы воспитания были обречены женщины. В работе, помимо описания личности «обычной женщины» как «ласковой комнатной собачонки» [13, с. 26], содержалось заявление о праве женщины на предоставление ей равенства в праве на образование, выражался призыв сделать женщину «другом, а не покорной содержанкой собственного мужа» [13, с. 27]. Эссе вызвало широкий резонанс у читателей и в основном была воспринята как посягательство на заповедь Библии о священности домашнего очага [4, с. 49].

1832 год — это начало суфражистской агитации в Великобритании. В августе 1832 года был принят Закон о реформе избирательного права, который дал право голоса небольшому количеству мужчин. Это побудило зажиточную незамужнюю старую леди Мэри Смит Станмор послать петицию в Парламент в 1832 году с вопросом, может ли женщина иметь право голоса. Член парламента Генри Хант («оратор Хант») направил спикеру Палаты общин «Петицию с просьбой предоставить право голоса всем незамужним женщинам, обладающим необходимым имущественным цензом». Станмор логично обосновала просьбу, что аргументом против предоставления женщине избирательного права являлся то, что ее голос представлен в голосе ее мужа, так как он, а не она, считается формальным владельцем собственности. А как быть, если женщина владеет собственностью, но не имеет мужа, не развяснялось [12]. Станмор заявила, что платит налоги и не понимает, почему не должна принимать участие в избрании представителя: «Женщины подлежат всем наказаниям закона — не исключая смерти — и должны иметь голос в их создании» [2, р.59]. Депутат сэр Эдвард Тренч ответил в Палате общин: «Было бы довольно неудобно, если бы присяжные половина мужчин и половина женщин были заперты вместе на ночь. Как сейчас часто случается с присяжными. Это может привести к довольно странному затруднению» [2, р.60]. Хант парировал: «Хорошо знал, что уважаемый член палаты часто был в компании дам в течение целых ночей, но он не знал, что из-за этих обстоятельств возникло какое-либо затруднение» [2, р.60]. Петиция, хотя и была обоснована, в Палате общин была отклонена [12].

В 1851 году английский философ-позитивист Джон Стюарт Милль в газете «Вестминстер ревью» сообщил

о дискуссиях по проблеме, которая освещалась на Вустерской конференции в США в 1850 году. А Шеффилдская женская ассоциация подала в Палату лордов первую петицию о предоставлении женщинам права голоса. В парламенте ажиотаж по этому вопросу не угасал до 1873 года, в особенности после публикации в 1869 году эссе Джона Стюарта Милля «О подчинении женщин». Он изложил свои представления о социальных и политических вопросах и его интересовал вопрос, чем регулируются существующие отношения между двумя полами. Милль считал, что юридическое подчинение одного пола другому является неправильным и главной помехой гармоничного развития общества. Это явление должно быть заменено принципом гендерного равенства. Не следует допускать доминирование одной стороны за счет другой [8, с. 253]. В 1865 году Милль выставил свою кандидатуру в депутаты Парламента от Либеральной партии; одним из пунктов его предвыборной кампании было предоставление женщинам права голоса. В июне 1866 года Милль, которого прозвали «дамский депутат», представил Палате общин петицию, составленную лидерами суфражисток, и предложил внести во Второй закон о реформе поправку и заменить слово «мужчина» словом «лицо». Предложение было отменено (его поддержали 74 депутата), но полемика о политическом равноправии британок не была объектом для насмешек и превратилась в серьёзный конституционный вопрос.

Когда его поправка была отвергнута, агитация за женские избирательные права усилилась: на местном уровне женщины, платившие налоги, осуществляли в области социального обеспечения, образования и приходских дел те же функции, что и мужчины (составляли официальные документы, занимали ответственные посты, например, в Лондонском комитете по больницам). Но депутаты не желали давать женщинам избирательные права на национальном уровне. Когда избирательные права расширились и включили мужчин глав домохозяйств и арендаторов в графствах и городах, женщины сочли это оскорблением. В то же время британки продолжали получать права: избирательное право голосовать в муниципалитетах (1869 г., 1882 г. в Шотландии), право голосовать и право быть избранными членами школьных советов и попечительских советов [4, с. 50–51].

К концу XIX века начали формироваться женские союзы. Первой и самой масштабной такой организацией стал Национальный союз женских избирательных обществ (НСЖИО). Организация была основана в 1897 году путем слияния Национального центрального общества за избирательное право женщин и части Национального общества женского избирательного права, организации, которые первоначально разделились в 1888 году. Организации, объединенные под руководством Миллисент Фосетт, ставшей президентом союза, стремясь добиться избирательного права женщин мирными и правовыми средствами, парламентским путем. Для разъяснения и продвижения своих целей исполь-

зовались мирные шествия, петиции, проведение собраний [3]. Они руководствовались работой одной из лидеров прежней организации Национального общества женского избирательного права Хелен Блекберн «Пособие для женщин, занятых в социальной и политической деятельности» [1], в которой содержались сведения о формах и методах борьбы. Но эти методы были мало заметны и не эффективны. В связи с этим к 1900 году движение суфражисток стало снижать активность. Вновь движение обрело силу в 1903 году, когда от НСЖИО откололась группа радикально настроенных активисток, и был образован Женский социально-политический союз (ЖСПС) [11, с. 393].

ЖСПС возглавила Эммелин Панкхерст, а активистки требовали уравнивать их в правах с мужчинами; для борьбы использовали более радикальные методы, чем НСЖИО: погромы, голодовки, поджоги, вандализм [4, с. 16–17]. Яркой акцией стала «Хрустальная ночь» в Лондоне в марте 1913 года, когда английские суфражистки молотками разгромили витрины магазинов на нескольких улицах, разбили окна резиденции премьер-министра на Даунинг-стрит [9, с. 46]. Несмотря на радикальные выступления Э. Панкхерст и членов ЖСПС, их действия видимого результата не дали. Но протестные акции и вызвавшая широкий резонанс смерть яркой представительницы суфражистского движения Эмили Девидсон под копытами королевской лошади на скачках в Эпсоме в 1913 году, влияли на общественное мнение [14, с. 51]. ЖСПС активно использовала вандализм. Например, Э. Панкхерст вспоминала, что в 1913 году уничтожали

письма в почтовых ящиках: когда их открывал почтовый служащий, таинственным образом возгорались, в других ящиках письма были уничтожены химикатами; во многих адреса были приведены в негодность черной жидкостью. Около 5000 писем было уничтожено, а доставка многих тысяч писем была задержана [10, с. 233–234]. 18 мая 1914 года Скотленд-Ярд направил руководству Национальной галереи Ирландии письмо с советом о бдительности в отношении суфражисток после случая, когда Мери Ричердсон порезала картину Диего Веласкеса «Венера перед зеркалом» в Национальной галерее в Лондоне [15]. После этого ряд женщин-заключенных объявили голодовку, и для пресечения смерти от голода полицейские кормили их силой, о чем указано в списке женщин, объявивших голодовку, который хранится в Национальном архиве Ирландии. Только за первые 7 месяцев 1914 года суфражистки подожгли 107 зданий [14, с. 54]. 1914 год можно назвать первым этапом борьбы британских женщин за равноправие. Он закончился поражением, так как началась Первая мировая война и на ее фоне страдания суфражисток казались ничтожными.

Все женские организации с началом Первой мировой войны приостановили свою деятельность, политическая борьба отошла на второе место. В это нелегкое для Великобритании время правительство, целиком состоявшее из мужчин, было вынуждено обратиться за помощью к женщинам, на что женщины отреагировали с большим энтузиазмом, им было позволено то, чего они добивались на протяжении долгих лет: работать наравне с мужчинами. На том и закончилась первая волна феминизма.

Литература:

1. Blackburn H. A Handbook for Women Engaged in Social and Political Work. L., 1895. The Internet Archive. URL: https://archive.org/stream/ahandbookforwom01blacgoog/ahandbookforwom01blacgoog_djvu.txt
2. Marlow J. Suffragettes: The Fight for Votes for Women. L., 2000. P. 59.
3. Вершинина Д. Б. Британский суфражизм и викторианские ценности // Диалог со временем. № 20. М.: Российское общество интеллектуальной истории, 2007. URL: <http://www.academia.edu/7072038>
4. Гендерология и феминология: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2009. С. 49.
5. Дункан А. Моя жизнь. Моя любовь. Моя жизнь. М.: Гелиос, 2007. С. 12.
6. История женщин на Западе: в 5 т. Т. IV: Возникновение феминизма: от Великой французской революции до Мировой войны / под общ. ред. М. Перро, под ред. Ж. Фрассе; науч. ред. перевода Н.Л. Пушкарева. СПб.: Алетейя, 2015. С. 36.
7. Крыкова И. В. Феминистское движение «первой волны»: особенности идеологии и организации // Вестник ТГУ. 2009. Вып. 7 (75). С. 47.
8. Милль Дж. О подчинении женщины / Гендерология и феминология: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2009. С. 234–235.
9. Панкхерст Э. В защиту прав женщин. // Феминизм: проза, мемуары, письма. М., 1992. С. 46.
10. Панкхерст Э. Моя собственная история / Гендерология и феминология: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2009. С. 233–234.
11. Панкхерст Э. Я призываю собравшихся к восстанию // Феминизм: проза, мемуары, письма. М., 1992. С. 393.
12. Поулсен Ч. Английские бунтари. М., 1987. URL: <http://www.agitclub.ru/museum/revolution1/eng/poulsen.htm>
13. Уолстонкрафт М. В защиту прав женщин // Феминизм: проза, мемуары, письма. М., 1992. С. 26.
14. Хейстингс М. Первая мировая война. Катастрофа 1914. М., 2014. С. 51.
15. The Present Duty of Irishwomen // Irish Archives Resource. Dublin, 2015. URL: <http://www.iar.ie/Docs/The%20Present%20Duty%20of%20Irishwomen.pdf>

ТЕОЛОГИЯ

Религия и образование в постсоветской России конца XX века

Дудорова Анна Сергеевна, студент магистратуры

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

1991 г. — переломный в истории России. Период «перестройки», развал прежней политической системы, признание независимости ряда союзных республик и последовавший за этим распад СССР породили глубокие преобразования во всех сферах жизнедеятельности общества.

Перемены затрагивают и духовную сферу. В 1990-е гг. происходит возрождение религии. И одной из причин данного процесса является то, что, несмотря на официальную советскую политику, семьи или небольшие группы людей все же сохраняли свою религиозность на уровне обрядов и традиций [9, с. 178]. Еще до развала СССР был принят закон, который позволял «свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и атеистические убеждения, исповедовать любую религию или не исповедовать никакой и действовать в соответствии со своими убеждениями при условии соблюдения законов государства» [4]. Далее в Конституции Российской Федерации 1993 г. были признаны идеологическое многообразие, свобода совести и вероисповедания, Россия была провозглашена светским государством. Все это определило некоторое направление государственной политики в сфере образования по отношению к знаниям о религии.

Таким образом, можно отметить, что проводимая религиозная политика в духовной сфере положительно определяла положение религиозных представлений в обществе. Но подобно нельзя сказать о системе образования, на которой первые постсоветские годы тяжело отразились, несмотря на достигнутые ранее положительные результаты. В первой половине 1990-х гг. данная сфера общества «оказалась вне приоритетных задач государства», упала ее востребованность, педагоги выходили на забастовки. Сфера образования вновь переживала кризис [6, с. 147]. Государством предпринимались попытки решения проблем. Так в 1992 г. был принят Закон Российской Федерации «Об образовании», в котором образование определяется как «целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства, сопровождающийся констатацией достижения гражданином (обучающимся) установленных государством образовательных

уровней (образовательных цензов)» [5]. В Законе говорилось о гуманистическом, светском, демократическом, свободном характере образования, о защите различных культурных традиций, о свободном развитии личности и т.п.

В первой половине 1990-х гг. вместе со свободой вероисповеданий в образовательные программы просочились и такие религиозные организации, которые, могли нести деструктивный характер. Исследователь О.В. Пигорева вместе с соавтором З.Д. Ильиной отмечают, что подобные взгляды, обходя несовершенство только строящейся системы, преподносились не только ученикам, но и преподавателям [7]. В 1994 году был подписан приказ о запрете любых уроков религии в школах [2, с. 7], который противоречил принятой в 1993 г. Конституции, провозглашающей принцип свободы вероисповедания. После этого преподавание знаний о религии начало носить характер курсов, внеурочных занятий и мероприятий.

Изучая взаимоотношения религии и системы образования в Республике Бурятия, А.А. Белькова отмечала, что в период 1990-х — 2000-х гг. выявлялись случаи, когда различные религиозные организации вступали в контакт со школами с целью донесения до учеников информации о своей конфессии. При этом исследователь указывает, что и методы также использовались разные. Что касалось «так называемых традиционных религий», здесь инициативу проявляли сами священнослужители, организовывая экскурсии в храмы, священные места, проводя классные часы и т.п. Представители же «нетрадиционных» конфессий, как, например, Церковь христиан-адвентистов седьмого дня, использовали такие методы привлечения детей вне школ как организация курсов иностранного языка с религиозным уклоном и пр. [1, с. 89].

Исследователи Т.А. Быкова и с Р.А. Быков также отмечали, что в 1990-е имело место влияние религиозных организаций на учебные заведения. Как и в работе Бельковой, они указывали на случаи обращения «активистов» в школы, где некоторым удавалось договориться с учителями [2, с. 7].

В сентябре 1997 г. вышел обновленный Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объедине-

ниях», который предоставлял возможность религиозным организациям обучать детей религии, но с согласия родителей или лиц, их заменяющих. В документе отмечалось, что государство не вмешивается в становление у гражданина отношения к религии, в том числе и в воспитание детей их родителями, которое соответствует их убеждениям, а также не противоречит правам ребенка на свободу совести и вероисповедания. При этом подчеркивалось, что образование в стране носит светский характер, что означает в свою очередь обеспечение обучения религии не за счет муниципальных учреждений, а религиозными организациями, вне рамок образовательной программы [10].

Кроме того, данный Закон впервые выделил особую для страны роль православия, которая тем самым выделялась на фоне хлынувших после падения «железного занавеса» многочисленных новых религиозных организаций, проповедующих далекие для населения взгляды. Это повлияло на то, что, например, в основном в провинциях центральной России религиозный плюрализм сменился на преподавание традиционной для территории православной культуры [6, с. 198]. В конце 1990-х гг. постепенно в некоторых регионах страны начал вводиться курс изучения православной культуры, который носил различные наименования. Наиболее известным стал курс «Основы православной культуры», разработанный в Курской области. Уже с 1997 г. данная дисциплина была введена в 300 из 800 школ региона. В свою очередь форма изучения варьировалась в зависимости от выбора учреждения. Чаще всего это были факультативы, встречались спецкурсы, а также и изучение религии в рамках кружковой работы. На этих основаниях Патриарх Алексий II и в будущем его преемник митрополит Кирилл (Гундяев) начали настаивать на введении изучения религии в школе, причем не только в форме факультатива, но и в рамках основной программы обучения [3, с. 167].

К концу 1990-х гг. ярче стали проявляться проблемы в сфере образования. Особенно Министерство образо-

вания беспокоил факт возрастания преступности, наркомании, алкоголизма, безнадзорности и других проявлений аморального поведения у молодежи. В 1999 г. была утверждена «Программа развития воспитания в системе образования России на 1999–2000 гг.», в которой признавалась значимость организации воспитания подрастающего поколения в школе, формирования у молодежи культурных норм, ценностей на основе патриотизма, народных традиций. Тем самым был впервые принят, что духовно-нравственное воспитание играет важную роль в развитии общества и государства [6, с. 227–228]. В этом же году Министерством образования было подписано Инструктивное письмо «О предоставлении религиозным организациям возможности обучать детей религии вне рамок образовательных программ в помещениях государственных и муниципальных образовательных учреждений». Документ позволял конкретной религиозной организации использовать в согласованной форме помещение образовательного учреждения, если обучение религии будет указано в уставе самой религиозной организации. Такое обучение должно проводиться вне образовательной программы, вне учебного расписания на условиях соглашения, достигнутого между родителями и организацией. Отмечалось, что желание ребенка по поводу получения им знаний должно высказываться родителями в форме заявления, а при достижении школьником 14-летнего возраста, он мог сам высказать такую просьбу. При этом в заявлении необходимо было указать планируемую религиозную организацию. Содержания обучения не должно было противоречить не только нормам Конституции РФ, но и федеральному законодательству в сфере образования, а также Всеобщей декларации прав человека. Сама религиозная организация должна была обладать уставом и свидетельством о государственной регистрации. Тем самым были предприняты меры по предотвращению проникновения нетрадиционных для населения взглядов в образовательные учреждения [8].

Литература:

1. Белькова А. А. Религия и образование: десекуляризация в постсоветской Бурятии / А. А. Белькова // Власть — М.: Общество с ограниченной ответственностью «Редакция журнала »Власть» — 2013. — № 6 — С. 88–91.
2. Быкова Т. А., Быков Р. А. Роль традиционных и новых религиозных объединений в развитии культурного капитала населения в постсоветской России / Т. А. Быкова, Р. А. Быков // Вестник ТГУ. Культурология и искусствоведение. — Томск: ТГУ — 2014. — № 2 (14) — С. 5–14.
3. Ерлызева И. А. Интеграция светского и православного образования в современной России. / И. А. Ерлызева // Научный альманах. — Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком» — 2017. — № 4–2 (30) — С. 163–173.
4. Закон РСФСР от 25.10.1990 N267–1 (ред. от 27.01.1995) «О свободе вероисповеданий» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: <http://legalacts.ru/doc/zakon-rsfsr-ot-25101990-n-267-1-o/> (Дата обращения: 21.06.2019)
5. Закон РФ от 10.07.1992 N3266–1 (ред. от 12.11.2012) «Об образовании» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: <http://legalacts.ru/doc/zakon-rf-ot-10071992-n-3266-1-s/> (Дата обращения: 21.06.2019)
6. Пигорева О. В. Государственная политика и региональная практика изучения религии в образовательном пространстве центра России на рубеже XX–XXI вв. (монография) / О. В. Пигорева — М.: ЦГИ Принт — 2017. — 410с.

7. Пигорева О. В. Расширение знаний о религии в образовательном пространстве РСФСР — России в конце 1980-х — 2000-е гг. / О. В. Пигорева, З. Д. Ильина // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» [Электронный ресурс] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rasshirenie-znaniy-o-religii-v-obrazovatelnom-prostranstve-rsfsr-rossii-v-kontse-1980-h-2000-e-gg> (Дата обращения: 16.06.2019)
8. Письмо Минобразования РФ от 4 июня 1999 г. N14–53–281ин/14–04 «О предоставлении религиозным организациям возможности обучать детей религии вне рамок образовательных программ в помещениях государственных и муниципальных образовательных учреждений» // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ [Электронный ресурс] URL: <http://base.garant.ru/183743/> (Дата обращения: 13.06.2019)
9. Пронина Т. С. Религиозность позднего советского периода и ревитализация религии в постсоветской России / Т. С. Пронина // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки — Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина — 2015. — Выпуск 6 (146). — С 178–189.
10. Федеральный закон РФ от 26.09.1997 N125-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: <http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-26091997-n-125-fz-o/> (Дата обращения: 24.06.2019)

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Аксиоматические принципы правового государства и особенности их трансформации в современных условиях

Авдеева Ольга Анатольевна, профессор;
Жмурова Алёна Игоревна, курсант
Восточно-Сибирский институт МВД России (г. Иркутск)

*Государство в своей деятельности
связано и ограничено только правом,
стоит под правом, а не вне и над ним.*

В. Гессен

В условиях глобализации международной жизни одним из стратегических направлений признается адекватизация принципов правовой государственности в условиях национальных правовых систем. Вместе с тем построение правового государства зависит от реализации принципов, разработанных в ходе развития науки теории государства и права.

Юридическому познанию предшествовало формирование правовой философской мысли. Идеи о государстве, которое осуществляет свою деятельность в рамках закона, получили оформление в процессе создания государства и права. Разумеется, смысл и содержание идеи правового государства не были одинаковыми у различных мыслителей, политических и общественных деятелей. Но независимо от подходов к представлению о правовом государстве как государстве законности, справедливости и всеобщего благоденствия неизменно признавалось тождество гуманизма, добра и справедливости [1, с. 351].

Идея правового государства стала зарождаться в трудах античных мыслителей (Аристотель «Политика», Цицерон «Диалоги», Д. Локк «Два трактата о правлении» и «Опыты о человеческом разумении», И. Кант «Трактаты и мысли»). Данные идеи заложили базис, на котором стали основываться идеи последователей изучения сущности правового государства. Вклад в развитие теории правового государства внесли мыслители XVIII—XX вв. [2, с. 551]. Обоснование правового государства впервые встречается у И. Канта, который определял государство как союз множества людей, подчиненных правовым законам [3, с. 134]. И. Кант считал главным признаком правового государства связанность и ограничение государства правом [8].

В последующем выделяется в доктрине второй принцип правового государства — разделение властей. Это важнейший принцип функционирования правового государства, поскольку без него немислимо обеспечение верховенства права и народовластия [7, с. 64]. Дж. Локк считал, что в конституционном государстве может быть всего одна верховная власть — законодательная, которой все должны подчиняться [9]. Разделяя идею Дж. Локка, Ш. Монтескье писал, что разделение государственной власти предполагает независимые друг от друга ветви власти — законодательную, исполнительную и судебную, которые функционируют на основе системы «сдержек и противовесов». Противоречия и неустойчивость такой системы разрешаются, главным образом, благодаря правовой культуре общества [13].

Принцип верховенства права «the rule of law» в переводе с английского языка означает «правление, господство права» [5, с. 372]. Следует отличать понятие верховенства права от верховенства закона. Под верховенством закона подразумевается, что все нормативно-правовые акты не должны противоречить основному закону. Особенностью верховенства права, в свою очередь, является то, что принцип верховенства права соединяет в себе верховенство (приоритет) прав человека и верховенство закона.

Принцип народовластия означает «народный суверенитет». Известно, что государство является не единственным источником формирования права. Именно волеизъявления народа (как прямо, так и косвенно, через представителей власти, представительная демократия) и есть начало создания того или иного правового акта. Институтом, позволяющим народу осуществлять народовластие, являются выборы и референдум.

Дефиниция «правового государства» — Rechtsstaat была разработана в первой трети XIX вв. в трудах немецких ученых К. Велькера (1813 г.), в И. Х. Ф. фон Аретина (1814 г.) и Р. фон Моля, которые вводят термин «правовое государство» в научный оборот в 1829 г. [4, 5]. Необходимо отметить, что Staat в переводе с немецкого языка означает государство, Rechts — право. Соответственно, термин Rechtsstaat следует трактовать как «государство права» [6].

Немаловажную роль в формировании идей правового государства сыграли российские мыслители XIX—XX вв., в том числе Н. М. Коркунов, Л. И. Петражицкий, П. И. Новгородцев, Б. А. Кистяковский и др. [3, с. 135]. С. А. Котляревский считал, что правовое государство предполагает наличие в государстве развитого гражданского общества, а также повышения правовой культуры всех слоев населения в государстве [9]. Профессор П. Новгородцев писал, что народ должен оставаться «дремлющим законодателем», то есть не самому все решать и делать, а через институты народного представительства [10].

В современный период в теории государства и права также имеет место неоднозначность подходов к понятию правового государства. Также нет единства в вопросе о том, какие именно принципы отражают сущность правового государства. Профессор В. Д. Перевалов под принципами понимает основополагающие идеи, определяющие модель государства, которое могло бы называться правовым [5, с. 53]. Так, Цыганов В. И. под правовым государством понимает государство, основанное на ряде основополагающих принципов, к которым обычно относят верховенство права, наличие у человека прав и свобод и разделение властей [3, с. 135]. Профессор А. В. Мелехин отмечает, что современное правовое государство — это демократическое государство, в котором обеспечиваются права и свободы, участие народа в осуществлении власти (непосредственно или через представителей). Это предполагает высокий уровень правовой и политической культуры и развитое гражданское общество. В правовом государстве обеспечивается возможность в рамках закона отстаивать и пропагандировать свои взгляды и убеждения, что находит свое выражение, в частности, в формировании и функционировании политических партий, общественных объединений, в политическом плюрализме, в свободе прессы и т. п. [2, с. 558]. Профессор В. Д. Зорькин к числу сущностных признаков правового государства относит верховенство права, включая приоритет прав человека и верховенство правового закона, народовластие и разделение властей [7, с. 53].

Таким образом, в настоящее время ученые продолжают вести дискуссии о понятии и признаках правового государства. Для того чтобы раскрыть сущность правового государства, недостаточно ограничиться набором внешних характеристик и определенной системой принципов. Суть правового государства заключается в ха-

рактере законов, их соответствии правовой природе вещей, направленности на обеспечение суверенитета личности.

Правовое государство действует в условиях демократического государственного режима (народовластия). Согласно Всеобщей декларации прав и свобод человека 1948 г. ст. 21, ч. 3 воля народа должна быть основой власти правительства [12]. Во взаимодействии государства и права ведущая роль принадлежит праву (верховенство права). Сущность права заключается в гарантировании прав и свобод человека как высшей ценности государства. Органы государства для обеспечения данных прав и свобод функционируют по принципу разделения на законодательную исполнительную и судебную власть. Это позволяет создать эффективный механизм законотворческой деятельности, совершенствовать исполнительно-распорядительные функции и осуществлять взаимную ответственность личности и государства путем беспристрастного правосудия, мер внутригосударственной и международной правовой защиты. Соблюдение правовой государственности обусловливает построение и функционирование гражданского общества.

В современных правовых системах наряду с основными принципами выделяют дополнительные, которые раскрывают специфику правового государства в силу исторических, культурных, религиозных или иных факторов. К числу таковых относят принципы политического и идеологического плюрализма.

Однако ведущие современные исследователи в области правовой государственности и прав человека М. Дженис, Р. Кей и Э. Брэдли справедливо отмечают, что стержнем национальных правовых систем следует считать степень гарантированности государством принципов уважения закона и верховенства права. Более того мерилом правового государства, по мнению Р. А. Мюллерсона, является степень обеспеченности прав и свобод личности.

На основании этого одной из приоритетных задач в развитии российской правовой системы является реализация принципов правовой государственности, декларированных в Конституции РФ 1993 г. Ведущая роль отводится признанию прав и свобод человека как высшей ценности государства. В целях гарантирования социально-значимых прав и законных интересов личности реализуются направления Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Поэтому совершенно справедливо современные ученые отмечают, что в качестве современной проблемы гарантирования безопасности личности и ее прав и свобод признается конституционализация отраслевого, в том числе административного, трудового и уголовного законодательства, создающего реальные условия по укреплению правовой обеспеченности, гарантий эффективной реализации и защиты естественных прав и свобод человека и гражданина в контексте взаимодействия правовой государственности и построения гражданского общества.

Литература:

1. Авдеева О.А. История отечественного государства и права. Курс лекций. Часть I (IX–XVIII вв.) / О.А. Авдеева. — Иркутск: Оттиск, 2005. — 292 с.
2. Авдеев В. А., Авдеева О.А. Конституционализация уголовного закона в сфере обеспечения права человека на жизнь // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. — 2014. — № 4. — С. 207–216.
3. Блажич Н.И. Модели разделения властей в правовом государстве: автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.01 / Н.И. Блажич., науч. рук. В.Г. Графский. — М., 2004.
4. Всеобщая декларация прав и свобод человека 1948 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (дата обращения: 12.02.2019)
5. Довбуш Т.Н. Принципы правового государства и механизм их реализации: Теоретико-правовой аспект: автореферат дис... кандидата юридических наук: 12.00.01 / С. — Петерб. гуманитар. ун-т профсоюзов. — Санкт-Петербург, 2005. — 19 с.
6. Маркосян Т. А., Логунцова Е.А. Принцип разделения властей — важнейший атрибут демократического правового государства // Юный ученый. — 2016. — № 6. — С. 26–27. URL: <http://yun.moluch.ru/archive/9/598/> (дата обращения: 26.02.2019)
7. Перевалов В.Д. Теория государства и права: учебник — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма: ИНФА-М, 2013. — 496 с.
8. Реуф В. М., Зацепя О.О. Принцип народовластия как ключевой элемент правовой идеологии современного государства, 2010. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-narodovlastiya-kak-klyuchevoy-element-pravovoy-ideologii-sovremennogo-gosudarstva> (дата обращения: 21.02.2019).
9. Цыганов В.И. Тезисы лекций. Учебное пособие по теории государства и права. — Нижний Новгород, 2007. — 134 с.
10. Шухов Ф. Г., Наумов И.А. Правовое государство: эволюция взглядов и современность, 2007. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-gosudarstvo-evolyutsiya-vzglyadov-i-sovremennost> (дата обращения: 21.02.2019).
11. Яковлев В.Ф. Правовое государство: вопросы формирования. — М.: Статут, 2012. — 488 с.

Проблемы назначения наказания несовершеннолетним

Астапчик Ирина Владиславовна, студент

Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Краснодар)

Проблемы, связанные с привлечением подростков к уголовной ответственности, применение мер уголовно-правового наказания стоят достаточно остро, однако специальная система правосудия для несовершеннолетних в нашей стране до сих пор не развита в должной мере.

Актуальность работы обусловлена тем, что проблема преступности несовершеннолетних занимает особое место в работе правоохранительных органов, так как субъектом преступления являются лица, не достигшие достаточной социальной зрелости и не умеющие правильно, глубоко оценивать свои поступки в силу своего возраста.

Поэтому целью своей работы я ставлю обозначить особенности личности несовершеннолетнего, изучить особенности и меры наказания несовершеннолетних и выяснить, в чём же состоит проблема назначения наказания несовершеннолетним.

Итак, согласно ст. 87 УК РФ [1] несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось 14, но не исполнилось 18 лет.

Уголовная ответственность несовершеннолетних наступает в соответствии с общими положениями УК РФ, но с учётом особенностей личности подростка, прежде всего, недостаточной социальной зрелости и неумения правильно оценивать свои поступки, а поэтому и возраст несовершеннолетнего является смягчающим обстоятельством (ч. 2 ст. 89 УК РФ). Общественная опасность совершаемых несовершеннолетними преступлений не может быть адекватно понята без учета данных о личности подростка. Личность несовершеннолетнего преступника не полностью сформированная, изменчивая, не обладает сложившейся социальной направленностью и имеет недостаточно развитую волю, а потому не способна в полной мере контролировать свое поведение и эмоции.

Специфика определения мер уголовного наказания по делам несовершеннолетних заключается в том, что совершенные ими преступления причиняют вред не только охраняемым законом благам, но и отрицательно влияют на развитие их личности, так как личность несовершенно-

летнего преступника находится в стадии формирования, а совершенное им преступление в большинстве случаев является следствием стечения неблагоприятных жизненных обстоятельств. Известно, что преступность морально уродует и подвергает социальной деградации, совершение преступления в несовершеннолетнем возрасте служит обстоятельством, которое накладывает глубокий отпечаток на дальнейшую судьбу подростка, в значительном числе случаев определяет характер его последующих отношений с законом. В связи с этим на уголовное наказание несовершеннолетних накладывается особая социальная роль — служить средством их исправления и ресоциализации посредством ликвидации дефектов воспитания. Процесс ресоциализации по возможности должен протекать в привычной для несовершеннолетнего социальной среде. Об этом говорится во многих международно-правовых документах, рассматривающих проблемы несовершеннолетних. В основе предупреждения их преступности, назначения им наказания должны лежать принципы и цели воспитания несовершеннолетних.

Ст. 88 УК РФ перечисляет виды наказания, назначаемые несовершеннолетним: штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы, лишение свободы на определенный срок. При этом штраф назначается как при наличии у несовершеннолетнего осужденного самостоятельного заработка или имущества, на которое может быть наложено взыскание, так и при отсутствии таковых, так как он может взыскиваться и с законных представителей несовершеннолетнего с их согласия [2, 576 с.]. При назначении наказания в виде лишения свободы уголовный закон предусматривает, что срок не должен превышать 6 лет для несовершеннолетних в возрасте до 16 лет. При этом при назначении наказания в виде лишения свободы за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления нижший предел наказания, предусмотренный Особой частью УК РФ, сокращается наполовину.

Таким образом, мы видим, что закон гуманно относится к несовершеннолетним правонарушителям. Он дает право выбора наказаний. Кроме того, Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [3], что наказание несовершеннолетнему в виде лишения свободы суд вправе назначить только в случае признания невозможности его исправления без изоляции от общества, с приведением мотивов принятого решения.

Анализ практики применения наказаний в отношении несовершеннолетних показывает, что из шести видов на-

казаний, применяемых к несовершеннолетним, выбор конкретного наказания на практике очень ограничен. Согласно правовым нормам российского законодательства и международного права лишение свободы несовершеннолетних не должно рассматриваться в качестве наиболее целесообразного, преобладающего вида наказаний. Однако чаще всего назначается наказание в виде лишения свободы реально и условно. Другие виды наказаний либо редко применяются (исправительные и обязательные работы, штраф), либо не применяются вообще (лишение права заниматься определенной деятельностью), несмотря на то, что лишение свободы должно применяться к несовершеннолетним в качестве крайней меры наказания.

Так, например, за 2018 г. осуждено по главе 16 УК РФ 1213 несовершеннолетних, из них 401 несовершеннолетний лишен свободы и 354 — условно, 13 привлечено к исправительным работам, 26 назначен штраф; по главе 17 УК РФ из 11 осужденных несовершеннолетних 6 лишены свободы, по главе 21 УК РФ осуждено 14601 несовершеннолетних, из них лишены свободы 1808 и 5772 несовершеннолетних условно, штраф назначен 1476 несовершеннолетним и к обязательным работам привлечено 3626 несовершеннолетних [4].

Способствует ли это снижению преступности несовершеннолетних? Статистика преступности несовершеннолетних неоднозначна. Так, согласно данным правовой статистики [5], количество несовершеннолетних, совершивших особо тяжкие преступления, в последние годы возрастает (в 2016 г. — 1632 несовершеннолетних, в 2018 г. — 1968), а количество несовершеннолетних, совершивших тяжкие преступления, в последние годы уменьшается (в 2016 г. — 9905 несовершеннолетних, в 2018 г. — 7748), однако доля их остается высокой. Криминологические исследования преступности несовершеннолетних показывают, что отличительной особенностью преступности несовершеннолетних в последние годы является рост особо тяжких преступлений против жизни и здоровья, причем носят преимущественно групповой характер (40%) и им зачастую свойственен характер детского озорства.

Таким образом, можно сказать, что законодательство в сфере назначения наказания в отношении несовершеннолетних за совершенные ими преступления должно развиваться. На наш взгляд, законодателю следует рассмотреть иные виды наказания как эффективные, которые являются не менее важными, чем лишение свободы. Ведь лишение свободы несформировавшейся личности и подвержение изолированным условиям жизни не всегда приводит к перевоспитанию несовершеннолетних и осмыслению совершенных ими деяний.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

2. Журавлев М. П., Никулин С. И. Уголовное право. Общая и Особенная части: У26 учебник для средних профессиональных учебных заведений. — М.: Норма, 2009. — 576 с.]
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Российская газета. — 11 февраля 2011 г. — № 29],
4. Официальная статистика Судебного Департамента при Верховном Суде РФ о наказуемости несовершеннолетних, совершивших преступления, (форма № 12 ведомственной отчетности, раздел 2: Назначение наказаний), 2018. — URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> (дата обращения 29.06.2019)].
5. Портал правовой статистики. — URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения 29.06.2019)]

Ответственность сторон по договору перевозки груза железнодорожным транспортом

Бояркина Елена Васильевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В настоящей статье на основании судебной практики Москвы и Московской области проводится анализ привлечения к ответственности за нарушения сторонами условий перевозки груза железнодорожным транспортом, выявляются пробелы правового регулирования, предлагаются решения выявленных проблем.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт. Перевозка, груз, ответственность, перевозчик, грузоотправитель, вина, неустойка.

Согласно договорам об организации перевозок перевозчики обязуются в установленные сроки принимать грузы в обусловленном объеме, а грузоотправители обязуются предъявлять их для перевозки.

Договор перевозки грузов железнодорожным транспортом в настоящее время представляет собой один из составляющих элементов сложного юридического состава, находящегося в основе обязательства по осуществлению перевозки грузов железнодорожным транспортом.

Другими элементами указанного юридического состава является достижение перевозчиком и грузоотправителем соглашения о предъявлении грузоотправителем груза к перевозке, а в необходимых случаях и договор об организации перевозок [6].

Перевозка грузов осуществляется на основании договора перевозки, условия которого, ответственность сторон определяются соглашением сторон, если ГК РФ, Уставом железнодорожного транспорта РФ [2] (далее — УЖТ РФ), иными законами и изданными в соответствии с ними правилами не установлено иное [3].

Положения гл. 40 ГК РФ в большинстве случаев содержат отсылочные нормы к транспортным уставам и кодексам, отражающим специфику отдельных договоров в сфере транспортной деятельности [4].

Отправители и получатели груза несут ответственность за несоблюдение условий договора перевозки груза.

В первую очередь они несут ответственность за несвоевременные расчеты с перевозчиком за перевозку груза, которая выражается в уплате процентов, — ст. 395 Гражданского кодекса Российской Федерации [1].

Грузоотправитель несет ответственность за неточное указание в товаро-транспортном документе сведений о грузе, что влечет понижение стоимости перевозки или оказывает влияние на безопасность транспорта, за отправление запрещенных для перевозок видов грузов. Также грузоотправитель несет ответственность за нарушение установленных правил перевозок и таможенных норм, в результате чего произошла задержка транспортных средств органами, осуществляющими государственный надзор.

Грузоотправитель может быть привлечен также за то, что причинил своими действиями повреждение транспортных средств.

Наиболее подробные правила об ответственности отправителя и получателя груза содержит Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации.

Ответственность за невыполнение заявки (заказа) при перевозках грузов на транспорте, в отличие от общегражданской имущественной ответственности по принципу вины (ст. 401 ГК РФ), наступает не только за вину, но и за случай.

Статья 19 УЖТ устанавливает, что грузоотправитель и грузополучатель могут быть привлечены к ответственности за убытки, которые возникли при перевозке в связи с происшедшими по их вине различными видами ситуаций [7].

Обстоятельства, которые освобождают грузоотправителя от ответственности за невыполнение обязательств на перевозку грузов, установлены ст. 116 УЖТ.

Следует отметить, что ст. 104 УЖТ предусмотрена ответственность грузоотправителя, грузополучателя при

повреждении или утрате предоставленных перевозчиком вагонов, контейнеров. Субъекты, несущие ответственность, обязаны отремонтировать либо возместить перевозчику стоимость ремонта или фактическую стоимость поврежденных или утраченных вагонов, контейнеров.

Кроме того, грузоотправители, грузополучатели возмещают перевозчику убытки, понесенные им вследствие повреждения или утраты вагонов, контейнеров.

Рассмотрим на примере судебной практики. АО «Талтэк Транс» обратилось в Арбитражный суд г. Москвы с иском к ОАО «Российские железные дороги» о взыскании 477556,16 руб убытков.

Как следует из материалов дела, в августе 2017 г. вагоны отцеплены перевозчиком на станциях Российских железных дорог по коду неисправности 107 — выщербина обода колеса, для проведения текущего ремонта.

На основании статей 20,105 Устава железнодорожного транспорта РФ ответственность за повреждение или утрату вагонов или их узлов и деталей, принадлежащих различным другим юридическим лицам, возлагается на перевозчика.

Истец обеспечил исправное состояние своих вагонов, что подтверждается принятием их Ответчиком к перевозке. Следовательно, приняв вагоны к перевозке, перевозчик тем самым подтвердил их техническую исправность.

По условиям перевозки, перевозку вагонов и обслуживание тормозного оборудования локомотивов и вагонов осуществляет перевозчик (ОАО «РЖД»).

Следовательно, ОАО «РЖД» повредило вагоны АО «ТалТЭК Транс» посредством неправильной эксплуатации колёсных пар.

Вина в нарушении обязательства или в причинении вреда предполагается, пока не доказано обратное. Данные выводы подтверждаются многочисленной судебной практикой, например, Постановлениями Девятого Арбитражного Апелляционного суда от от 16.03.2018 г. А40—186379/17, 29.09.2017 г. по делу № А40—224481/16.

Статья 105 ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» возлагает на перевозчика, повредившего принадлежащие другому лицу вагоны, обязанность возместить фактическую стоимость поврежденных вагонов, а также убытки, понесенные владельцами вагонов вследствие их повреждения, то есть иные убытки.

Поскольку материалами дела подтверждено нарушение ответчиком условий договора, и ответчиком не представлено доказательств, свидетельствующих о невозможности выполнения взятых на себя обязательств в отсутствие его вины, исковые требования истца признаются судом обоснованными и подлежащими удовлетворению [8].

Размер законной неустойки, как и предел ответственности, установленный в ст. 97 УЖТ РФ, носит императивный характер, в связи с чем не может изменяться судебным решением [5].

На основании изложенного, в целях урегулирования судебной практики, пункт 78 Постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7 следует дополнить указанием: «... целевым назначением снижения законной неустойки является защита интересов «слабой стороны» договора, которая, в силу преобладающего влияния на рынке контрагента, может быть вынуждена заключить договор». Данное указание позволит исключить возможность снижения законной неустойки в отношении субъектов, занимающих монопольное положение.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2003. — № 2. — Ст. 170.
3. Андреев В. К. Договор перевозки грузов железнодорожным транспортом в современных условиях // Журнал предпринимательского и корпоративного права. — 2017. — № 2. — С. 45–48.
4. Вайпан В. А. Правовое регулирование транспортной деятельности // Право и экономика. — 2012. — № 6. — С. 33.
5. Карпеев О. В. Законная неустойка за просрочку доставки груза железнодорожным перевозчиком: теория и практика // Транспортное право. — 2019. — № 1. — С. 9–13.
6. Самигулина А. В. Особенности заключения договора перевозки груза железнодорожным транспортом // Право и экономика. — 2016. — № 2. — С. 40–44.
7. Самигулина А. В. Особенности ответственности грузоотправителя и грузополучателя в договоре перевозки груза железнодорожным транспортом // Право и экономика. — 2016. — № 3. — С. 58–61.
8. Решение Арбитражного Суда г. Москвы от 27 мая 2019 г. по делу № А40—182882/2018 <https://sudact.ru/arbitral/doc/S48gj2A5NH6j/?arbitral>

Проблемы правового регулирования перевозки грузов железнодорожным транспортом

Бояркина Елена Васильевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В настоящей статье рассматриваются проблемы правового регулирования перевозки грузов железнодорожным транспортом, на основании выявленных пробелов в законодательстве предлагаются пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт, перевозка груза, грузоперевозчик, грузоотправитель, договор оказания услуг, ответственность, штраф, пени, правовое регулирование.

Договор перевозки грузов в настоящее время представляет собой один из имеющих наибольшее распространение в предпринимательской деятельности договоров. Он оказывает значительную роль в развитии экономических связей, осуществляя для этого перемещение грузов в различных направлениях. Наибольший интерес в развитии грузоперевозок имеет перевозка грузов железнодорожным транспортом.

Несмотря на то, что отношения по перевозке грузов, в том числе железнодорожным транспортом насчитывают не один десяток лет и законодательство, регулирующее указанный вид перевозок в достаточной степени сформировалось, стоит отметить, что все же имеют место пробелы в нормативно-правовом регулировании железнодорожных грузоперевозок.

Законодательство, регулирующее железнодорожные грузоперевозки, является в свою очередь составной частью гражданского законодательства и не может противоречить его основным началам, которые закреплены в Гражданском кодексе РФ.

Что касается отраслевого регулирования, то правоотношения, которые возникают из перевозок грузов железнодорожным транспортом в настоящее время урегулированы Уставом железнодорожного транспорта РФ, закрепляющим условия организации и осуществления перевозок, в том числе груза.

Специфической отличительной чертой договора перевозки груза железнодорожным транспортом является то, что в нем указывается грузополучатель, которому груз должен быть выдан на станции назначения, и хотя грузополучатель не принимает участия в заключении договора и не является стороной договора, он вступает в возникшие правоотношения с перевозчиком как лицо, имеющее право требования выдачи груза и несет обязанность осуществить оплату за перевозку груза.

В стадии исполнения договора перевозки права и обязанности, которые первоначально были установлены для грузоотправителя, переходят к грузополучателю [5].

УЖТ РФ является специальной нормой в регулировании отношений, вытекающих из договора перевозки грузов железнодорожным транспортом, поэтому необходимо, чтобы все термины и их определения содержались именно в нем, что упростило бы его применение.

Одним из коллизионных вопросов, касающихся грузоперевозок, является коллизия между ст. 796 ГК РФ [1] и ст. 118 УЖТ РФ [3]. Указанная коллизия проявляется в том, что перечисленные нормы имеют различный образ закрепления оснований для освобождения перевозчика от ответственности за утрату, недостачу или порчу груза. В ст. 118 УЖТ РФ указаны основания, освобождающие перевозчика от ответственности, в случае, если грузоотправителем или грузополучателем не будет доказана его вина в утрате, повреждении или недостаче перевозимого груза. Следует отметить, что ст. 796 ГК РФ, закрепляя основания ответственности перевозчика за утрату, недостачу и повреждение (порчу) груза или багажа, в то же время не закрепляет презумпции невиновности перевозчика (железнодорожной) ни для каких случаев.

Еще одной коллизией норм ГК РФ и отраслевого законодательства, регулирующего перевозку грузов является коллизия норм, которые закреплены в общей части ГК РФ (п. 1 ст. 400 ГК РФ [2]), а также норм, которыми установлена презумпция ограниченной ответственности перевозчика (п. 2 ст. 796 ГК РФ, ст. 96 УЖТ РФ). Она выражается в том, что договор перевозки грузов можно считать предпринимательским договором, т.к. грузоперевозчик как правило, является субъектом предпринимательской деятельности.

Рассмотрим пример из судебной практики АО «РН-ТРАНС» обратилось в Арбитражный суд г. Москвы с иском к ОАО «Российские железные дороги» о взыскании пени за просрочку доставки груза в размере 4 891 858 руб. 86 коп.

Как следует из материалов дела, с февраля по март 2017 г. были направлены груженые вагоны по транспортным железнодорожным накладным на станции «Нововороссийск», «Азов», «Туапсе-Сортировочная» — Северо-Кавказской, Приволжской, Свердловской, Юго-Восточной ж/д.

В транспортных железнодорожных накладных указан срок доставки груза. Однако фактически в/цистерны с грузом прибыли на станцию назначения с просрочкой срока доставки, указанного в накладных, что подтверждается календарным штемпелем, проставленным в транспортных железнодорожных накладных в графе «Прибытие на станцию назначения». Ответственность

перевозчика за просрочку доставки грузов предусмотрена ст. 97 УЖТ РФ. В соответствии со ст. 97 УЖТ РФ за просрочку доставки грузов или не принадлежащих перевозчику порожних вагонов, контейнеров перевозчик уплачивает пени в размере 9 процентов платы за перевозку грузов, доставку каждого порожнего вагона, контейнера за каждые сутки просрочки. Таким образом, исходя из прилагаемого расчета, сумма пени, подлежащей взысканию с Ответчика, составляет 4 891 858 руб. 86 коп.

Изучив материалы дела арбитражный суд пришел к выводу о том, что заявленные иски требуют удовлетворения [6].

Принимая к вниманию принцип презумпции равенства сторон договорных отношений по перевозке груза, нельзя предоставлять одной стороне гражданских правоотношений больше прав, чем другой. Таким образом, нормы об ограниченной ответственности должны иметь свое действие и на грузоотправителя. В то же время, в действующем законодательстве такие положения отсутствуют.

В целях урегулирования имеющихся противоречий, в действующие законодательные нормы следует внести ряд изменений. Так, п. 2 ст. 784 ГК РФ следует внести положение о соотношении норм ГК РФ и специальных норм, регулирующих грузоперевозки, в том числе Устава железнодорожного транспорта, изложив первое предложение следующим образом: «Условия перевозки определяются транспортными уставами и кодексами, иными законами и издаваемыми в соответствии с ними правилами. Общие положения о перевозке (ст. 784–800) применяются, если это не противоречит транспортным уставам и кодексам».

Следует отметить, что в настоящее время правовое регулирование перевозок груза, в том числе железнодорожным транспортом, включает в себя значительное число подзаконных нормативно-правовых актов.

Так, например, только в отношении регулирования грузоперевозок железнодорожным транспортом принято более 20 нормативно-правовых актов подзаконного уровня. Большинство норм просто дублируют нормы законодательных актов, а в отдельных ситуациях могут им противоречить.

В целях разрешения данной ситуации, необходимо сократить число нормативно-правовых норм, регулирующих перевозку груза, в том числе железнодорожным транспортом. Для этого необходимо осуществить консо-

лидацию используемых в целях правового регулирования норм в одном документе, что сделает применение консолидированных норм наиболее удобными для применения. В свою очередь, все технические правила грузоперевозок железнодорожным транспортом следует соединить в один акт — технический регламент. Таким образом, это способствует устранению их разобщенности.

Также следует отметить, что в соответствии со ст. 9 Федерального закона «О техническом регулировании», технический регламент принимается на уровне федерального закона или постановления Правительства РФ. Это говорит о том, что юридическая сила технического регламента будет выше, чем сила нормативно-правового акта, который принят ведомственным органом. В то же время, в транспортных уставах и Кодексах должна содержаться ссылка на определенный технический регламент, что делает применение законодательства о перевозке грузов, в том числе железнодорожным транспортом значительно проще.

В соответствии с гл. 39 ГК РФ договор перевозки грузов относится к договорам оказания услуг (ст. 779 ГК РФ, ст. 6 УЖТ РФ). В то же время транспортные уставы и кодексы достаточно часто применяют для раскрытия указанного договора определения, которые характерны для договора подряда. Например, в УЖТ РФ понятие «работы» используется для определения самостоятельных действий, которые составляют содержание договора перевозки грузов железнодорожным транспортом. Так, в ст. 22 УЖТ РФ погрузка и уборка вагонов, контейнеров, погрузка и выгрузка грузов, хранение грузов и контейнеров называются работами. Такое «смешение» является основой для дискуссий в отношении правовой природы договора перевозки грузов и возможности применения иного правового регулирования [4].

Вышеуказанные направления реформирования законодательных норм о перевозке грузов железнодорожным транспортом представляются важными для эффективного применения в развитии отношений по перевозке груза, в частности железнодорожным транспортом.

Таким образом, правовое обеспечение как самого перевозочного процесса, так и взаимоотношений участников перевозки нуждается в постоянной доработке и совершенствовании. Проблемы правового регулирования перевозок грузов железнодорожным транспортом требуют своего реформирования.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
3. Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2003. — № 2. — Ст. 170.
4. Бажина М.А. Основные направления реформирования законодательства о договоре перевозки грузов / под ред. О.А. Кузнецовой, В.Г. Голубцова, Г.Я. Борисевич, Л.В. Боровых, Ю.В. Васильевой, С.Г. Михайлова,

- С. Б. Полякова, А. С. Телегина, Т. В. Шершень // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. — 2018. — № 1. — С. 332–337.
5. Русяева О. В. Пробелы законодательства о перевозке грузов железнодорожным транспортом // Закон. — 2008. — № 7. — С. 115–120.
6. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 15 декабря 2017 г. по делу № А40–139947/2017 <https://sudact.ru/arbitral/doc/V3JGGIdelZdT/>

Проблемы компенсации морального вреда

Ванюшина Алена Алексеевна, консультант
Нижегородский областной суд

В данной статье анализируется судебная практика по делам о компенсации морального вреда, проблемы компенсации морального вреда, рассматривается понятие «презюмируемый моральный вред».

Ключевые слова: моральный вред, размер компенсации, минимальный размер компенсации.

В современном мире социальные взаимоотношения многообразны, динамичны, и круг вступающих в них субъектов велик, в связи с чем возрастает вероятность того, что человек может быть подвержен влиянию неблагоприятного эмоционального воздействия со стороны окружающих на протяжении всей жизни. Никто не застрахован от незаконного увольнения, врачебной ошибки, распространения сведений, которые могут опорочить честь, достоинство, деловую репутацию. Данные жизненные обстоятельства могут нанести удар по психическому равновесию человека, и, как следствие, привести к разрушению личности.

Действующее гражданское законодательство Российской Федерации защищает нематериальные блага, принадлежащие гражданину. Одним из институтов подобной защиты выступает институт компенсации морального вреда.

Институт возмещения (компенсации) морального вреда в российском гражданском праве существует уже не один десяток лет. Гражданский кодекс Российской Федерации отводит особое место компенсации морального вреда в ряду способов защиты гражданских прав.

В соответствии со ст. 151 ГК РФ, если гражданину причинен моральный вред действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда.

Моральный вред, в частности, может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физиче-

ской болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий и другие. [1]

К сожалению, в настоящее время в России не существует какой-либо нормативно утверждённой (рекомендованной) методики оценки размера компенсации морального вреда.

При определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Суд также должен учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинен вред.

Согласно ст. 1100 ГК РФ, в которой предусмотрено, что компенсация морального вреда осуществляется вне зависимости от вины причинителя вреда в следующих случаях:

- вред причинен жизни или здоровью гражданина источником повышенной опасности;
- вред причинен гражданину в результате его незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу либо подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ;
- вред причинен распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию. [2]

На первый взгляд, законодательство даёт судам достаточно критериев для определения справедливой компенсации морального вреда. Однако они прописаны нечётко, отсутствует метод оценки критериев и нет никаких законодательно установленных указаний на зависимость размера компенсации от критериев.

Таким образом, суды оказываются в затруднительном положении: им приходится ориентироваться исключи-

тельно на собственную субъективную оценку обстоятельств дела. В результате, поскольку принцип независимости судей предполагает их право на собственное мнение в толковании правовых норм и оценке обстоятельств дел, данная неопределенная норма открывает простор для неравномерной практики назначения денежных компенсаций морального вреда, а также для правовой неопределенности.

Как следует из анализа судебной практики, величины компенсаций за причиненный моральный вред довольно значительно отличаются в зависимости от конкретного случая. При этом зачастую, при схожих обстоятельствах присужденные суммы могут отличаться в разы, и далеко не всегда такие отличия можно считать проявлением разумности и справедливости, упомянутым в Гражданском кодексе Российской Федерации.

В качестве примера можно привести следующее гражданское дело: «Истец обратилась в суд с иском к ответчику о возмещении компенсации морального вреда в размере 500 000 рублей. В обоснование своих требований указала, что ответчик, управляя автомашиной нарушил п. 14.1 ПДД РФ совершил наезд на нее, переходившую проезжую часть по нерегулируемому пешеходному переходу. В результате данного ДТП она получила телесные повреждения, повлекшие причинение средней тяжести вреда здоровью по признаку длительного расстройства. В течение 3-х месяцев она не могла, как раньше ходить на работу, ездить с семьей на отдых, заниматься детьми, хозяйством, она не могла даже сходить в магазин, из дома практически не выходила. [3]

Так, Решением Кулебакского городского суда Нижегородской области было постановлено: «Исковые требования удовлетворить частично. Взыскать с ответчика в пользу истица в счет возмещения компенсации морального вреда 70 000 (семьдесят тысяч) рублей 00 копеек». Нижегородским областным судом данное решение было оставлено без изменений.

Следующим примером является гражданское дело с аналогичными обстоятельствами, при которых истцу в результате действий ответчика были причинены телесные повреждения, относящиеся к категории вреда здоровью средней тяжести; продолжительное время она была нетрудоспособной; ею были понесены расходы на приобретение лекарств, вспомогательные средства, услуги фитнес-центра; В связи с этим истец просила суд взыскать с ответчика компенсации морального вреда 500 000 рублей.

Решением Останкинского районного суда г. Москвы от 20 февраля 2018 г., иск удовлетворен частично, с ответчика взыскано 300 000 рублей в счет компенсации морального вреда. [4]

Приведенные выдержки из судебных решений о взыскании компенсации морального вреда, возникшего в результате причинения вреда здоровью в результате ДТП показывают, что суммы по аналогичным делам могут разниться в десятки или сотни тысяч рублей, ведь их опреде-

ление всегда зависит от субъективного взгляда судьи на спор.

Подобной практики снижения размера компенсации морального вреда придерживаются суды и других федеральных округов России, в том числе, Северо-Западного, Уральского, Южного, Дальневосточного федеральных округов. Снижение размера компенсации морального вреда прослеживается и по таким категориям дел как: трудовые споры, по делам, связанным с содержанием под стражей, при рассмотрении споров о защите чести, достоинства и деловой репутации.

Проанализировав судебные решения, можно сделать вывод о том, что существенный разрыв в суммах компенсации показывает, что отсутствует сформировавшаяся судебная практика по шкале присуждаемого морального вреда.

В результате в Российской Федерации складывается непрозрачная, неопределенная область правоприменения, входящая в конфликт с частью 1 статьи 19 Конституции РФ, устанавливающей равенство всех перед законом и судом. В равной степени возникает проблема соблюдения принципа соразмерности — одного из ключевых конституционных принципов правоприменения.

Таким образом, исходя из вышеизложенного можно выделить следующие проблемы:

- Во-первых, отсутствуют критерии понятия физических и нравственных страданий, а также их перечня критериев степени и характера.

- Во-вторых, на практике судов Российской Федерации отсутствует единая система определения компенсации морального вреда, следовательно, возникают трудности при определении размера данной компенсации;

- В-третьих, это обилие норм, регулирующих данные отношения. Такой разброс по различным нормативно-правовым актам способствует коллизиям в правоприменительной деятельности;

- В-четвертых, несовершенное законодательство, которое регулирует вопросы возмещения морального вреда, создает некоторые проблемы, взаимодействуя с нормами других отраслей права;

Таким образом, в целях совершенствования правового регулирования компенсации морального вреда необходимо следующее:

1. Установить минимальный размер компенсации за моральный вред, соответственно необходимо внести соответствующее изменение в ст. 1101 ГК РФ.

Установить минимальный размер компенсации морального вреда, конечно же, не просто. Это напрямую зависит и от категории дела, и от различных его обстоятельств.

Стоит отметить, что будет правильным установление в законе минимального размера компенсации за немущественный вред, связанного с кратным (к примеру, трех-, четырех- или более) размером минимальной заработной платы. При этом минимальный размер компенсации должен быть обязательным для суда, а не для по-

терпевшего. То есть, если потерпевший заявит размер компенсации менее установленного, суд должен удовлетворить требование потерпевшего согласно поданному иску. В случае если истец указывает в исковом заявлении размер компенсации, который превышает минимальную сумму, то суд был бы не вправе снизить размер ниже установленной в законе величины. Соответственно необходимо внести соответствующие поправки в ст. 1101 ГК РФ. [5, с. 240–244]

Размеры морального вреда, установленные в МРОТ, позволят учитывать уровень инфляции при окончательном определении размера компенсации морального вреда

Альтернативным вариантом разрешения ситуации может стать формирование высшими судебными органами критериев и ориентиров, на которые смогут опираться суды при принятии решений, а также все остальные участники процесса при ведении дела. Одним из ориентиров может стать практика Европейского Суда по правам человека при взыскании компенсационных выплат по схожим категориям дел. В настоящее время есть все основания для формирования такой практики в российских судах. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» однозначно и недвусмысленно указано на необходимость ориентироваться на практику ЕСПЧ, в том числе и при определении размера компенсации морального вреда.

Также размер компенсации должен быть установлен с принципами разумности и справедливости, позволяющими, с одной стороны, максимально возместить причиненный моральный вред, с другой — не допустить неосновательного обогащения потерпевшего.

2. Создать тарифную сетку по компенсации морального вреда в зависимости от стабильных показателей, таких как тяжесть, характер, продолжительность и т.д. Необходимо установить базовые ставки и коэффициенты при помощи, которых любой бы мог произвести при-

мерный расчёт денежного размера компенсации морального вреда. Суду бы надлежало лишь корректировать размер компенсации в зависимости от индивидуальных особенностей потерпевшего, имущественного положения причинителя вреда и иных нестабильных факторов.

3. Предусмотреть законодательно не только денежные выплаты, но и другие виды компенсаций в виде денежной материальной формы — по желанию потерпевшего ему может быть оказана услуга либо передана какая-либо вещь;

Основываясь на факте, того, что моральный вред затрагивает социально-психологическую сферу лица и далеко не всегда может быть компенсирован денежной суммой, полагаем целесообразным дополнить п. 1 ст. 1101 ГК РФ иными формами компенсации и изложить его в следующей редакции: «Компенсация морального вреда осуществляется как в материальной, в том числе денежной, так и в нематериальной форме. Материальные формы компенсации могут быть осуществлены путем получения денежной суммы или, по выбору потерпевшего, определенного имущества, конкретной вещи. Компенсация в нематериальной форме осуществляется путем публичного (в присутствии третьих лиц или средствах массовой информации, в том числе Интернет) и личного (в отсутствие посторонних лиц) извинения, либо передачей определенных прав, а также предоставлением определенной потерпевшим услуги».

4. Законодательно закрепить принцип презумпции морального вреда, так как он обеспечивает реальную защиту нематериальных прав граждан и юридически упрощает и одновременно упорядочивает процесс судебного доказывания. Для положительного решения суда о компенсации морального вреда следует признать достаточным, если истец представил в судебное заседание доказательства, подтверждающие факт неправомерного поведения ответчика, и если ответчик не докажет обратного или отсутствия претерпевания истцом нравственных или физических страданий, составляющих содержание морального вреда.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» от 20.12.1994 № 10 (ред. от 06.02.2007) // Российская газета, № 29, 08.02.1995.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 29.07.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации, 29.01.1996, № 5, ст. 410.
3. Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 19.02.2019 № 33–1561/2019 // КонсультантПлюс URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1561 (дата обращения: 10.03.2019).
4. Апелляционное определение Московского городского суда от 10.10.2018 по делу № 33–24354/2018 // КонсультантПлюс URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_24354 (дата обращения: 10.03.2019).
5. Мотронюк В. А. Практические проблемы, связанные с применением компенсации морального вреда и пути их решения // Новая наука: Теоретический и практический взгляд. 2018. № 5–3. С. 240–244.

Антидемпинговые пошлины на легковые автомобили в ЕС и РФ

Васильева Анна Сергеевна, студент

Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития РФ (г. Москва)

Механизм разрешения споров в рамках ВТО играет ключевую роль на международной арене и служит целью защиты и восстановления прав участников данной организации. В данной статье рассматривается спор между ЕС и РФ касательно введения антидемпинговых ввозных таможенных пошлин в отношении легких коммерческих автомобилей из Германии и Италии. Причиной данного иска стали пошлины на некоторые виды легких коммерческих автомобилей LCV (Light Commercial Vehicle), введенные Евразийской экономической комиссией (ЕЭК) в России и других странах Таможенного союза в 2013 г. сроком на пять лет.

Ключевые слова: Европейский Союз, Всемирная торговая организация, антидемпинговые пошлины, автомобили LCV.

Anti-dumping duties on passenger cars

The WTO dispute resolution mechanism plays a key role in the international arena and serves to protect and restore the rights of participants in this organization. This article deals with a dispute between the EU and the Russian Federation regarding the introduction of anti-dumping import customs duties on light commercial vehicles from Germany and Italy. The reason for this claim was the duty on certain types of LCV (Light Commercial Vehicle) cars introduced by the Eurasian Economic Commission (EEC) in Russia and other countries of the Customs Union in 2013 for a period of five years.

Key words: European Union, World Trade Organization, anti-dumping duties, commercial vehicles (LCV).

Европейский союз (ЕС) подал в мае 2014 года против России иск в ВТО по поводу введения антидемпинговых ввозных таможенных пошлин в отношении легких коммерческих автомобилей из Германии и Италии в соответствии со статьями 1 и 4 Соглашения о правилах и процедурах регулирования споров, статьи XXIII Генерального соглашения о тарифах и торговле 1994 года (ГАТТ) и статьями 17.2 и 17.3 Соглашения об осуществлении Статьи VI Генерального соглашения о тарифах и торговле 1994 года (Соглашение) в отношении наложения антидемпинговых пошлин на легкие коммерческие транспортные средства LCV (Light Commercial Vehicle) — международное обозначение лёгких развозных коммерческих автомобилей из Германии и Италии. Этот иск стал третьим со стороны ЕС к РФ после вступления России в ВТО в 2012 году. Причиной данного иска стали пошлины на некоторые виды легких коммерческих автомобилей LCV (полной массой 2,8–3,5 т с дизельным двигателем, с рабочим объемом цилиндров не более 3 тысяч «кубов» с типом кузова «фургон»), введенные Евразийской экономической комиссией (ЕЭК) в России и других странах Таможенного союза в 2013 г. сроком на пять лет. Эта мера стала результатом антидемпингового расследования, начатого российским Минпромторгом в 2011 году по заявлению ООО «Соллерс — Елабуга», в то время собиравшего по лицензии автомобили «Fiat». Департамент защиты внутреннего рынка ЕЭК тогда пришел к выводу, что автомобильная отрасль Таможенного союза понесла материальный ущерб, поскольку немецкие и итальянские

поставщики ввозили в Россию автомобили по цене на 23–30% ниже нормальной стоимости. Решение о применении антидемпинговых пошлин на легкие коммерческие автомобили из Германии, Италии и Турции было принято от 14 мая 2013 г. Евразийской экономической комиссией по результатам проведенного антидемпингового расследования. Это решение применяется на территории Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана.

Третьей стороной в данном споре выступали Бразилия, Япония, Украина Соединенные Штаты, Корея, Китай и Турция.

Антидемпинговые пошлины в размере 23% (для автомобилей из Италии) и 29,6% (для автомобилей из Германии) «значительно затрудняют доступ на российский рынок [2].

Вследствие этого ЕС считает антидемпинговые пошлины несовместимыми с нормами ВТО и не соответствуют обязательствам России по следующим положениям ГАТТ и Соглашению:

1. Согласно статьям 2.2, 2.3, 2.4, 6.8, 6.10, 9.2, 9.3 и Приложению II к Соглашению, России не удалось определить экспортную цену и демпинговую маржу в соответствии с обязательствами, изложенными в этих положениях, не удалось провести сравнение между нормальной стоимостью и экспортной ценой [1].

2. Согласно статьям 3.1, 3.2, 3.4 и 3.5 Соглашения определение ущерба России не было основано на положительных доказательствах и не предусматривало объективную экспертизу положение отрасли, объем демпинго-

вого импорта, влияние демпингового импорта на цены на внутреннем рынке для аналогичных продуктов и последующего воздействия этого импорта на внутренний производитель такой продукции. Россия не смогла доказать причинно-следственную связь между импортом и предполагаемым ущербом отечественной промышленности [1].

1. Согласно статье 4.1 Соглашения Россией неправильно определена отечественная отрасль [1].

2. Согласно статье 6.2, 6.4, 6.5 Соглашения Россия не представила заинтересованным сторонам всю информацию, которая имеет отношение к представлению их дел в отношении демпинга [1].

3. Согласно статье 6.9 Соглашения Россия не проинформировала заинтересованные стороны об основных рассматриваемых фактах, на основе которых принимается решение о применении или неприменении окончательных мер [1].

Таким образом, российские меры ослабляли прямо или косвенно выгоды, получаемые Европейским союзом. Европейский Союз просил Россию соблюдать свои обязательства перед ВТО и как можно скорее исправить ситуацию. В свою очередь Европейский Союз оставляет за собой право рассмотреть дополнительные меры и претензии в отношении вышеуказанных вопросов в ходе консультаций.

Консультации между государствами не привели к какому-либо решению, в связи с этим была создана третейская группа. Перед Группой Европейский союз выдвинул несколько претензий в отношении антидемпинга пошлин, взимаемые Россией с некоторых легких коммерческих транспортных средств (LCV) из Германии и Италии. В соответствии со статьей 19.1 Договора о правилах и процедурах, регулирующих урегулирование споров [4], группа установила, что Россия действовала непоследовательно Положения Антидемпингового соглашения [4] и ГАТТ 1994 года и рекомендовала России антидемпинговую меру в соответствии со своими обязательствами по этим соглашениям. В январе 2017 года третейская группа ВТО признала незаконным введение антидемпинговых пошлин на импорт легких коммерческих автомобилей из Италии и Германии в страны Таможенного союза. Россия не согласилась с этим решением и в феврале 2017 года и

уведомила орган по урегулированию споров намерении обжаловать некоторые вопросы права, охватываемые третейской группой. Причиной апелляции стало несогласие российской стороны с отдельными выводами третейской группы. Арбитражная группа при ВТО признала, что департамент ЕЭК ориентировалась на неправильное определение «отечественной отрасли» — рас-

сматривал только одного производителя, «Соллерс», исключив из определения группу ГАЗ, что сделало некорректным анализ материального ущерба для отрасли в целом и причинно-следственных связей между демпинговым импортом и ущербом. Кроме того, ЕЭК не смогла учесть в своем анализе цен влияние финансового кризиса 2009 года, а также не сумела адекватно оценить величину демпинговой маржи — разницы между нормальной стоимостью товара в стране-экспортере и экспортной стоимостью. В то же время группа отклонила большинство пунктов обвинений ЕС — 21 из 29, подтвердив тем самым корректность большей части расследования ЕЭК.

Итог данного спора в том, что срок действия антидемпинговой меры в отношении легких коммерческих автомобилей происхождением из Германии и Италии истек 14 июня 2018 года. Соответственно, начиная с 15 июня 2018 года антидемпинговые пошлины применяться не должны. С этого дня на эти LCV продолжит действовать только общая импортная пошлина, которая для легких коммерческих автомобилей составляет в данный момент 10%.

Таким образом, во второй главе были рассмотрены споры между Россией с одной стороны, Украиной и Европейским Союзом — с другой.

В споре между Россией и Украиной последняя не доказала дискриминацию поставок импорта украинских железнодорожных продуктов. Третейская группа признала правомерным отказ России направить в Украину своих инспекторов для проведения сертификации из-за рисков для жизни и здоровья, связанных с ситуацией в области безопасности в Украине. Группа доказала, что снижение объемов импорта украинской железнодорожной продукции в Россию обусловлено иными причинами, нежели действиями Российской Федерации.

Во втором рассматриваемом споре Европейский союз подал против России иск в ВТО по поводу введения антидемпинговых ввозных таможенных пошлин в отношении легких коммерческих автомобилей из Германии и Италии. После проведенных консультаций группа арбитров отклонила большинство обвинений Европейского Союза. Итог данного спора в том, что срок действия антидемпинговой меры в отношении легких коммерческих автомобилей происхождением из Германии и Италии истек 14 июня 2018 года. Начиная с 15 июня 2018 года, антидемпинговые пошлины больше не применяются. С этого дня на эти LCV продолжит действовать только общая импортная пошлина, которая для легких коммерческих автомобилей составляет в данный момент 10%.

Литература:

1. Генеральное соглашение по тарифам и торговле 1994 года [электронный ресурс] URL: [https://www.hse.ru/data/2011/11/15/1272897051/%D0%93%D0%90%D0%A2%D0%A2-47%20\(rus\).pdf](https://www.hse.ru/data/2011/11/15/1272897051/%D0%93%D0%90%D0%A2%D0%A2-47%20(rus).pdf)
2. ICTSD (МЦТУР); пресс-релиз Европейской Комиссии «EU Requests WTO Consultations with Russia concerning Anti-Dumping Duties on Light Commercial Vehicles», 21 мая 2014 г.; материалы антидемпингового расследования Евразийской экономической комиссии

3. Соглашение по применению статьи VI ГАТТ-1994 // В кн.: Результаты Уругвайского раунда многосторонних переговоров. М., 2002. С. 146–171
4. Механизм разрешения споров URL: http://www.ind.kurganobl.ru/assets/files/WTO/rules_procedures.pdf

Возрождение института следственных судей в уголовном процессе России

Грешилова Анжелика Олеговна, студент

Западно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Томск)

Проблема введения в уголовный процесс следственного судьи обсуждается чуть ли не с момента отмены должности, существовавшей в дореволюционной России, но особый пик активности пришелся на современный период (приблизительно с 2012–2015 г.), когда Президент РФ Владимир Путин рекомендовал Верховному Суду РФ до 15 марта 2015 года изучить возможность создания института следственных судей [1], последний все еще не представил выводов. Зато к этому времени А. В. Смирнов представил теоретическую Концепцию возрождения института следственных судей [2].

Чем продиктована необходимость включения в судебную систему еще одного участника судопроизводства, обладающего процессуальным статусом? Объяснение заключается в особой роли стороны обвинения на этапе предварительного следствия и дознания. Сторона защиты же лишь присутствует при проведении следственных действий, вправе заявлять ходатайства, которые удовлетворяются по решению следователя. Да, защита может требовать от следователя проведения следственных действий, но ведь следователь решает имеют ли значение доказываемые обстоятельства для дела. Именно таким образом формируются доказательства. Поэтому одной из первоочередных задач выступает обеспечение равенства сторон.

Необходимость возрождения института следственных судей зачастую обосновывается тем обстоятельством, что такой институт существовал в дореволюционной России, заимствован из уголовного процесса Франции с учетом их опыта и особенностей уголовного процесса России. Введен Уставом уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года, но в действительности же была введена должность судебного следователя [3.С.267]. Нуждается в уточнении тот факт, что во Франции были следственные судьи.

Мы считаем, что стоит обратить внимание на некоторые нюансы. Во-первых, среди ученых не сложился единый подход к разграничению понятий «следственный судья» и «судебный следователь», некоторые считают, что это синонимы, тем самым предлагая ввести то следственного судью, то судебного следователя, но с одинаковыми полномочиями, отсюда не совсем ясно, что все-таки они хотят реформировать: органы предварительного следствия или оперативный судебный контроль.

Во-вторых, исходя из полномочий судебного следователя ведется дискуссия о его статусе: исполнял ли он

функции защиты и обвинения или же только судебные функции (судебный следователь относился к судейскому корпусу, пользовался независимостью, обладал самостоятельностью в осуществлении предварительного следствия, устанавливал виновное лицо и направлял дело в суд).

В-третьих, в дореволюционной России процесс был инквизиционным, современный же процесс кардинально отличается, введение института следственного судьи призвано обеспечить состязательность. Таким образом, мы можем утверждать, что в дореволюционной России были судебные следователи, их статус, полномочия, независимость от исполнительной власти были закреплены законодательно, а место в системе правосудия на тот момент точно определено. Тогда возникает вопрос: можем ли мы говорить о возрождении института следственных судей, если в истории России они не существовали?

Действующий УПК не возлагает на суд бремя ответственности за качество и полноту доказательственной базы [4.С.330], что приводит к формализации процедуры проверки доказательств судьями: за небольшое количество времени суд успевает исследовать и рассмотреть огромное количество документов, ходатайств, причем в одно судебное заседание, страдает качество реагирования на нарушения представленных материалов. Озвученной проблеме корреспондирует задача следственных судей, заключающаяся в оказании помощи в собирании и проверке судебных доказательств. Что касается собирания, отмечается возможность отказа по тем же основаниям что и при отказе следователем, а проверка допустимости доказательств будет проводиться по инициативе сторон, без их ходатайства следственный судья не вправе выполнить такое действие. Тогда возникают вопросы: насколько востребован будет следственный судья стороной защиты; не будет ли оттягиваться момент получения статуса подозреваемого от момента возбуждения уголовного дела?

Одной из функций следственного судьи выступает судебный контроль, он призван выступать независимым арбитром на стадии предварительного следствия как гарант соблюдения конституционных прав и свобод человека. Потребность вызвана тем, что сторона обвинения не может вести объективный контроль за своей деятельностью, но в таком случае произойдет наложение полномочий.

Остается открытым практический вопрос. Авторы вышеупомянутой Концепции решили, что необходимо

4 следственных судьи на каждый субъект России, итого 336 судей, 600 млн рублей в год. Мы считаем, что такого количества судей недостаточно (например, субъекты с большой территорией и населением), также нужно расширить перечень уголовных дел с участием следственных судей до категории тяжких и ряда преступлений в сфере экономики, иначе не будет достигнута поставленная цель.

Очередным затруднением на пути введения следственных судей выступает правовое обеспечение, а именно: каким образом они будут «встроены» в УПК РФ, добавят ли их в главу 8 к иным участникам или же введут отдельную наряду с главой 5, посвященной суду? Помимо этого, необходимо внести изменения в содержание чуть ли не всего Кодекса, изъять некоторые полномочия у участников процесса и передать их следственным судьям. По сути, предстоит колоссальная правотворческая работа. Прежде всего требует решения вопрос о статусе следственных судей, будет он регулироваться отдельным федеральным законом или же он схож со статусом судей, требованиями к ним предъявляемыми, гарантиями, порядком назначения и т.п., и поэтому допустимо регулирование единым законом. Мы согласны с мнением, что назначаться следственные судьи должны Президентом РФ и по возможности располагаться вне здания суда для поддержания их особого статуса.

Учитывая роль следственных судей, а также то, что они не относятся ни к одной из сторон, требуется укрепить их независимость от вышестоящих инстанций. Представляется, что имеющиеся инстанции не могут объективно

производить проверку решений и выводов следственного судьи, так как они функционируют в действующей судебной системе, а мы намерены ввести независимого от всех органов участника. Из этого вытекает необходимость создания отдельной самостоятельной инстанции, что повлечет повышение финансовых расходов.

Непонятным остается какой силой обладают решения следственных судей. Обязательны ли они только для следствия и прокурора, ведь логично, что на доказательства, признанные незаконными, ссылаться в обвинительном заключении они не могут, должен суд первой инстанции принимать решения следственного судьи в качестве преюдиции, есть ли право у сторон ставить вопрос о доказательственном значении исключенных материалов?

Подводя итог, хотелось отметить, что рассмотренные нами проблемы на пути введения института следственных судей — лишь часть всех затруднений. Оценивая фигуру следственного судьи, мы можем отметить преобладание аргументов в пользу его введения, и, если мы хотим видеть данное лицо в нашем процессе, нужно подойти с должной мерой ответственности, не боясь трудностей, разрешить все проблемы. Высокий уровень правосудия необходим как обществу, так и государству. Ждать и пробовать вводить институт «понемногу» не представляется эффективным. Как сказал А. В. Смирнов в поддержку Концепции: «Если мы будем дожидаться, когда у нас возникнут идеальные сознательные судьи, следователи, дознаватели, мы можем состариться и помереть, и не дожидаться этой светлой перспективы [5, с. 12]».

Литература:

1. Перечень поручений по итогам заседания Совета при Президенте по развитию гражданского общества и правам человека// Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/47174> (дата обращения: 01.07.2019).
2. Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе// Российское агентство правовой и судебной информации. URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150224/273218436.html (дата обращения: 01.07.2019).
3. Баринов А. М. Институт следственных судей в Российской Федерации: за или против// «Молодой учёный»: Государство и право. — 2018. — № 19 (205). — С. 266–269.
4. Астафьев А. Ю. Процессуальная независимость судьи как субъекта доказывания: пределы дискреционных полномочий// Вестник ВГУ. Серия: Право. — 2013. — № 1. — С. 327–339.
5. Кантюкова И. Т., Рагулин А. В., Кулагин А. В. К вопросу о введении института следственных судей в России: заседание комитета гражданских инициатив (г. Москва, 10 марта 2015 г.)// Евразийская адвокатура. — 2015. — № 2. — С. 11–15.

Обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию, по делам о мошенничестве при получении выплат

Данилов Артем Игоревич, студент;
Воловик Юлия Витальевна, студент;
Хорьков Станислав Андреевич, студент;
Ваганов Алексей Васильевич, студент;
Свиридова Дарья Алексеевна, студент;
Ваганов Вадим Васильевич, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В данной статье рассмотрены обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию по делам о мошенничестве при получении выплат.

Ключевые слова: *обстоятельства, мошенничество, преступление, выплаты.*

Общепризнанным в криминалистике считается то, что перечень обстоятельств, которые подлежат установлению и доказыванию шире, чем предмет доказывания по делу. В данный перечень входят обстоятельства, предусмотренные статьей 73 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Перечень, который предусмотрен статьей 73 УПК РФ является исходным (базовым) ориентиром для установления более широкого перечня обстоятельств в период расследования определенного преступления. Данная статья не предусматривает особенностей установления обстоятельств отдельных видов преступления.

Как уже было сказано, каждое преступление имеют определенную специфику в установлении обстоятельств, мошенничество при получении выплат не является исключением.

Подлежат установлению по ст. 159.2 УК РФ следующие типичные обстоятельства:

1. установлен ли факт выплаты, факт отправки ее адресату и получения адресатом; либо обстоятельства приготовления и (или) покушения на соответствующее общественно-опасное деяние;

2. имеет ли произведенная выплата социальный характер, то есть, относится ли она законодателем к социальным выплатам.

3. какой нормативный правовой акт регламентирует порядок назначения, передачу данной выплаты, каков период действия выплаты, на какую категорию лиц (круг лиц) распространяет свое действие нормативный правовой акт;

4. установить в течении какого срока виновное лицо незаконно получало выплаты;

5. установлено ли лицо, которое обратилось с заявлением о получении выплаты, является данное лицо адресатом пособия;

6. установлено ли кому была передана и сумма выплаты, имеет ли лицо право на получение выплаты, как осуществлялось распределение выплаты;

7. установлено ли обстоятельство того, что лицо не имело право на выплату, осознавало ли оно данное обстоятельство до получения и в момент получения;

8. установлено ли то обстоятельство, что лицом планировались или выполнены действия; установлен ли способ совершения общественно-опасного деяния;

9. установлено ли обстоятельство, какие документы, и в какой орган необходимо было представить для получения выплаты;

10. установлено ли обстоятельство того, что представленные для получения выплаты документы достоверную информацию или недостоверную информацию, также требуется установить какая именно информация искаженная и как она повлияла на принятие решения о начислении социальной выплаты;

11. установлено ли обстоятельство соучастия, либо виновное лицо, действовало единолично, когда, как и какими способами был создан документ, который содержит недостоверные сведения; каким является подлог материальным, либо интеллектуальным; осознавало ли лицо недостоверность представляемой информации и в какой время;

12. установлено ли обстоятельство того, что виновное лицо использовало для достижения преступного результата какие — либо технические средства, если данное обстоятельство имело место, то когда, где и какие именно технические средства использовались;

13. установлено ли обстоятельство как были представлены поддельные документы в уполномоченный орган, то есть лично виновным лицом, либо по Интернету, почтовым способом, через МФЦ; установить обстоятельство того, когда были зарегистрированы документы, был ли выдан талон и кому;

14. установлено ли обстоятельство того, должна ли была присутствовать проверка переданных документов, установить субъектов проверки; какие проверочные действия должны быть выполнены и в какие сроки; имелись ли факты нарушения законодательства со стороны субъектов обязанных провести проверочные действия; предусмотрена ли юридическая ответственность за неисполнения или ненадлежащее осуществление проверки;

15. установлено ли обстоятельство того, кем, когда и какое решение было принято в результате рассмо-

тения соответствующего заявления; установлен ли факт того, имеется ли признаки соучастия со стороны должностных или иных обязанных лиц;

16. установлено ли обстоятельство того, доведены ли преступные действия виновного лица до конца; установлено ли осуществление выплаты, если да, то в каком размере и за счет, какого бюджета; установить размер причиненного ущерба, образует ли данный размер состав преступления;

Литература:

1. УПК РФ от 18.12.2001 N174-ФЗ ред. от 01.04.2019 // М.: Издательство «Экзамен»;
2. Махова И.В. Методика расследования мошенничества при получении выплат / И.В. Махова, Е.И. Смык // Расследование отдельных видов мошенничества: учебное пособие / под ред. А.Г. Филиппова, Л.Е. Чистовой. — М.: Юрлитинформ, 2014. — С. 39.
3. Е. В. Шишмарева, В. А. Антонов, Личность преступника, совершившего мошенничество с материнским капиталом, как элемент криминалистической характеристики преступления. Иркутск. 2015. — 240 с.

При формировании данного перечня обстоятельств, использовались положения УПК РФ, в частности, ст. 73 УПК РФ, а также использовались доктринальные рекомендации ученых — криминалистов: Данилова Н.А., Елагина Е.В., Серова Е.Б.

Необходимо учитывать, что при осуществлении предварительного расследования в рамках конкретного уголовного дела в зависимости от его специфики перечисленные обстоятельства должны уточняться, и расширяться.

Административная ответственность в области охраны окружающей среды и природопользования

Дорофеева Анна Николаевна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

Статья посвящена административной ответственности в области окружающей среды и природопользования. В статье рассмотрены: теоретические аспекты экологических правонарушений в области окружающей среды и природопользования; проанализирована статистика административных правонарушений в области окружающей среды и природопользования за 2017–2018 год; исследованы наиболее часто применяемые административные нарушения в области окружающей среды и природопользования.

Ключевые слова: экологическое правонарушение, законодательство Российской Федерации, административная ответственность, Росприроднадзор.

Administrative responsibility in the field of environmental protection and nature management

The article is devoted to administrative responsibility in the field of the environment and environmental management. The article deals with: theoretical aspects of environmental offenses in the field of the environment and environmental management; analyzed statistics of administrative offenses in the field of the environment and environmental management for the 2017–2018 year; investigated the most frequently used administrative violations in the field of the environment and environmental management.

Keywords: environmental offense, legislation of the Russian Federation, administrative responsibility, Rosprirodnadzor.

Под экологическим правонарушением или правонарушением в области окружающей среды и природопользования понимается виновное противоправное деяние (действие или бездействие), которое нарушает природоохранное законодательство и причиняет вред или угрозу причинения вреда природной среде и здоровью человека.

Действующее законодательство Российской Федерации предусматривает административную ответственность за административные правонарушения, в том числе экологические. Это вид юридической ответственности в области природопользования и охраны окружающей среды. Административная ответственность выражается

в запросе компетентного органа государства о санкциях за совершение экологического правонарушения [1].

Одной из самых распространенных мер административной ответственности за экологические нарушения является штраф. Конкретный размер штрафа зависит не только от характера преступления, степени вины нарушителя и причиненного ущерба, но также определяет полномочия, предоставленные компетентному органу для наложения штрафов.

Административным штрафом является денежным взысканием, которое выражается в рублях и устанавливается для граждан в размере, не превышающем 5000 рублей; для должностных лиц — 50000 рублей; для юридических лиц — 1000000 рублей.

Основной перечень экологических преступлений приведен в главе 8 «Административные правонарушения в области охраны окружающей природной среды и природопользования» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Некоторые из них регулируются статьями главы 7 «Административные правонарушения в области охраны собственности», а также статьями главы 14 «Административные правонарушения в области предпринимательской деятельности».

Кроме того, глава 19 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «Административные правонарушения против порядка управления» содержит статьи о несоблюдении требований законодательства и препятствиях осуществлению полномочий государственных служащих.

Федеральное агентство по надзору в сфере природопользования («Росприроднадзор») ежегодно отчитывается перед Росстатом об административных правонарушениях в области охраны окружающей среды и об использовании формы государственной статистической отчетности № 1-АЭ «Информация об административных правонарушениях в экономической сфере»

Форма 1-АЭ содержит название статей Закона о российских правонарушениях, а также сведения о количестве дел об административных правонарушениях, совершенных Федеральной службой по охране природы за отчетный период, а также об объеме административных правонарушений. Административные штрафы, наложенные и взысканные в течение отчетного периода, в течение отчетного периода приняли на себя административную ответственность [3].

Для определения эффективности деятельности Росприроднадзора был подготовлен прогнозный показатель деятельности «Доля нарушений, которые были устранены в результате выявленных экологических нарушений и экологических нарушений». Прогнозное значение этого показателя на 2018 год составило 70%.

В то же время изменение полномочий и функций Росприроднадзора с 2018 года привело к снижению значения целевого показателя для деятельности Росприроднадзора «доля нарушений природопользования и экологических нарушений» до 49%.

Показатель отражает степень влияния Росприроднадзора на принятие мер пользователями природных ресурсов по устранению нарушений российского природоохранного законодательства в области природопользования и охраны окружающей среды. Росприроднадзор осуществляет правоприменительные действия при проведении государственного контроля в области природопользования и охраны окружающей среды, причем статьи Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях используются в основном в соответствии с главой 8 «Административные правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [5].

То есть установление нарушений Росприроднадзора в отношении законодательства Российской Федерации, в отношении норм, правил и требований в области охраны и использования природных объектов, являющихся пользователями природных ресурсов совершенный по отношению к природному объекту носил сложный характер для каждой экономической единицы.

Кроме того, достижение значения этого показателя напрямую связано с совершенствованием законодательства Российской Федерации и развитием правоохранительной деятельности на установленной территории в Росприроднадзоре.

Для изучения проблемы правоприменения в области Росприроднадзора был проведен сравнительный анализ данных государственной статистической отчетности Росприроднадзора по Форме 1-АЭ в 2017–2018 годах.

Количество статей Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, используемых государственными инспекторами Росприроднадзора, увеличивается с годами. Это является не только результатом значительного увеличения полномочий службы в последние годы, но и повышения квалификации и опыта государственных инспекторов Росприроднадзора.

Анализ показал, что Росприроднадзор осуществлял уголовное преследование в 2009 году в соответствии с 55 статьями Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, касающихся компетенции службы.

В 2018 году государственные инспекторы Росприроднадзора возбудили 21200 дел об административных правонарушениях. По сравнению с 2017 годом количество административных правонарушений, совершенных государственными инспекторами Росприроднадзора, увеличилось на 31%, что связано с активной методической работой работников Росприроднадзора по порядку применения статей КоАП РФ [6].

Наиболее часто госинспекторами Росприроднадзора в 2018 году применялась ст. 7.3 КоАП РФ «Пользование недрами без разрешения (лицензии) либо с нарушением условий, предусмотренных разрешением (лицензией)», ст. 8.2 «Несоблюдение экологических и санитарно-эпи-

демиологических требований при обращении с отходами производства и потребления и иными опасными веществами» и ст. 8.21 «Нарушение правил охраны атмосферного воздуха».

Наиболее часто госинспекторами Росприроднадзора в 2018 году применялась ст. 7.3 КоАП РФ «Пользование недрами без разрешения (лицензии) либо с нарушением условий, предусмотренных разрешением (лицензией)», ст. 8.2 «Несоблюдение экологических и санитарно-эпидемиологических требований при обращении с отходами производства и потребления и иными опасными веществами» и ст. 8.21 «Нарушение правил охраны атмосферного воздуха».

Хотя управление по борьбе с загрязнением воздуха и отходами не было передано в Росприроднадзор до мая 2018 года, частота обнаруженных нарушений в этих районах с 2018 года очень высока. Аналогичная ситуация характерна для всех федеральных округов, за исключением южного федерального округа и Урала.

Анализ частоты применения статей Гражданского кодекса России также показал, что количество штрафов, наложенных на 17 статей в 2018 году, увеличилось по сравнению с 2017 годом. Например, согласно статье 7.3 в 2018 году наложены штрафы вдвое больше, чем в 2017 году. Количество статей административного кодекса, применяется в 2018 году, превышает аналогичный показатель в 2017 году в 1,9 раза [2].

В следующих федеральных округах в 2018 году большинство административных правонарушений было совершено в федеральных округах:

- Южный федеральный округ;
- Приволжский федеральный округ;
- Центральный федеральный округ.

Наименьшее количество административных правонарушений зафиксировано на Урале и Дальнем Востоке.

Аналогичная ситуация с количеством дел об административных правонарушениях в целом характерна и для прошлых лет.

В 2018 году 17 411 государственных служащих, 11 320 юридических лиц и 1 305 граждан были привлечены к ад-

министративной ответственности за нарушение природоохранного законодательства.

Рост числа лиц, ответственных за административную работу, увеличился на 54,6% в 2018 году по сравнению с 2017 годом.

По сравнению с 2017 годом рост числа лиц, принимающих на себя административную ответственность, увеличился на 144,7% в 2018 году.

С 2018 года число лиц, назначенных государственными инспекторами Росприроднадзора за нарушения природоохранного законодательства к административной ответственности, увеличилось, поскольку Федеральный экологический контроль был полностью передан службе:

- 2017 г. по сравнению с 2018 г. на 15%.

В 2018 году наибольшее количество лиц было передано государственным инспекторам Росприроднадзора в федеральных округах Южный, Центральный и Поволжье под административную ответственность. Самые низкие показатели по количеству людей привлечены к административной ответственности на Урале и Дальнем Востоке. Значительно меньше работников Росприроднадзора приняли на себя административную ответственность граждан как государственных служащих или юридических лиц. Аналогичная тенденция характерна для всех федеральных округов Российской Федерации [4].

Государственные инспекторы Росприроднадзора на Урале, Дальнем Востоке и Северо-Западе привлекли к административной ответственности все больше юридических лиц. Это является позитивным событием, поскольку штраф, налагаемый на юридическое лицо в соответствии с Административным кодексом Российской Федерации, превышает размер штрафа, налагаемого на должностное лицо или гражданина.

Следует добавить, что анализ рассматриваемой формы статистического наблюдения № 1-АЭ дал относительно низкие значения для базовых значений формы, а именно количества возбужденных дел, размера наложенного административного штрафа и количества людей на Урале и были поручены административные задачи в дальневосточных федеральных округах.

Литература:

1. Власенко, Н. А. Теория государства и права: учебное пособие для бакалавриата / Н. А. Власенко. — Москва: Норма, Инфра-М, 2018. — 478 с.
2. Калина, В. Ф. Теория государства и права: учебник для прикладного бакалавриата / В. Ф. Калина. — М.: Издательство Юрайт, 2016. — 291 с.
3. Кожевников, В. В. Теория государства и права: монография / В. В. Кожевников, И. Н. Сенин, А. И. Красман. — Омск: Издательство АНО ВО «Омский экономический институт», 2016. — 174 с.
4. Марченко, М. Н. Теория государства и права: учебник / М. Н. Марченко — Москва: Проспект, Издательство Московского университета, 2018. — 636 с.
5. Морозова, Л. А. Теория государства и права: учебник / Л. А. Морозова. — Москва: Норма, Инфра-М, 2017. — 463 с.
6. Радько, Т. Н. Теория государства и права: учебник для бакалавров / Т. Н. Радько. — Москва: Проспект, 2016. — 495 с.

Повышение престижа службы в органах внутренних дел Российской Федерации. Формирование положительного имиджа сотрудника полиции

Жуков Борис Александрович, студент
Академия управления МВД России (г. Москва)

Ключевые слова: Российская Федерация, правовое воспитание, общественное мнение, положительный имидж сотрудника полиции.

Общественное мнение является важным социальным институтом общества, регламентирующим те или иные нормы, стереотипы, установки поведения человека.

Проблемы повышения престижа службы в органах внутренних дел Российской Федерации являются одними из наиболее актуальных в современном обществе, в том числе при решении задачи повышения уровня взаимодействия правоохранительных органов с населением [3].

Анализ правоприменительной практики показывает, что имидж сотрудника полиции взаимосвязан с отношениями, доминирующими в обществе по отношению к правоохранительной системе.

В научном плане очевидна необходимость применения новых технологий, имеющих непосредственное отношение к правоприменительной деятельности и личности сотрудника полиции. Имидж сотрудника занимает особое место в ряду проблем, имеющих непосредственное отношение к правоприменительной деятельности, и является важнейшей составляющей его профессионализма, что напрямую зависит от системы отношений, оценок и мнений, доминирующих среди населения, сформированных по отношению к системе правоохранительных органов.

Негативный имидж сотрудника органов внутренних дел, сложившийся в современных условиях, определяет высокую актуальность разрабатываемой проблематики. Однако, уровень разработанности проблемы повышения престижа службы в органах внутренних дел Российской Федерации, поиска технологий формирования положительного имиджа сотрудника полиции не в полной мере соответствует современным запросам практики [1].

Большую роль в информировании общественности выполняют официальные сайты территориальных подразделений органов внутренних дел. Они своевременно пополняются проверенной и современной информацией, а также теми материалами, которые являются ответами гражданам на заданные ими вопросы.

Для оценки деятельности специальных структурных подразделений органов внутренних дел на конкретных территориях рекомендуется создание специализированных институтов гражданского общества, позволяющих анализировать получаемую по различным каналам информацию, в том числе непосредственно от граждан.

Также важно заметить, что анализ состояния служебной дисциплины и правонарушений, допущенных сотрудниками органов внутренних дел, показывает, что ком-

плекс правовых, организационных и профилактических мероприятий остается не на должном уровне.

Деятельность органов внутренних дел требует всестороннего анализа, системного, комплексного подхода к разработке мероприятий по совершенствованию правового воспитания и имиджа сотрудника полиции. При этом необходимо наиболее полно учитывать социологические, психологические, правовые, этические, технические и другие аспекты правового воспитания сотрудников органов внутренних дел. Следовательно, необходимым организационно-педагогическим условием повышения его эффективности является комплексный подход, что означает видеть в правовом воспитании сложную динамичную систему, имеющую определенную структуру и самостоятельные функции, конкретное содержание, набор разнообразных средств и методов воспитательного воздействия, совокупность принципов организации и руководства процессом правового воспитания. Она играет важнейшую роль в осуществлении политического, нравственного, правового, эстетического и физического воспитания сотрудников органов внутренних дел [2].

Большое влияние на правовую грамотность и правовое воспитание сотрудника полиции оказывает обучение в высшем учебном заведении, формирующем в процессе обучения необходимые качества по созданию идеального облика сотрудника полиции. Кроме того, очень важен уровень развития личностных свойств, позволяющий противостоять манипуляциям и деструктивным воздействиям, определять личностные смыслы и цели, делать нравственный выбор, строить диалогические отношения с другими людьми и т.д.

В основе формирования позитивного имиджа и общественного мнения должны лежать определенные принципы, среди которых отмечают принцип повторения, принцип непрерывного усиления воздействия, принцип «двойного вызова».

Принцип повторения предполагает учет в деятельности по формированию позитивного имиджа свойств человеческой памяти, что представляет собой запоминание только той информации, которая неоднократно дублируется.

Еще одним немаловажным принципом является принцип непрерывного усиления воздействия, предполагающий последовательное, дозированное наращивание информации [4].

Принцип «двойного вызова», наряду с вышеперечисленными, учитывает особенности психологического вос-

приятия личности. В соответствии с данным принципом информационное воздействие должно быть направлено не только на сознательный уровень восприятия, но и на уровень подсознания.

В настоящее время формирование положительного общественного мнения и имиджа органов внутренних дел относится к важнейшему фактору успеха деятельности полиции. На сегодняшний день накоплен огромный опыт, как зарубежный, так и отечественный, по созданию различных кодексов, таких как этических, поведенческих, профессиональных для государственных служащих. При следовании указанным в них правилам можно создать положительный имидж сотрудника полиции.

Таким образом, для сотрудника полиции имидж и общественное мнение имеют важное функциональное и статусное значение, являясь показателем уровня доверия на-

селения и критерием оценки обществом эффективности его деятельности. Органы внутренних дел, как институт исполнительной власти государства в области общественной безопасности, находится в тесных взаимоотношениях с обществом по различным вопросам, играют важную роль в формировании информационного пространства и постоянно взаимодействуют в информационном поле с различными субъектами жизни общества. При этом информационная среда, в которой находятся органы внутренних дел, может быть негативной из-за множества факторов, как внешних, так и внутренних. В этой среде технологии формирования позитивного общественного мнения о деятельности органов внутренних дел и имидже сотрудника полиции имеют важное значение, так как они могут служить основополагающим барьером от негативного информационного воздействия.

Литература:

1. Приказ МВД России от 10 августа 2013 г. № 612 «О конкурсе «Щит и перо» (в редакции Приказа МВД России от 14 ноября 2013 г. № 905)
2. Канунникова Н. Г. К вопросу об управлении деятельностью органов внутренних дел и правовом воспитании их сотрудников/ Дата размещения статьи: 08.07.2016 URL: <http://xn—7sbbaj7auwnffhk.xn—p1ai/article/19027>
3. МВД России приглашает к участию в конкурсе «Щит и перо» 04 Апреля 2018 URL: https://xn—g1aohgee.xn—b1aew.xn—p1ai/UT_MVD/novosti/item/12707375
4. Самохвалова Е. В. Формирование позитивного имиджа администрации муниципального образования // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 9 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2014/09/7727> (дата обращения: 26.03.2019).

Реализация права на забастовку в Российской Федерации

Ильин Вадим Павлович, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Забастовка — временный добровольный отказ работников от исполнения трудовых обязанностей (полностью или частично) в целях разрешения коллективного трудового спора. Данное определение дано в Трудовом Кодексе Российской Федерации, в котором не только дается расшифровка понятия, но и провозглашается право каждого работника на забастовку [1]. Законодательное закрепление данного права — своеобразная новелла, так как во всех более ранних сборниках нормативно-правовых актов, регулирующих трудовые и иные непосредственно связанные с ними отношения (КЗоТ 1918 года, КЗоТ 1922 года, КЗоТ 1971 года) право на забастовку не было фиксировано.

О количестве забастовок в Российской Федерации можно судить, опираясь на официальную информацию Федеральной службы государственной статистики [2]. Согласно данной информации в 1992 году число организаций, в которых проходили забастовки, равнялось 6273. В 2005 году количество забастовок снизилось, однако

по-прежнему было довольно велико — целых 2575. Ситуация в корне изменилась с 2013 года. Начиная с этого момента и до наших дней официально зарегистрированных забастовок в России в год около одной-пяти. С чем же связано столь коренное изменение ситуации с забастовками в нашей стране? Судить об объективности данных, предоставленных Федеральной службой государственной статистики, мы не будем. По нашему мнению, данные изменения связаны, в первую очередь, с проблемой реализации права на забастовку в Российской Федерации. Ведь то, что право на забастовку установлено во всех важнейших нормативно-правовых актах, включая Конституцию, не означает, что оно будет достойно реализовано. Нужны четкие и грамотные механизмы такой реализации, и вопрос «а есть ли данные механизмы в нашей стране?» весьма противоречив.

Право на забастовку установлено не только Конституцией Российской Федерации, о чем уже было сказано

выше, но и Трудовым Кодексом РФ. В статье 409 ТК указано, что право на забастовку как способ разрешения коллективного трудового спора признается в Российской Федерации.

Однако основания для объявления забастовки четко регламентированы самим Трудовым Кодексом. Случаи, в которых работники могут использовать свое право на проведение забастовки, таковы:

- Примириительные процедуры не помогли разрешить коллективный трудовой спор;
- Работодатель отказывается выполнять соглашения, которые были достигнуты в ходе разрешения трудового спора;
- Работодатель не исполняет решение трудового арбитража.

Также в Кодексе установлены случаи, при которых использование забастовки как меры разрешения коллективных трудовых споров запрещается законом. Это случаи введения чрезвычайного положения, военного положения и т.д.

В Трудовом Кодексе устанавливается запрет на принуждение к участию или отказу от участия в забастовке. За нарушение данного положения следует дисциплинарная, административная и, в некоторых случаях, уголовная ответственность.

В отличие от ранее действующих КЗоТов, в действующем Трудовом Кодексе вопросы, связанные с объявлением забастовки, регламентированы весьма подробно. Установлено условие правомочности собрания работников — присутствие более половины от общего числа работников. В статье 411 Трудового Кодекса указано, что возглавляет забастовку представительный орган работников. Регламентированы права данного органа, такие как право созывать собрания (конференции) работников, получать от работодателя информацию по вопросам, затрагивающим интересы работников. Отдельно провозглашаются обязанности сторон коллективного трудового спора, такие как обязанность, продолжить разрешение этого спора путем проведения переговоров, обязанность органов исполнительной власти, местного самоуправления принять все зависящие от них меры для сохранения общественного порядка и т.д.

В некоторых случаях забастовка может быть приостановлена. Это не значит, что она признается незаконной. Делается это, например, для того, чтобы минимизировать возможный вред здоровью и угрозу жизни граждан. Пример тому — приостановление забастовки по решению суда в случае необеспечения минимума необходимых работ (ст. 412 ТК).

Приостановлена забастовка может быть и в иных случаях — например, Правительством Российской Федерации в условиях, имеющих особое значение для обеспечения жизненно важных интересов страны и ее субъектов (ст. 413 ТК).

Отдельно в Трудовом Кодексе устанавливается запрет так называемого локаута — то есть увольнения ра-

ботников по инициативе работодателя по причине их участия в коллективном трудовом споре, либо в организации и участии в забастовке.

К сожалению, на практике работнику крайне сложно доказать, что уволен он был именно в связи со своей активной позицией при разрешении коллективного трудового спора или участии в забастовке. Существует множество судебных решений, в которых требования работника о восстановлении его на работе полностью отклоняются судом [3; 4].

Однако случается и так, что работник добивается удовлетворения своих требований о восстановлении на работе и выплате компенсации за вынужденный прогул [5].

Отдельно хочется рассмотреть случаи признания забастовки незаконной. Необходимо отметить, что приостановление забастовки отлично от признания забастовки незаконной. В первом случае стачка признается соответствующей закону, но по определенным причинам, названным выше, приостанавливается. Во втором случае забастовка признается не соответствующей действующему законодательству. Не соответствовать она может по разным основаниям — например, если она была объявлена без учета сроков, процедур и требований, указанных в Трудовом Кодексе РФ.

В судебной практике встречаются случаи, когда работодатель требует признать незаконной забастовку, приостановленную представительным органом работников. В частности, в 2016 году закрытое акционерное общество «Форд Мотор Компани» обратилось в суд с исковыми требованиями к забастовочному комитету с требованием признать забастовку незаконной по причине ее многократной приостановки органом, возглавляющим забастовку [6]. Однако требования истца были отклонены, а Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ в своем определении от 11.04.2016 подчеркнула, что в действующем законодательстве нет норм, устанавливающих ограничения по количеству приостановлений и возобновлений забастовки.

Отдельно хочется отметить, что в статье 413 Трудового Кодекса закреплена возможность ограничения права на забастовку федеральным законом. Данных ограничений встречается не мало. Например, в статье 26 Федерального Закона «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации [7]» устанавливается запрет на использование забастовки как способа разрешения коллективных трудовых споров работниками железнодорожного транспорта.

Похожий запрет устанавливается в статье 52 Воздушного Кодекса Российской Федерации [8]: не допускается использование забастовок или иное прекращение работы персоналом гражданской авиации, осуществляющим обслуживание воздушного движения. Однако сам авиационный персонал запрет за организацию и участие в забастовках не устроил. Так, в 2003 году Федерация профсоюзов авиационных диспетчеров Российской Федерации (ФПАД России) и Тюменская территориальная

организация ФПАД направили в Конституционный суд жалобу о признании неконституционными вышеуказанных положений. Тем не менее, в своем определении от 16.10.2003 № 318 [9] Конституционный суд отказал в принятии к рассмотрению следующей жалобы.

Забастовки, проводимые работниками организаций, непосредственно связанных с обеспечением жизнедеятельности населения, также признаются незаконными на основании статьи 413 Трудового Кодекса. Примером тому является Определение Судебной Коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 07.09.2012 года [10]. Так, забастовка работников ОАО «Брянские коммунальные системы» была признана судом незаконной, несмотря на то, что сроки и порядок объявления забастовки были соблюдены.

Примером забастовки, признанной незаконной по причине нарушения требований, установленных в Трудовом Кодексе, может служить забастовка профсоюзного комитета первичной профсоюзной организации работников общества с ограниченной ответственностью «Группа Антолин Санкт-Петербург» от 15.10.2013 года. Согласно определению Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.03.2014 забастовка, объявленная собранием работников, на котором присутствует менее половины всех работников, является незаконной [11].

Примером забастовки, признанной незаконной по причине нарушения сроков, установленных в Трудовом Кодексе, является забастовка работников муниципального образовательного учреждения дополнительного образования «Школы искусств» от 18.11.2008 [12]. Согласно определению Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 09.04.2009 забастовка, объявленная без надлежащего уведомления работодателя о начале забастовки, является незаконной.

Таким образом, на практике большая часть забастовок признается незаконными. Ведь для того, чтобы организовать забастовку в соответствии со всеми нормами права, надо пройти несколько стадий, заранее предупредить работодателя, что само по себя исключает эффект неожиданности и несколько снижает целесообразность такой стачки.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что, несмотря на то, что право на забастовку в Российской Федерации регламентировано во многих важнейших источниках, то, как оно реализовано, не позволяет работникам в полной мере пользоваться своими правами. Мы надеемся, что в будущем вопросы, связанные с законодательным регулированием забастовок, будут регламентироваться таким образом, чтобы сами работники действительно могли пользоваться данным механизмом для реализации своих законных прав.

Литература:

1. «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 N197-ФЗ (ред. от 01.04.2019), ст. 398; ст. 408.
2. Россия в цифрах // <http://www.gks.ru>. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/rusfig/rus18.pdf (дата обращения: 09.06.2019).
3. Решение Пушкинского городского суда Московской области № 2–1291/2014 от 19 февраля 2014 г. // URL: https://sudact.ru/regular/doc/FS8GNEXJIPbl/?regular-txt=@ular-case_doc=@ular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+415.+%D0%97%D0%B0%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5+%D0%BB%D0%BE%D0%BA%D0%B0%D1%83%D1%82%D0%B0%28%D0%A2%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29@ular-doc_type=@ular-date_from=@ular-date_to=@ular-workflow_stage=@ular-area=@ular-court=@ular-judge=&_=1559916379237 (дата обращения: 09.06.2019).
4. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда № 33–19381/2013 от 16 сентября 2013 г. по делу № 33–19381/2013 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/NbzBITMtZdoQ/?regular-txt=@ular-case_doc=@ular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+415.+%D0%97%D0%B0%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5+%D0%BB%D0%BE%D0%BA%D0%B0%D1%83%D1%82%D0%B0%28%D0%A2%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29@ular-doc_type=@ular-date_from=@ular-date_to=@ular-workflow_stage=@ular-area=@ular-court=@ular-judge=&_=1559916379237 (дата обращения: 09.06.2019).
5. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда № 33–19380/2013 от 23 сентября 2013 г. по делу № 33–19380/2013 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/6j2yOIOY3sbN/?regular-txt=@ular-case_doc=@ular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+415.+%D0%97%D0%B0%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5+%D0%BB%D0%BE%D0%BA%D0%B0%D1%83%D1%82%D0%B0%28%D0%A2%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29@ular-doc_type=@ular-date_from=@ular-date_to=@ular-workflow_stage=@ular-area=@ular-court=@ular-judge=&_=1559916379237 (дата обращения: 09.06.2019).
6. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11.04.2016 N33-АПГ16–5 // URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliationnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-11042016-n-33-apg16-5/> (дата обращения: 07.06.2019).

7. Федеральный закон от 10.01.2003 N17-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 14.08.2018) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40443/823bb33885483f96f8d9fd122b55d121fac61e16/ (дата обращения: 07.06.2019).
8. ВЗКРФ Статья 52. Понятие авиационного персонала. «Воздушный кодекс Российской Федерации» от 19.03.1997 N60-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 14.08.2018) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13744/e3592e637b8cccdebffabac5f58990cbe8f84744/ (дата обращения: 07.06.2019).
9. Определение Конституционного Суда РФ от 16.10.2003 N318-О // URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-16102003-n/> (дата обращения: 07.06.2019).
10. Определение от 7 сентября 2012 г. по делу № 3–19/12 Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/2pxT2mnpSLlq/?vsrf-txt=%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5+%D0%B7%D0%B0%D0%B1%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%BA%D0%B8+%D0%BD%D0%B5%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B9&vsrf-case_doc=&vsrf-lawchunkinfo=&vsrf-doc_type=&vsrf-date_from=&vsrf-date_to=&vsrf-judge=&_=1559901642744&snippet_pos=56#snippet (дата обращения: 07.06.2019).
11. Определение от 28 марта 2014 г. по делу № 3–64/2013 Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/k8LcXSWJcRdc/?vsrf-txt=%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5+%D0%B7%D0%B0%D0%B1%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%BA%D0%B8+%D0%BD%D0%B5%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B9&vsrf-case_doc=&vsrf-lawchunkinfo=&vsrf-doc_type=&vsrf-date_from=&vsrf-date_to=&vsrf-judge=&_=1559901642744&snippet_pos=152#snippet (дата обращения: 07.06.2019).
12. Определение от 9 апреля 2009 г. по делу № 3–04/09 Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/cVPs1D3wtbQB/?vsrf-txt=%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5+%D0%B7%D0%B0%D0%B1%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%BA%D0%B8+%D0%BD%D0%B5%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B9&vsrf-case_doc=&vsrf-lawchunkinfo=&vsrf-doc_type=&vsrf-date_from=&vsrf-date_to=&vsrf-judge=&_=1559901642744&snippet_pos=330#snippet (дата обращения: 07.06.2019).

История забастовок с древнейших времен до Нового времени

Ильин Вадим Павлович, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Крайне часто появление определенного явления предопределяет необходимость государственного регулирования такового. Не является исключением и предмет рассматриваемой научной работы — забастовки, а именно история развития забастовок с Древних времен и до Нового Времени.

Несомненно, сам термин «забастовка», или «стачка» появился значительно позже самого явления. По этой причине необходимо отметить, что под термином «забастовка» в данной работе понимается добровольный отказ от выполнения определенных работ на время двумя или более лицами с целью разрешить определенный спор.

Первая известная забастовка в истории произошла в Древнем Египте, в правление фараона Рамсеса III, и была записана писцом Аменнахтом [2]. Строители гробниц, а также художники, занимающиеся их росписью, вблизи Дейр эль-Медины в 1159 году до н.э. длительное время не получали должной оплаты за свою работу.

После очередной невыплаты заслуженного тяжелым трудом зерна работники с криками двинулись к городу. Лица на службе фараонов, руководящие строительством гробниц, приказали выдать хлеб протестующим, надеясь, что на этом данное движение захлебнется. Однако работники не были удовлетворены столь мизерными уступками и на следующий день пробрались в основной амбар Фив в южной части Рамессума, требуя задолженности. Служители храма позвали стража порядка Монтумеса, который приказал протестующим возвращаться к работам, но получил отказ. В конце концов, после переговоров бастующие получили просроченную оплату, но, едва вернувшись в свою деревню, они узнали, что не получают следующую. Рабочие возобновили забастовку и заблокировали пути в Долину Царей, чтобы люди не смогли совершать обряды над могилами предков. Армия, прибывшая вместе с чиновниками к месту, где бастовали рабочие, не принимала никаких активных действий из-за угроз ра-

бочих разрушить святые царские усыпальницы. Последующие несколько лет чиновники проблему не решали, и забастовки то прекращались, то возобновлялись. Причиной служили не только голод, но и «плохие вещи, со- творенные в месте фараона» [1].

В Европе забастовочное движение активно развивалось в XVI–XVII веках. В 1697 году во Франции, около Руана, рабочие на суконной мануфактуре объявили забастовку, которая длилась более месяца. Общее количество людей, принимавших участие в данной стачке, превысило 4000 [3].

В конце 1715 г. возникла стачка ткачей на предприятии во Франции. Для подавления стачки правительство направило своих чиновников и четыре отряда драгун. Рабочим было запрещено «сеять крамолу и устраивать какие-либо собрания под угрозой тюремного заключения». Им было запрещено также «собираться вместе по выходе на улицу», рабочие обязывались «оказывать должное уважение. Ван-Робе (владельцу предприятия) и их помощникам».

С развитием капитализма росла и стачечная борьба, в том числе острота забастовок. В XVIII веке учащаются случаи применения грубой силы как со стороны работников, так и со стороны представителей работодателей. Примером тому является забастовка 1769 года около Лондона, где рабочие механической лесопилки «взяли ее штурмом» и разрушили. Последствием данного акта стало принятие Правительством закона, согласно которому признавались недействительными все контракты, договоры и соглашения, касавшиеся повышения заработной платы, уменьшения или изменения рабочего времени или воспрепятствования найма предпринимателем рабочих по своему усмотрению и т.д. За нарушение этого закона были установлены законом трёхмесячное тюремное заключение или двухмесячное заключение в исправительном доме.

Несмотря на огромное количество законов, в которых устанавливался запрет на проведение стачек, данное движение набирало все большие обороты. Так, в 1812 г. в Глазго (Шотландия) была проведена стачка ткачей, в которой участвовало 40 тыс. рабочих. Стачка была подготовлена тайным союзом глазговских ткачей. Проводил её избранный рабочими стачечный комитет, из 5 членов. Стачка продолжалась 3 недели и была подавлена войсками; члены стачечного комитета были арестованы и приговорены к тюремному заключению. Ровно через 10 лет, в 1822 году, стачка повторилась.

Власти многих стран не прекращали попыток «задушить» стачечное движение на корню. Например, Правительство Англии приняло в интересах предпринимателей ряд новых постановлений против стачек, в частности закон «О застраживании и противообщественных заговорах». Согласно данному акту хозяевам предприятий давались широкие права по применению штрафов (лицо, нанимаемое работодателем и поддерживающее последнего своим выходом на работу во время забастовки [8]), которые вербовались среди огромной армии безработных

и нищих. Также владельцы предприятий могли пользоваться для охраны фабрик и подавления стачки вооружённой силой.

В Германии забастовочное движение стало развиваться значительно позже. В 1826 г. произошла первая забастовка в Германии, в Золингене, из-за выдачи заработка товарами, а не деньгами. Стачка сопровождалась поломкой станков и беспорядками. В 1828 г. бастовали ткачи шёлка в Крефельде из-за понижения заработной платы. В 1830 г. рабочие в Аахене и в Эйпене во время забастовок разрушали магазины и фабрики. Причиной этого движения были выдача зарплаты товарами и произвольные вычеты. В 1844 г. происходила массовая стачка на ситценабивных фабриках Берлина. Несмотря на мирный характер этой массовой стачки, полиция вмешалась в забастовку и произвела среди рабочих аресты. Недовольные низкой заработной платой, рабочие требовали её повышения. В начале апреля 1848 г. вспыхнула забастовка на ситценабивных берлинских фабриках. Рабочие выставили требования ограничения применения машин и увеличения заработной платы и впервые потребовали сокращения рабочего дня. Стачка окончилась победой рабочих.

О забастовках в Российской Империи известно немало, так как печать, подвластная монархам, всячески избегала любого упоминания о недовольстве в среде рабочих. Первая известная забастовка в России — это так называемая «Невская стачка» [6], которую газета «Биржевые ведомости» назвала первой в России забастовкой [3]. Началась она с того, что 63 рабочих Невской бумагопрядильни в Петербурге потребовали выплаты заработной платы, причитающейся им по праву. Жесткий отказ администрации привел к тому, что число бастующих увеличилось до 800 человек, из которых выделилось несколько представителей, которыми был разработан новый проект расценок работы трудящихся на данном предприятии. Работодатель, опираясь на силу местной власти, потребовал осудить руководителей забастовочного движения. Однако на суде вскрылась ужасная эксплуатация, которой подвергались рабочие. Руководители получили минимальные наказания (несколько дней ареста), которые вскоре были обжалованы в суде. Результатом данной забастовки стало то, что Министерство Внутренних Дел разослало секретный документ губернаторам, согласно которому они должны были тщательно следить за рабочим движением во всей стране и не допускать дела до судебного разбирательства [4].

Несмотря на все меры, которые принимало правительство, стачечное движение лишь набирало обороты. В 1885 году произошла одна из наибольших по охвату рабочих забастовка в России, получившая название «Морозовская стачка» [5]. Основной причиной данной забастовки являлись крупные штрафы, которые активно применялись работодателями на фабриках при любом нарушении со стороны работника. Размер данных штрафов был крайне велик — он доходил до 50% от их заработка.

В Морозовской стачке участвовало поистине огромное число работников — около 8000 человек. В процессе забастовки были арестованы более, чем 600 человек, а главные зачинщики были сосланы в Сибирь. В результате данного движения правительству пришлось значительно усилить уголовную ответственность за стачки.

К концу XIX века стачки стали выходить за пределы одного единственного предприятия и все больше охватывали целые отрасли. Росло количество работников, задействованных в стачечном движении. Следовательно, нарастала напряженная обстановка.

Все это вылилось в забастовку на Путиловском заводе, которая переросла в стачку января 1905 года, в которой участвовали рабочие почти всех предприятий Петербурга [7]. Следствием данного движения стало печально

известное «Кровавое воскресенье», послужившее началом Революции 1905-1907 годов. Силы революции и правительства были равны, поэтому император был вынужден пойти на значительные уступки — была учреждена Государственная Дума, отменена цензура в печати, ограничена власть монарха и т.д. Несмотря на то, что данные уступки не решали важнейших вопросов, назревших в государстве, по всему миру прокатилась новость о том, что рабочее движение в России одержало первую значительную победу.

Таким образом, можно сделать вывод, что забастовочное движение прошло длительный путь с его зарождения и до того момента, когда оно стало основным и, вполне возможно, единственным способом для работников выражать свои требования.

Литература:

1. Joshua J. Mark. The First Labor Strike in History, Ancient History Encyclopedia, 04.07.2017
2. Van De Mieroop, M. A History of Ancient Egypt. (Wiley-Blackwell, 2010).
3. Большая Советская Энциклопедия, 1 изд., т. 52, к. 798—812
4. Корольчук Э. А., Рабочее движение 70-х гг., М., 1934
5. Орлов А. С., Георгиева Н. Г., Георгиев В. А. Исторический словарь. 2-е изд. М., 2012, с. 328
6. Рабочее движение в России в XIX в., Сб. док-тов и мат-лов, т. 2, ч. 1, М., 1950
7. Романов Б. А. Январская забастовка 1905 г. в Петербурге. // Красная летопись. — Л., 1929. — № 6 (33). — С. 25—44.
8. Толковый словарь Ушакова. Д. Н. Ушаков. 1935—1940.

Некоторые актуальные проблемы разграничения виндикационного и негаторного исков

Ишбулдин Артём Ринатович, студент
Санкт-Петербургский государственный университет

Данная статья посвящена исследованию теоретических и практических вопросов разграничения виндикационных и негаторных исков в судопроизводстве Российской Федерации. Разграничение по таким понятиям как предмет, основание иска, хотя и не нашедшим официального закрепления, а существующим лишь на доктринальном уровне, имеет большое значение для практической деятельности судов. Актуальность проблемы определяется сложностями, возникающими в судебной практике при определении вида иска. На законодательном уровне отсутствуют четкие критерии при делении исков на виндикационный и негаторный за исключением указания на то, что негаторный иск возможен в случаях, когда не утрачено владение. Но существующая неопределенность и незакрепленность понятий, раскрывающих триаду собственности, не всегда дает возможность правильно идентифицировать, произошла ли утрата владения или нет. Отсутствие единства по спорным вопросам применения видов требований как в теории, так и на практике требует использования более четких критериев разграничения вещно-правовых исков для совершенствования механизма защиты гражданских прав.

Ключевые слова: виндикационный, негаторный иски, разграничение.

Вещные права пользуются абсолютной защитой, которая реализуется посредством вещно-правовых исков. Достаточно большое количество спорных вопросов по применению вещных исков и по их разграни-

чению послужило причиной подготовки нескольких документов: постановления Пленумов ВС РФ и ВАС РФ № 10/22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, свя-

занных с защитой права собственности и других вещных прав» (далее — Постановление 10/22) [9], информационного письма Высшего Арбитражного Суда РФ от 15 января 2013 г. № 153 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам защиты прав собственника от нарушений, не связанных с лишением» (далее — Информационное письмо 153) [3] и др. Эти акты внесли ясность в некоторые спорные вопросы толкования и применения ключевых положений, связанных с правом собственности.

В рамках исследования интерес представляют два вида вещных исков — виндикационный и негаторный.

Необходимо отметить, что виндикационный и негаторный иски имеют ряд объединяющих свойств:

- Оба иска имеют длительную историю, и пришли к нам из римского права

- По своей процессуальной цели являются исками о присуждении, т.к. направлены на совершение определенных действий

- Истцами по обоим искам может быть собственник или иной титульный владелец, который должен доказать свое право на вещь

- Объектом требований является нарушение права собственности

- Ответчик — лицо, нарушившее право

- Оба иска направлены на защиту от действий ответчика

- Носят внедоговорной характер

Для предъявления виндикационного иска должны соблюдаться следующие условия: требование должно быть направлено к лицу, у которого фактически находится вещь, истребуемая вещь должна сохраниться в натуре, а также иметь признаки индивидуально-определенности; фактическое владение вещью должно быть утрачено.

С помощью негаторного иска осуществляется защита как от уже имеющихся препятствий в осуществлении права собственности, так и от возможных нарушений, если налицо угроза таковых. Природу негаторного иска имеет также иск о признании права отсутствующим.

Основное различие между виндикационным и негаторным исками происходит по сфере применения. Определение сферы применения имеет определяющее значение для практики в силу того, что на виндикационные иски распространяется исковая давность, а на негаторные нет.

В основе разграничения исков лежит критерий владения. Существующий Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) не раскрывает понятие владение [1]. Такая неопределенность содержания полномочия владения является причиной большинства спорных ситуаций по разграничению виндикационного и негаторного исков.

Достаточно распространенный случай судебной практики — возведение на чужом участке объектов (либо установка забора). К этой ситуации возможны два подхода. Первый предполагает, что часть участка не может быть объектом права, ею невозможно владеть. Владение может распространяться только на объект в целом. Соот-

ветственно, защита нарушенного права может осуществляться с помощью негаторного иска. О том, что часть земельного участка не может быть объектом собственности, пишут В. А. Болдырев, В. А. Сысоев [18, с. 21–24]. Внесение сведений об участке в государственный реестр и присвоение ему кадастрового номера является характеристикой, позволяющей определить его как индивидуально-определенную вещь, чего нельзя сказать по отношению к части участка, никаким образом официально не оформленной. Постановка на кадастровый учет части участка возможна при регистрации в государственном реестре прав обременения на данную часть объекта недвижимости. Часть земельного участка может быть объектом обязательственных (например, аренда), но не вещных прав [20]. В информационном письме Президиума ВАС РФ от 9 декабря 2010 г. № 143 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения арбитражными судами статьи 222 Гражданского кодекса РФ» (далее — Обзор 143) п. 6 находим разъяснение, что к требованию о сносе самовольных построек, заявленному собственником, на участке которого возведена самовольная постройка, но не лишенного владения земельным участком в целом, суду надлежит применить положения ГК РФ о негаторном иске [2]. Таким образом, Президиум ВАС РФ считает, что возведение некой постройки не лишает права владения участка в целом. Вопрос о применении исковой давности к требованиям об освобождении земельного участка от постройки (а, следовательно, и возможности использования соответствующего иска) также был решен в Обзоре 143 (п. 6): исковая давность не распространяется на требование о сносе постройки, созданной на земельном участке истца без его согласия, если истец владеет этим земельным участком [2].

При втором подходе идет апелляция к тому факту, что истец лишается возможности осуществлять контроль за частью участка, он может не иметь доступа к этой части, а значит, утрачивает владение спорной частью участка. Некоторые авторы настаивают на том, что надлежащим способом защиты в таком споре может быть только виндикационный иск [19]. Например, В. А. Кияшко обосновывает свою точку зрения тем фактом, что лицо, установившее забор на чужом участке, выражает намерение владеть частью огороженной земли как своей собственной. Истец в этом случае лишается права владения частью своего участка [19]. Есть примеры судебной практики, демонстрирующие использование подхода разделения владения объектом (в частности, решение Арбитражного суда Томской области от 29.11.2014 по делу № А67–1541/2014). На части земельного участка, принадлежащего истцу, была построена автомобильная дорога. Истец обратился с требованием привести участок в первоначальное состояние. По материалам дела суд усмотрел, что истец лишен права реально владеть частью участка и применил к рассматриваемому спору нормы виндикации. Основываясь на пропуске срока исковой давности, суд отказал в иске [17]. На решение суда была подана апелляционная жалоба.

Седьмой арбитражный апелляционный суд постановлением от 16 марта 2015 г. по делу № А67—1541/2014 подтвердил применение в этом случае виндикационного иска, отметив, что «истец лишен права реально владеть частью земельного участка площадью 70 кв. м. При этом тот факт, что право собственности истца зарегистрировано на весь земельный участок, не влияет на указанное обстоятельство» [12]. В определении Верховного Суда от 06.11.2015 № 304-ЭС15—14382 было подтверждено нарушение права собственности истца на часть земельного участка, его фактическое изъятие. Остался неурегулированным вопрос: какой иск применять, если изъятая часть участка не вошла в состав другого объекта права.

Еще один важный вопрос для рассмотрения — может ли собственник всего объекта не быть владельцем части, не являющейся объектом недвижимости. От решения этого вопроса зависит природа требований об освобождении спорных помещений. Долгое время не было единого мнения относительно правовой природы исков о выселении. В практике ВАС РФ неоднократно подчеркивалось, что требования о выселении, освобождении недвижимого имущества — это требования о виндикации (ст. 301 ГК) [21]. Такого мнения придерживается, в частности, К. И. Скловский [22]. Так, отказывая в удовлетворении иска о выселении заявленного как негаторный иск, ФАС Волго-Вятского округа в постановлении от 12 января 2007 г. по делу № А11—14047/2004-К1—13/829/156 указал, что требование о выселении ответчика из занимаемых нежилых помещений является требованием не владеющего собственника к владеющему несобственнику об истребовании индивидуально-определенного имущества из его незаконного владения, т.е. применим виндикационный иск, срок исковой давности по которому составляет три года. В постановлении ФАС Уральского округа от 18 апреля 2008 г. № Ф09—2468/08-С6 суд разъяснил, что «посредством негаторного иска нельзя добиваться выселения нарушителя из объекта недвижимости, принадлежащего истцу, так как иск о выселении является иском виндикационным и регулируется нормой ст. 301 Гражданского кодекса Российской Федерации» [13]. В судах общей юрисдикции сложилась противоположная практика — квалификации иска о выселении как негаторного. Многие авторы в качестве примера такой позиции приводят решение Петровского районного суда города Москвы по делу о выселении Жамаловой Н.С., Жамаловой Ж.С., в котором суд основывается на ст. 208 ГК РФ, соотнося иск о выселении с негаторным [5]. Постановление 10/22 внесло пояснение, что ст. 304 ГК РФ применяется только в случаях нарушения прав, не связанных с лишением владения [9]. Тем не менее, существует ряд ситуаций, когда суды продолжают применять ст. 304 ГК РФ даже в тех случаях, когда собственник не владеет помещением. Так, районный суд города Санкт-Петербурга принял решение выселить гражданина А. Лаптика из выморочного помещения, которое он незаконно (на основании договора купли-продажи, признанного ничтожным)

занимал после умершей собственницы с 1995 года (решение Московского районного суда г. Санкт-Петербурга от 28.03.2012 по делу № 2—86/2012). Представители А. Лаптика заявили о пропуске срока исковой давности, однако суд не принял этот довод [16].

Негаторный иск не подлежит применению и в случае выселения из служебного жилья. В определении ВС РФ от 19.08.2008 № 5-В08—77 сказано, что положения статей 304, 305 ГК РФ не могут применяться к отношениям, носящим договорной характер (имея в виду договор найма служебного жилья) [6]. Совсем иное решение было принято Ленинским районным судом г. Кирова по делу от 15.04.2014 № 2—813/2014. Бывший военнослужащий был выселен с семьей из служебного жилья, несмотря на заявления истца о пропуске срока исковой давности. Причем по договору найма наймодатель передал нанимателю и членам его семьи за плату во владение и пользование жилое помещение, таким образом, истец являлся фактическим владельцем помещения. Суд не принял во внимание доводы истца о пропуске срока исковой давности, отмечая, что «собственник жилого помещения — Российская Федерация имеет право истребования служебного жилого помещения в любое время, так как исковая давность не распространяется на требования собственника или иного владельца об устранении всяких нарушений его права, хотя бы эти нарушения не были соединены с лишением владения (ст. 304 ГК РФ)» [14].

Отсутствие на законодательном уровне понятия владения движимым и недвижимым имуществом дает возможность судам высказывать различные мнения по вопросу применения ст. 304 ГК РФ в исках о выселении.

Отдельно стоит обратить внимание на иски, объектом требований которых являются помещения, относящиеся к общему имуществу здания. Способ защиты нарушенного права зависит от характера нарушения. Режим общего имущества описан в постановлении Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 г. № 64 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров о правах собственников помещений на общее имущество здания». В частности в п. 3 указано, что право общей долевой собственности на общее имущество принадлежит собственникам помещений в здании в силу закона вне зависимости от его регистрации в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним [8]. П. 9 Постановления дает разъяснение, что иски собственников помещений в здании (даже в случае, когда право собственности на общее имущество зарегистрировано в реестре за одним лицом) при условии, что они владеют общим имуществом, носят негаторный характер. Если собственники индивидуальных помещений лишены возможности пользоваться общей долевой собственностью (например, лишены доступа в помещение), они вправе подать иски об истребовании имущества из чужого незаконного владения (ст. 301 ГК РФ). Если общим имуществом владеют собственники помещений в здании (например, общими лестницами, коридорами, холлами, доступ к использованию

которых имеют собственники помещений в здании), однако право индивидуальной собственности на общее имущество зарегистрировано в реестре за одним лицом, собственники помещений в данном здании вправе требовать признания за собой права общей долевой собственности на общее имущество. Суд рассматривает это требование как аналогичное требованию собственника об устранении всяких нарушений его права, не соединенных с лишением владения (ст. 304 ГК РФ).

Достаточно распространенным является случай, когда подается иск о признании права отсутствующим невладеющим собственником. В данном случае истец может выбрать ненадлежащий способ защиты (как пример — решение Арбитражного суда Ростовской области от 30 апреля 2014 г. по делу № А53—3594/2014) [15]. П. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса РФ об исковой давности» (далее — Постановление 43) указывает на то, что «исковая давность не распространяется на требования, прямо предусмотренные ст. 208 ГК РФ. К их числу относятся требования собственника или иного владельца об устранении всяких нарушений его права, хотя бы эти нарушения не были соединены с лишением владения, в том числе требования о признании права (обременения) отсутствующим» [11]. Таким образом, иск о признании права отсутствующим является разновидностью негаторного иска. Возможность обращения с требованием о признании права собственности на недвижимое имущество отсутствующим предоставлена только лицу, которое в соответствии с данными Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН) является собственником этого имущества и одновременно им владеет, в том случае, если по каким-либо причинам на данное имущество одновременно зарегистрировано право собственности за другим лицом. Интересным является положение, высказанное Судебной коллегией по экономическим спорам (переданное ей на рассмотрение по определению Верховного Суда РФ от 14.08.2015 N303-эс15—5520 по делу № А51—12453/2014) в отношении объекта незавершенного строительства: «иск о признании права отсутствующим на объект, не обладающий признаками недвижимой вещи, но права на который зарегистрированы как на недвижимость, является разновидностью негаторного иска. Исковая давность на такое требование не распространяется» [4]. Кратко из фабулы дела: территориальное управление Росимущества обратилось в суд с иском о признании отсутствующим права собственности общества на объект незавершенного строительства (благоустроенная площадка) степенью готовности 1,18%, ссылаясь на то, что право собственности на данный объект зарегистрировано как на недвижимость, тогда как он не обладает ее признаками. Суд первой инстанции отказал в удовлетворении иска на основании того, что управление Росимущества не владеет спорным объектом. Суд апел-

ляционной инстанции и арбитражный суд округа поддержали выводы суда первой инстанции. Судебная коллегия Верховного Суда РФ отменяет акты нижестоящих судов, ссылаясь на п. 52 Постановления 10/22, в котором сказано, что в случае, когда запись в ЕГРП (право собственности на движимое имущество зарегистрировано как на недвижимое имущество) нарушает право истца, последний может подать иск о признании права отсутствующим. По мнению истца, объект незавершенного строительства (благоустроенная площадка) не может быть признан самостоятельной недвижимой вещью. Судебная коллегия, руководствуясь п. 1 ст. 130 ГК РФ и п. 38 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее — Постановление 25), поддержала мнение истца и признала спорный объект движимой вещью [10]. Подобное мнение высказывалось судами и ранее (определение ВАС РФ от 12.09.2012 № ВАС-11337/12). По мнению истца в деле о признании отсутствующим права собственности на земельные участки передача земельных и имущественных паев в уставный капитал правопродшественника (ТОО «Рейзино») привела к потере права собственности на них (определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 13 июня 2017 г. № 33-КГ17—10). Интересной в рассматриваемом деле представляется позиция суда апелляционной инстанции, который отметил, что ответчики не владеют земельными участками лишь по тому основанию, что на них находятся опоры линий электропередач (ЛЭП), при этом сами опоры установлены за счет ответчиков. Очень сомнительное доказательство факта неведения участками. В итоговом решении Судебной коллегии факт владения истцом участками не подтвержден [7]. Если посмотреть судебную практику за последние два года, то можно отметить, что СК в определениях отмечает, что «иск о признании права отсутствующим имеет исключительную природу и »не может заменять собой виндикационный, негаторный иски».

Подводя итог, можно отметить, что практика применения исследуемых вещно-правовых исков подтверждает наличие значительного количества спорных моментов в вопросах разграничения виндикационного и негаторного исков.

Несмотря на то, что оба иска являются древнейшими способами защиты, в современной юриспруденции сохраняется много вопросов, связанных с их применением. Немалую роль в этом играет неурегулированность понятий, на которых и строится разграничение исков.

Основная проблема, с которой сталкиваются суды при разграничении этих двух вещно-правовых исков, связана с пробелами, касающимися понятия владение. Сложности вызывает и объект владения. Вопросы владения в качестве объекта права частью вещи, имуществом, не сформированным как отдельный объект недвижимости,

до сих пор являются предметом спора как в среде теоретиков права, так и в сообществе практикующих юристов.

На сегодняшний день, при рассмотрении ряда дел суды сталкиваются с проблемой правильной квалификации исков.

Привнесение в Гражданский кодекс РФ четких понятий и критериев, связанных с правом собственности, обеспечило бы единство судебной практики и способствовало бы совершенствованию правовых механизмов осуществления его защиты.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // Собрание законодательства РФ. — 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 09.12.2010 N143 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения арбитражными судами статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] — Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
3. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 15.01.2013 № 153 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам защиты прав собственника от нарушений, не связанных с лишением владения» [Электронный ресурс] — Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2016) (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 13 апреля 2016 г.) [Электронный ресурс] — Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
5. Определение ВС РФ по делу № 5-В09—10 от 5 мая 2009 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://dogovor-urist.ru/%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0/%D0%B4%D0%B5%D0%B%D0%BE/5-%D0%B209-10/
6. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19 августа 2008 г. N5-В08—77 [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1687802/#ixzz5iFQPwzTE>
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13.06.2017 N33-КГ17—10 [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-ri-ot-13062017-p-33-kg17-10/>
8. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 г. № 64 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров о правах собственников помещений на общее имущество здания» [Электронный ресурс] — Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Пленумов ВС РФ и ВАС РФ № 10/22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» [Электронный ресурс] — Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] — Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса РФ об исковой давности» [Электронный ресурс] — Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
12. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 16 марта 2015 г. по делу № А67—1541/2014 [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://sudact.ru/arbitral/doc/vqKH9RcIXaW5/?arbitral-txtarbitral-case_doc=&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-doc_type=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&arbitral-participant=&_=1549726103199&snippet_pos=676#snippet
13. Постановление ФАС Уральского округа от 18 апреля 2008 г. № Ф09—2468/08-С6 [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/35015037/>
14. Решение № 2—813/20142—813/2014 М-71/2014 М-71/2014 от 15 апреля 2014 г. по делу № 2—813/2014 [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/mGHNm1NxnpoZ/>
15. Решение Арбитражного суда Ростовской области от 30 апреля 2014 г. по делу № А53—3594/2014 [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://sudact.ru/arbitral/doc/kHLFsKuogblW/?arbitral-case_doc=&arbitral-lawchunkinfo=301+304&arbitral-doc_type=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&arbitral-participant=&_=1551463307382&snippet_pos=1354#snippet
16. Решение Московского районного суда г. Санкт-Петербурга от 28.03.2012 по делу № 2—86/2012 [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.eg-online.ru/article/334569/>

17. Решение от 29 ноября 2014 г. по делу № А67–1541/2014 [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://sudact.ru/arbitral/doc/PEBBXz5NqgZ/?arbitral=&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-doc_type=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&arbitral-participant=&_id=1549726103199
18. Болдырев В. А. Часть земельного участка как объект гражданских прав/ В. А. Болдырев, В. А. Сысоев// Юрист, 2014, №2. — С. 21–24.
19. Кияшко В. А. Некоторые вопросы предъявления виндикационного и негаторного исков/ В. А. Кияшко // Юрист, 2009, № 12 [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://center-bereg.ru/b8014.html>
20. Колесникова И. А. Часть земельного участка как объект правоотношений/ И. А. Колесникова// Право и экономика, 2013, № 5 [Электронный ресурс] — Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
21. Сарбаш С. В. Арбитражная практика по гражданским делам: Конспективный указатель по тексту Гражданского кодекса Российской Федерации/ С. В. Сарбаш. — М., 2000. — 876 с.
22. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве/ К. И. Скловский. — 5-е изд., перераб. — М.: Статут, 2010. — 893 с. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://private-right.ru/wp-content/uploads/pdf>

Эволюция института условного осуждения в уголовном праве России

Коваленко Вадим Валерьевич, студент магистратуры

Дальневосточный институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Хабаровск)

Evolution of the Institute of Conditional Condemnation in the Criminal Law of Russia

Kovalenko Vadim, a student

The Far Eastern Institute of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Khabarovsk, Russia

Доктриной уголовного права не достаточно полно изучены вопросы, касающиеся исторических предпосылок возникновения и развития института условного осуждения в России. В представленной статье указаны основные этапы становления института условного осуждения в России и отражена позиция автора в целях разрешения присутствующей проблемы.

Ключевые слова: наказание, условное осуждение, уголовный кодекс, уголовная ответственность.

The doctrine of criminal law has not sufficiently studied the issues related to the historical prerequisites for the emergence and development of the institution of conditional conviction in Russia. The article describes the main stages of the institution of probation in Russia and reflects the author's position in order to resolve the problem.

Keywords: punishment, probation, criminal code, criminal liability.

Появление в уголовном праве России института условного осуждения произошло относительно недавно.

Если рассматривать опыт зарубежных стран, то первое применение условного осуждения можно встретить в суде английского Бирмингема. Отдельные случаи применения условного осуждения можно найти и в Венгрии, но в этой стране условное осуждение не вошло в практику судов. На законодательном уровне условное осуждение было закреплено в Великобритании, когда были приняты Законы «Об испытании впервые осужденных» от 1887 года и «Об испытании преступников» от 1907 года.

Общепризнанной в юридической литературе является точка зрения о том, что история развития условного осуждения в России берет свое начало с 1889 года, когда состоялся первый съезд Международного союза криминалистов, учрежденного в 1887 года, по прошествии

которого стали активно вестись научные дискуссии по поводу сущности и правовой природы института условного осуждения. Введение в российскую правовую систему института условного осуждения было воспринято неоднозначно. [5]

Так, одни ученые-правоведы высказывали о положительном значении условного осуждения, другие крайне категорично относились к внедрению в практику уголовного производства условного осуждения. Однако, первая точка зрения все же имела большинство сторонников. В конце XIX — начале XX века в России предпринимались попытки по законодательному закреплению условного осуждения в уголовном праве, результатом которых стала подготовка соответствующего законопроекта об условном осуждении. Однако, данный законопроект в силу различных обстоятельств так и не был утвержден Государственной Думой.

Вместе с тем, Д. А. Рябко отмечает, что «в начале XX в. понятие »условное осуждение« прочно вошли в научный оборот, отражая процессы и явления развития уголовного законодательства в направлении большей гуманности и поиска альтернатив лишению свободы за совершение преступлений небольшой тяжести». [7]

Таким образом, несмотря на активные дискуссии в теории уголовного права о необходимости закрепления условного осуждения в отечественном уголовном законодательстве, в дореволюционном законодательстве данный институт не получил своего нормативного оформления.

Дальнейшее развитие условного осуждения связано с советским этапом развития страны. Именно с момента прихода к власти советов Декретом о суде № 2 от 07 марта 1918 году условное осуждение было впервые закреплено в законодательстве России. Данный декрет рассматривал условное осуждение в качестве одного из видов более мягкого наказания, поскольку право смягчения наказания могло быть реализовано судом посредством применения условного осуждения. [4]

Статья 29 Декрета гласила, что народные заседатели обладали правом уменьшения закрепленного уголовным законом наказания на основании своего собственного убеждения вплоть до возможности применения условного осуждения. Как особую форму смягчения наказания рассматривал условное осуждение и Декрет ВЦИК от 30 ноября 1918 г. «О народном суде РСФСР».

В тоже время необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что правовая регламентация оснований применения условного осуждения практически отсутствовала. Законодательство того периода только упоминало о необходимости мотивирования судом смягчения приговора. И лишь только с принятием Постановления НКЮ от 12 декабря 1919 г., которыми были утверждены Руководящие начала по уголовному праву, были введены основы правового регулирования института условного осуждения. Впоследствии законодательство не только восприняло данные положения, но и более подробно регламентировало основания и условия применения условного осуждения.

Однако, следует сказать, что вплоть до принятия Основных начал 1924 года институт условного осуждения воспринимался советским уголовным законодательством в качестве наказания.

С принятием Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года были внесены определенные изменения в институт условного осуждения, что проявлялось в закреплении новых видов условного осуждения, которые ранее не применялись в практике.

УК РСФСР 1960 года помимо непосредственно самого условного осуждения, закрепленного статьей 44 Кодекса, статьей 46.1 была предусмотрена отсрочка исполнения приговора, которую можно рассматривать в качестве усложненной разновидности условного осуждения. Отсрочка исполнения приговора предусматривала воз-

можность наложения на осужденного определенных обязанностей и обязательное рассмотрение судом результатов его отсрочки. Кроме того, УК РСФСР в ст. 46 содержал норму, предусматривающую отсрочку исполнения приговора военнослужащему или военнообязанному в военное время. При применении указанных правовых норм в процессе осуждения их следует включать в институт условного осуждения, а при непосредственном отбывании наказания их следует причислять к особому виду условно-досрочного освобождения от наказания. [3]

На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 12 июня 1970 года «Об условном осуждении к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду» институт условного осуждения был дополнен новым положением, предусматривающим применение условного осуждения в отсутствие изоляции осужденного от общества и его привлечение к труду. Впоследствии данное нововведение было отражено и в ст. 24.2 УК РСФСР 1990 года.

Данная правовая норма по своей сущности регламентировала реальное отбывание осужденными уголовного наказания, которые проживали в специально оборудованных общежитиях. Осужденные выполняли разнообразные обязательные работы под контролем специальных органов.

Таким образом, можно говорить о реальном ограничении свободы осужденного, сопровождавшемся привлечением осужденных к труду. В случае злостного уклонения осужденного от исполнения данного наказания оно могло быть заменено на лишение свободы. Контроль за осужденными осуществляли спецкомендатуры отделов внутренних дел. Карательно-предупредительный потенциал такого наказания позволял использовать его в качестве эффективной альтернативы лишению свободы. В связи с этим в науке уголовного права высказывалось предположение о том, что условное осуждение с обязательным привлечением осужденного к труду представляет собой самостоятельный вид наказания.

В настоящее время институт условного осуждения закреплён в статье 73 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. [1]

Вопрос о правовой природе условного осуждения, как в теории уголовного права, так и в правоприменительной деятельности на сегодняшний день не имеет однозначного решения. Статьи 73, 74 УК РФ, регламентирующие порядок исполнения условного осуждения, расположены в разделе III УК РФ «Наказания», в главе «Назначение наказания», что даёт основание полагать об отнесении законодателем условного осуждения к наказаниям.

Так, определяя юридическую природу условного осуждения, Х. Кадари полагал, что оно является особым средством воспитательного характера. [2]

Подобную точку зрения поддерживал Н. Ф. Саввин, считая, что условное осуждение не нарушает каких-либо благ осужденного. [6]

Самой наиболее распространённой точкой зрения среди ученых является рассмотрение института условного

осуждения как разновидность освобождения от отбывания наказания. Так, правоведы не относят рассматриваемый нами институт к уголовным наказаниям, по причине отсутствия в условном осуждении элементов кары, страдания, причинения осужденному определенных лишений личного и имущественного характера, которые содержит каждое наказание. Такая позиция аргументируется тем, что не нарушаются блага условно осужденного, он остается в прежней среде, занимается своими делами, а также указывают, что условное осуждение не содержится в санкциях Особенной части УК РФ и в изложенной законодателем системе наказаний.

При условном осуждении действия виновного лица не оправдываются. Оно не является безусловным прощением к виновному, это доверие, которое выражает суд, постановляя считать назначенное наказание условным. Применение условного осуждения возможно лишь после назначения наказания, предусмотренного санкцией статьи Особенной части УК РФ.

В связи с этим, на наш взгляд, справедлив вывод о том, что в настоящее время условное осуждение является видом условного освобождения виновного от реального отбывания назначенного наказания, специфической формой реализации уголовной ответственности. Правовую природу

условного осуждения можно трактовать в условном освобождении виновного от реального отбывания назначенного приговором суда наказания при условии выполнения лицом возложенных на него обязанностей и соблюдения установленных ограничений в течение определенного испытательного срока, установленного приговором суда.

Таким образом, законодатель впервые легально определил специальные правила применения условного осуждения в отношении несовершеннолетних, предоставив право суду повторно принимать решение об условном осуждении подростка, осужденного условно.

Институт условного осуждения имеет относительно недавнюю историю, однако его процесс его совершенствования происходил на всем протяжении развития отечественного уголовного права. Применение данного института сегодня находит большое распространение в практической деятельности, выступая в качестве эффективной альтернативы лишению свободы.

Анализ юридической природы условного осуждения позволяет сделать вывод, что он в настоящее время является формой реализации уголовной ответственности, которая выражается в освобождении виновного лица от назначенного приговором суда наказания при определенных условиях.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.06.2019) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Агзамов И. М. Условное осуждение как разновидность условного неприменения уголовного наказания. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). Тамбов, 2012. № 8. Ч. 1. С. 18–21.
3. Иванцова Н. В., Калачян К. Ю. Принудительные работы — альтернативный или самостоятельный вид наказания: пути поиска правильного подхода. // Российская юстиция. 2012. № 8. С. 58–61.
4. Кобец П. Н., Краснова К. А. Правовая природа института условного осуждения в Российской Федерации // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2009. № 5. С. 34–38.
5. Мананников Д. Ю. Условное осуждение военнослужащих: монография. М.: За права военнослужащих, 2014. Вып. 136. — 160 с.
6. Саввин Н. Ф. Условное осуждение и роль общественности в перевоспитании и исправлении осужденных. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Всесоюз. ин-т юридических наук. М., 1963. — 16 с.
7. Рябко Д. А. История становления института условного осуждения в XX веке дореволюционной России. // История государства и права. 2007. № 1. С. 25–26.

Правовая характеристика соглашения о проведении игр и пари по гражданскому законодательству РФ

Морозова Вероника Евгеньевна, бакалавр
Государственный университет по землеустройству (г. Москва)

Возникновение, изменение и прекращение обязательств, связанных с проведением азартных игр, пари и граничащими с ними категориями получили нор-

мативно-правовое закрепление с принятием части второй Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [1].

Для возникновения правоотношений в сфере проведения игр и пари необходимо достижение волеизъявления одного субъекта соглашения до сведения других субъектов (организатора игры или пари, участников игры и т.д.). Само волеизъявление может выражаться как в прямых, так и косвенных действиях стороны обязательства, как участника игры.

Из анализа статей ГК, посвящённых проведению игр и пари, можно сделать вывод о том, что организация и проведение игры и пари представляет собой соглашение между сторонами, которое имеет свои специфические особенности.

В основе возникновения правоотношений лежит правовая категория — риск, который исходит из обязательств и соглашения сторон договора. А саму сделку, которая возникает из существа проведения игр и пари, основанную по своему содержанию на риске, принято именовать — алеаторной.

В основе возникновения правоотношений между сторонами лежит договор между сторонами, который и представляет собой предложение организатора (оферта) с достижением соглашения между сторонами об участии в игре или проведении пари (акцепта).

Отклик на оферту (акцепт) об участии в игре осуществляется, как правило, конклюдентными действиями (лицо приобретает лотерейный билет, фишки, сдаёт карты, расставляет фигуры, шашки, бильярдные шары, делает ставку и т.д.). Акцепт оферты об участии в пари осуществляется, как правило, словесно (спорщик высказывает собственное мнение относительно обстоятельства, о котором предложено поспорить), либо письменно (например, путем заполнения карточки). Подтверждением заключения пари является либо внесение ставки, сопровождаемое символическим действием (разбитием рукопожатия спорщиков третьими лицом)[2].

Само по себе соглашение между сторонами выступает договором, который по своему существу преимущественно является возмездной сделкой, поскольку предусматриваются обязанности одной стороны совершить определенные действия, и они корреспондируют обязанности другой стороны по предоставлению материального блага.

Эта характеристика договора подтверждается и тем, что денежному предоставлению одной стороны, к примеру, совершению ставки (денежной суммы) участника игры противопоставляется встречная обязанность о возможности предоставления выигрыша от другой стороны, то есть организатора игры при выполнении определенных условий договора.

Выигрыш стоит рассматривать, как возможность получения материального возмещения, то есть он по своему существу имеет имущественный характер. Внесенная сумма участника игры выступает имущественной частью самого обязательства между сторонами договора.

По мнению И.В. Миронова алеаторный договор может выступать, как и безвозмездная сделка, поскольку

в нем нет встречного возмещения в связи с возможностью безвозвратной потери первоначального взноса игрока. [3]

Кроме того, договор между сторонами (организатором игры и участником) о проведении игры или пари имеет специфическую характеристику — достигнув условия договора, заключив его, он не сразу влечет возникновение обязательств между сторонами, то есть не сразу влечет юридические последствия для сторон обязательств. Право на получение выигрыша возникает с определенной доли вероятности наступления соответствующего события. Соответственно, получается, что соглашение представляет собой сделку между сторонами, которая совершена под отлагательным условием.

Сама по себе сделка под отлагательным условием выступает, как сделка, в которой стороны поставили возникновение прав и обязанностей в зависимость от обстоятельства, относительно которого неизвестно, наступит оно или не наступит. Права и обязанности сторон возникнут лишь в момент наступления условия [4].

В большинстве случаев сам договор стоит квалифицировать, как реальный, поскольку требует предварительно внесения денежной платы за участие в соответствующей игре или пари. Однако по своему существу условия договора могут выражать его, как и консенсуальный.

Договор может выступать как односторонне обязывающим, так и двусторонне. Эта характеристика договора определяется из существа самих условий и категории игры.

Само соглашение между сторонами о проведении игр и пари может выражаться, как в устной, так и письменной форме. Формами заключенного договора могут выступать как передача участнику игры лотерейного билета, чека, квитанции, так и иных документов, которые подтверждают факт совершения договора между сторонами или иными способами.

Есть позиция о том, что лотерейный билет, квитанция или иной документ, закрепляющие существенные условия таких договоров не представляют собой письменную форму договора об играх, а их стоит квалифицировать, как документы, которые удостоверяют юридический факт по заключению сделки. Они фиксируют факт совершения устной сделки [5].

В самом предложении о заключении договора должны быть отражены существенные условия. К ним можно отнести: срок проведения игр и пари, предмет, порядок определения выигрыша (денежной суммы), а также и размер выигрыша. При отсутствии этих положений соглашения само предложение не может рассматриваться как оферта.

Важным является то, что существенным является именно сам срок проведения игры или пари, но при этом не срок о выплате самого выигрыша. Если срок в условиях отсутствует, то есть, не указан сторонами, то не позднее 10 дней с момента определения результатов игр и выигрышей стороны. Законом предусматривается обязанность организатора игры и пари по выплате выигрыша, который определен правилами проведения. В случае не-

исполнения организатором игр данной обязанности выигравший участник вправе требовать выплаты выигрыша, а также возмещения убытков, причиненных нарушением договора со стороны организатора [6].

Существенным условием договора о проведении игр и пари, сторонами которого выступают участники игры и пари, является его предмет. Именно при достижении существенных условий договор считается заключенный между сторонами.

По своему содержанию цена договора не выступает существенным условием договора. Она отражается в договоре по волеизъявлению сторон договора, а также по усмотрению организатора игры.

Договор о проведении игр и пари может рассматриваться как договор об оказании услуг. Поскольку организатор игры предлагает неопределенному кругу лиц заключить договор об организации и проведении определенной игры или пари. Исполнитель (организатор игр и пари) обязуется оказать услугу (организовать и провести игру в указанные сроки проведения и по определенным правилам) заказчику (участнику игры или пари). А заказчик, который выступает участником игры, в свою очередь обязуется оплатить услугу (проведение игры или пари), то есть внести ставку или интерактивную ставку.

Договор об организации и проведении игр и пари можно рассматривать, как публичный договор из анализа его содержания. Поскольку договор об организации и проведении игры представляет собой договор, который заключается лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, организатором игры или пари) и устанавливающий обязанности по оказанию услуг (проведение игры или пари). При этом организатор игры или пари по характеру своей деятельности должно осуществить в отношении каждого участника, обратившегося к нему, заключив при этом договор.

Соглашение об организации и проведении игры выступает договором присоединения, поскольку, как правило, условия договора определены одной из сторон, то есть организатором игры в формулярах или иных стандартных формах, договорах и они могут быть приняты другой стороной, то есть участником игры путем присоединения к предложенному договору об организации игр.

При заключении соглашения об организации и проведении игр и пари возникают определенные права и обязанности по совершению определенных действий. В этом и заключается правовая природа соглашений об организации и проведению игр и пари, а также игровой деятельности.

Литература:

1. Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26 января 1996 № 14-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 29 января 1996, № 5, Ст. 410
2. Белов В. А. Игра и пари как институты гражданского права // Законодательство, 1999, № 9. — 51 с.
3. Миронов И. В. Проблемы алеаторных правоотношений в российском праве. Автореф. Дис. канд. юрид. наук. М., 1998. 25 с.
4. Гражданское право: Учебник. В 2 т. // Под ред. Б. М. Гонгалло. Т. 1. 2-е изд. перераб. и доп. — М.: Статут, 2017. — 511 с.
5. Комментарий к Гражданскому кодексу РФ, части второй // Под ред. Т. Е. Абовой, А. Ю. Кабалкина. М., 2003. С. 885
6. Гражданское право. Особенная часть: учеб. пособие для прикладного бакалавриата // В. Н. Ивакин. — 6-е изд., испр. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2016. — 299 с. — Серия: Учебное пособие

Правовые последствия отказа родителей (законных представителей) от проведения ребенку туберкулинодиагностики

Новикова Екатерина Валерьевна, специалист

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Санитарно-эпидемиологическое благополучие населения — одно из основных условий реализации таких конституционных прав граждан, как право на охрану здоровья и благоприятную окружающую среду, закрепленных в статьях 41 и 42 Конституции Российской Федерации [2].

Для начала необходимо разобраться, что такое здоровье и что подразумевает под собой понятие «охрана

здоровья». В соответствии с Уставом (Конституцией) Всемирной организации здравоохранения здоровье — это полное социальное, физическое, душевное благополучие [1]. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» содержит в себе определение здоровья: «состояние физического, психического и социального благопо-

лучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма» [4]. Стоит согласиться с В.В. Пучковой, которая определяет понятие «охрана здоровья», как «совокупность мероприятий социального, политического, экономического, правового характера. Кроме того, данное понятие охватывает комплекс мер санитарно-эпидемиологической направленности» [15, с. 11].

В последнее время участились случаи отказа родителей (законных представителей) от проведения их детям внутрикожных проб (Манту, АТР), которые проводятся в целях раннего выявления туберкулеза у детей.

Родители и иные законные представители вправе принимать решения о медицинском вмешательстве или отказе от него. Как справедливо подчеркивает Г.М. Хамитова, личные неимущественные права, имущественные права несовершеннолетних пациентов вместе со специальными правами, которые гарантированы государством и к которым относится право на отказ от медицинского вмешательства, составляют основу гражданско-правового положения несовершеннолетних пациентов [16, с. 9]. В соответствии с пунктом 7 «Порядка и сроков проведения профилактических медицинских осмотров граждан в целях выявления туберкулеза», утвержденных Приказом Минздрава России от 21.03.2017 г. № 124н [9] и пункта 1 статьи 20 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [4] необходимым предварительным условием медицинского вмешательства является дача информированного добровольного согласия гражданина или его законного представителя на медицинское вмешательство. Гражданин, один из родителей, иной законный представитель, данного гражданина имеет право отказаться от медицинского вмешательства, а в случае, если оно уже осуществлено, то потребовать его прекращения, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Так медицинское вмешательство без согласия гражданина, одного из родителей или иного законного представителя допускается в отношении лиц, страдающих заболеваниями, представляющими опасность для окружающих (пункт 9 статьи 20 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») [4]. Несмотря на то, что туберкулез отнесен к числу заболеваний, представляющих опасность для окружающих, а также к числу социально значимых заболеваний (Постановление Правительства РФ от 01.12.2004 г. № 715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих») [7], вышеуказанная норма на проведение туберкулинодиагностики не распространяется, т.к. если данное заболевание не выявлено, то, значит, медицинское вмешательство без согласия родителей (законных представителей) ребенка не допускается.

Нельзя не учитывать, что профилактика заболеваний имеет огромное значение для снижения процента забо-

леваемости населения. В.В. Пучкова относит приоритет профилактики в сфере охраны здоровья к принципу, выполняющему приоритетную роль в оказании помощи пациентам, подчеркивая при этом, что «принцип приоритета профилактических мер в области охраны здоровья граждан служит конституционной гарантией и дублируется во многих законодательных актах» [14, с. 14]. Законодатель, не нарушая право граждан на отказ от медицинского вмешательства, допускает назначение альтернативных методов обследования для исключения туберкулеза у детей (пункт 1 Алгоритма ведения детей, поступающих (посещающих) в образовательные учреждения, в случае отказа от иммунодиагностики) [11]. Также для исключения туберкулеза органов дыхания используется обзорная рентгенография грудной клетки при письменном согласии родителей (иного законного представителя) возможно проведение рентгенологического исследования — обзорной рентгенограммы органов грудной клетки (Методические рекомендации по совершенствованию диагностики и лечения туберкулеза органов дыхания, утвержденным Приказом Министерства здравоохранения РФ от 29 декабря 2014 г. № 951) [8].

Альтернативные методы не могут полноценно заменить туберкулинодиагностику, поэтому для допуска в детские организации (детские сады, школы и т.д.) необходимо заключение врача-фтизиатра об отсутствии заболеваний. Данная норма содержится в пункте 5.7. Санитарно-эпидемиологических правил СП 3.1.2.3114–13 «Профилактика туберкулеза» утвержденных Постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 22.10.2013 г. № 60 [10] и ее законность подтвердил Верховный суд в своем решении от 17.02.2015 г. [12].

Сложившаяся судебная практика в Российской Федерации также признает, что не допуск детей без заключений от врача-фтизиатра об отсутствии заболеваний является законным, так как:

- данное требование направлено на предупреждение возникновения и распространения туберкулеза, а также соблюдение прав других граждан на охрану здоровья и благоприятную окружающую среду;
- отказ от туберкулинодиагностики со стороны родителей является нарушением прав других детей пребывать в безопасных условиях в детской организации;
- в соответствии с частью 3 статьи 17 Конституции Российской Федерации [2] осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц;
- согласно статье 10 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» от 30.03.1999 г. № 52-ФЗ граждане обязаны не осуществлять действия, влекущие за собой нарушение прав других граждан на охрану здоровья и благоприятную среду обитания, заботиться о здоровье, гигиеническом воспитании и об обучении своих детей [6];
- соблюдение санитарно-эпидемиологических правил является обязательным для физических и юридических

лиц (пункт 1.3 Санитарно-эпидемиологических правил СП 3.1.2.3114–13 «Профилактика туберкулеза» утвержденных Постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 22.10.2013 г. № 60)[10].

Ученые отмечают, что «нормативно-правовая база в системах образования и здравоохранения регламентирует приоритет здоровья обучающихся над всеми другими направлениями деятельности, что в итоге должно способствовать сохранению и укреплению здоровья школьников на этапе получения основного общего образования» [13, с. 13]. Иными словами, общеобразовательные учреждения обязаны не только проводить текущий контроль за состоянием здоровья обучающихся, но и контролировать соблюдение государственных санитарно-эпидемиологических нормативов и правил, а руководство образовательного учреждения обязано неукоснительно следовать закону и отстранять детей от посещения образовательного учреждения при отсутствии справки от врача-фтизиатра об отсутствии заболевания. В противном случае, нарушение законодательства Российской Федерации в области предупреждения распространения туберкулеза влечет за собой как дисциплинарную, административную, уголовную, так и гражданско-правовую ответственность (статья 16 ФЗ № 77-ФЗ от 18.06.2001 г. «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации»)[5].

Стоит отметить, что не допуск ребенка в образовательное учреждение без заключений от врача-фтизиатра об отсутствии заболеваний никоим образом не нарушает право ребенка на образование, предусмотренное Федеральным законом Российской Федерации от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», ведь данным федеральным законом предусмотрены и такие формы получения образования и обучения, как семейное образование и самообразование [3].

Подводя итог, можно сказать, что родители (законные представители) имеют право на отказ от проведения ребенку туберкулинодиагностики. Однако для того, чтобы у ребенка была возможность посещать образовательное учреждение, необходимо получить заключение от врача-фтизиатра об отсутствии заболеваний, а это, в свою очередь, возможно при проведении альтернативных методов обследования для исключения туберкулеза у детей. В случае отказа и от альтернативных методов обследования ребенок не может быть допущен к посещению детского сада, школы и иного образовательного учреждения. Данный не допуск никак не уменьшает прав ребенка на образование, ведь родители (законные представители) необследованных детей могут выбрать формы и методы образовательного процесса, которые исключают посещение таких детей образовательного учреждения, и тем самым соблюдая права других граждан на охрану здоровья и благоприятную окружающую среду.

Литература:

1. Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) (Принят в г. Нью-Йорке 22.07.1946 г.) (с изм. от 24.05.1973).
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ) // «Собрании законодательства РФ», 04.08.2014 г., № 31, ст. 4398.
3. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 17.06.2019) «Об образовании в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 31.12.2012 г., № 53 (ч. 1), ст. 7598.
4. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 29.05.2019) // «Собрание законодательства РФ», 28.11.2011 г., № 48, ст. 6724.
5. Федеральный закон от 18.06.2001 г. № 77-ФЗ «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации» // «Российская газета», № 118–119, 23.06.2001 г.
6. Федеральный закон от 30.03.1999 г. № 52-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.10.2018 г.) // «Российская газета», № 88, 25.04.2018 г.
7. Постановление Правительства РФ от 01.12.2004 г. № 715 (ред. от 13.07.2012) «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих» // «Российская газета», № 271, 07.12.2004 г.
8. Приказ Минздрава России от 29.12.2014 г. № 951 «Об утверждении методических рекомендаций по совершенствованию диагностики и лечения туберкулеза органов дыхания».
9. Приказ Минздрава России от 21.03.2017 г. № 124н «Об утверждении порядка и сроков проведения профилактических медицинских осмотров граждан в целях выявления туберкулеза» (зарегистрировано в Минюсте России 31.05.2017 г. № 46909).
10. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 22.10.2013 г. № 60 (ред. от 06.02.2015 г.) «Об утверждении санитарно-эпидемиологических правил СП 3.1.2.3114–13 «Профилактика туберкулеза» (вместе с «СП 3.1.2.3114–13»...) (Зарегистрировано в Минюсте России 06.05.2014 г. № 32182).
11. Письмо Минздрава России от 07.04.2017 г. № 15–2/10/2–2343 «О направлении клинических рекомендаций «Выявление и диагностика туберкулеза у детей, поступающих и обучающихся в образовательных организа-

- циях» (вместе с «Клиническими рекомендациями «Выявление и диагностика туберкулеза у детей, поступающих и обучающихся в образовательных организациях», утв. Российским обществом фтизиатров 07.03.2017 г.).
12. Решение Верховного Суда РФ от 17.02.2015 г. № АКПИ14–1454 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующими пункта 1.3 и абзаца второго пункта 5.7 Санитарно-эпидемиологических правил СП 3.1.2.3114–13 «Профилактика туберкулеза», утв. Постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 22.10.2013 г. № 60».
 13. Организационно-правовые аспекты охраны здоровья школьников: монография / И. И. Новикова, Ю. В. Ерофеев, А. С. Крига, В. Г. Бережной, М. Б. Булацева, В. А. Ляпин. Омск: Изд-во ОмГА, 2017. 112 с.
 14. Пучкова В. В.. Конституционная политика в формировании правового механизма по регулированию института права граждан на охрану здоровья. Монография. Смоленск: Маджента, 2015. 228 с.
 15. Пучкова В. В. Особенности конституционно-правового регулирования права на охрану здоровья отдельных категорий граждан в Российской Федерации: Монография. Смоленск: Маджента, 2018. 180 с.
 16. Хамитова Гульнара Муллауровна. Гражданско-правовое положение несовершеннолетних пациентов в Российской Федерации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Казань, 2018. 24 с.

Защита права человека на благоприятную окружающую среду путём установления экологически чистых государственных закупок

Осипова Наталья Васильевна, студент магистратуры;
Умарсаидов Кирилл Алмасханович, студент магистратуры;
Билашенко Екатерина Вениаминовна, кандидат педагогических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

В структуре конституционных прав и свобод человека важное значение имеет право на благоприятную окружающую среду, которое выражается в совокупности экологических прав человека. Право на благоприятную окружающую среду порождает существование и реализацию основ конституционного строя, а также главных прав и свобод человека. Также право на благоприятную окружающую среду составляет эколого-правовой статус каждого человека. Данное право является абсолютной конституционной ценностью и неотъемлемым правом человека и гражданина. Стоит отметить, что окружающая природная среда, безусловно, влияет на демографию, здоровье, самочувствие, жизнь нынешних и следующих поколений.

Изучение права на благоприятную окружающую среду вызывает особый интерес, так как формирование научно-технического прогресса постоянно продолжается, а вместе с этим, увеличивается вредное воздействие на природную окружающую среду, что в последствии негативно влияет на жизнь и здоровье людей. Несомненно, для каждого человека, общества и государства вопросы, связанные с защитой прав на благоприятную окружающую среду, являются основными и актуальными в настоящее время.

Согласно главному экологическому нормативно-правовому акту России, Федеральному закону от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» благоприятная окружающая среда представляет собой ту окружающую среду, в которой обеспечивается устойчивое развитие

и функционирование экологических естественных систем, природно-антропогенных и природных объектов [1].

Создание всевозможных химических, металлургических, энергетических и других технологий, резкий экономический подъём, рост потребления товаров, не безрезультатно влияют на жизнь и здоровье человека, вызывая онкологические, аллергические и иные заболевания. Для того, чтобы проблемы, которые связаны с состоянием окружающей природной среды, со здоровьем человека, были решены, нужно продвигать идеи производства и потребления экологически чистых продуктов.

Одним из способов защиты прав человека на благоприятную окружающую среду можно считать разумный расход государственных денежных средств на услуги и товары, которые бы стимулировали рациональное развитие всех частей экономики без принесения экологического вреда.

Государственные закупки для развития общества и экономики страны представляют сильный инвестиционный инструмент, который способствует существованию конкурентной среды, способствует снабжению товарами и услугами потребителей в нужном количестве и соответствующего качества — отсюда следует вывод, что при размещении заказов стоит принимать во внимание требования экологического характера.

Основной документ, который определяет процесс осуществления государственных закупок — Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения

государственных и муниципальных нужд». Данный закон предусматривает возможность установления экологических характеристик в документации о закупках [2].

Экологическими государственными закупками (по другому их ещё называют «зелёные») считается процесс, благодаря которому органами государственной власти запускается механизм поиска возможности закупать товары, услуги или работы, весь жизненный путь которых обеспечивает снижение вредного воздействия на окружающую природную среду и здоровье человека [3].

Так как экологические государственные закупки в Российской Федерации находятся на самой начальной стадии, то стимулирование к покупке экологически чистой, безопасной продукции необходимо осуществлять государству.

Некоторыми учёными разработаны критерии устойчивости в государственных «зелёных» закупках, а также принципы государственной экологической политики. Например, бумага писчая должна содержать следующие экологические требования: бумага вторичной переработки, без содержания хлора, класс «А»; автомобильный транспорт: легковые автомобили с бензиновым двигателем не ниже стандарта Евро-4, для грузовых — не ниже стандарта Евро-5, показатели выбросов двуокиси углерода для легкового автомобиля не больше 150 г/км и так далее. Принципами будут выступать положительный эффект от реализации государственных «зелёных» закупок, использование новых научных технологий и методов, критерий приоритетности [4].

Зарубежный опыт показывает, что те организации (заказчики), принимающие участие в программе «зелёных» закупок и требующие предоставления товаров от поставщиков, соответствующих критериям экологического характера, безусловно, оказывают воздействие не только на поставщиков, а также и на производителей, которые развивают свою продукцию, тем самым заказчики обеспечивают себя товарами соответствующего экологического качества.

Ещё в 1995 году такие европейские государства как Финляндия, Великобритания, Швеция, Нидерланды, Дания стали странами, которые ввели систему принципов экологически безопасных закупок. Разработанная ими система основана на закупках тех товаров и услуг, которые оказывают минимальное вредное воздействие на

окружающую среду, и соответственно, на здоровье человека. Например, Швеция в 2010 году установила экологизированные требования для поставщиков компьютерного оборудования (пластик должен подлежать переработке, в составе отсутствует свинец, ртуть). Что касается экономической составляющей, то Великобританией была подсчитана прибыль от использования мебели, которая была закуплена экологичным путём — 47 миллионов долларов за 11 лет [5].

Не только европейские страны используют «зелёные» государственные закупки. Так, Таиландом было выявлено, что благодаря экологичным закупкам негативное воздействие на окружающую среду углекислым газом снизилось на 25 миллионов тонн, что сэкономило бюджету 20 процентов. Китай в 2012 году сформировал перечень товаров энергосберегающих: покупка восьми таких товаров носит обязательный характер. В этом же году благодаря экологичным государственным закупкам администрацией города Шэньчжэнь были приобретены экологически чистые автобусы и электрическое такси.

Следует отметить, что Российская Федерация, безусловно, стремиться к улучшению системы осуществления государственных закупок, а также улучшению благосостояния граждан и снижения негативного воздействия на окружающую среду. Например, начальным этапом для реализации промышленности по утилизации и обработке отходов производства является Стратегия до 2030 года. К этому году планируется запустить семьдесят экологических технических парков и повысить уровень переработки твердых бытовых отходов до 80 процентов, и данные критерии стоит объединить с пакетом экологических критериев к продукции по соответствующим отраслям [6].

Можно сделать вывод, что Российская Федерация только начинает свой путь реализации экологически чистых государственных закупок. Основываясь на международном опыте, «зелёные» государственные закупки благоприятно влияют как на экономику государства, так и на окружающую природную среду и здоровье человека. Так как способы защиты прав человека на благоприятную окружающую среду не имеют упорядоченную, исчерпывающую законодателем систему, то целесообразно будет считать установление экологически чистых государственных закупок способом защиты данного права.

Литература:

1. Об охране окружающей среды: Федеральный закон от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ (с изм. и доп. от 29.07.2018 г.) // Российская газета. — № 6. — 2002.
2. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ (с изм. и доп. от 12.05.2019 г.) // Российская газета. — № 80. — 2013.
3. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions Public procurement for a better environment // URL: <https://eur-lex.europa.eu>. (дата обращения: 21.06.2019)
4. Ульмясбаева А. О. Критерии и индикаторы устойчивого развития при реализации государственных «зелёных» закупок // Прорывные научные исследования — 2016. — С. 70.

5. «Зеленые» госзакупки — мировой тренд // Business Partner. — 2013. — № 15. — С. 48.
6. Сметанина Т. П., Воротников А. М., Тарасов Б. А. Организационное сопровождение государственных зелёных закупок в России: формирование рынка экологических товаров // Вестник Российского университета кооперации — 2019. — № 1 (35). — С. 72.

Понятие, признаки и содержание транспортных услуг

Панеш Аслан Муратович, студент магистратуры
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина (г. Краснодар)

В статье рассматривается историческое и современное нормативное закрепление понятия транспортных услуг, а также признаки и содержание таких услуг.

Ключевые слова: транспортная услуга, пассажир, вид транспорта, железнодорожный транспорт, пространственное перемещение, устав.

История возникновения услуг транспорта лишь на первый взгляд кажется не такой длительной по продолжительности как история человеческого общества. На самом деле перевозка людей и грузов начала осуществляться еще в древности, однако тогда фактически единственным видом транспортных «магистралей» являлись русла рек. А их в России, как известно, всегда было и есть великое множество. Но при этом такие перемещения — в силу климатических условий, — носили сезонный характер.

В последующем возникают и сухопутные транспортные маршруты. И, как следствие — принимаются нормативные акты об отдельных видах транспорта, в том числе и в виде уставов. Например, в 19 веке по железнодорожным перевозкам были приняты Устав Царско-сельской железной дороги (1837 г.), Устав Главного общества российских железных дорог (1857 г.), Устав путей сообщения Российской империи (1857 г.), Общий устав российских железных дорог (1885 г.) [14, с. 12–13]. После Октябрьской революции 1917 г. они были заменены на советские декреты и иные акты: Декрет ВЦИК от 31.05.1918 г. «Об управлении железнодорожными путями сообщения» [6], Декрет СНК РСФСР от 16.08.1920 г., которым был введен в действие «Общий Устав железных дорог Р. с. Ф.С.Р» [7], и другие источники (постановления, распоряжения, приказы и т. п.).

Начало XX века ознаменовалось развитием — по терминологии того периода, — «воздухоплавания». В 1909 г. был учрежден Международный юридический комитет авиации (при французском аэроклубе), а 13 октября 1919 г. в г. Париже была заключена Конвенция о регулировании воздушной навигации [1] (но в СПС «КОДЕКС» название этого соглашения с французского языка переведено несколько иначе: Конвенция о регулировании воздушных передвижений [2]). Позднее — в 1932 г., — в бывшем СССР был принят союзный Воздушный кодекс [9].

В последующем нормативные акты о видах транспорта и порядке их эксплуатации принимались в виде актов раз-

личного уровня, и сейчас они представлены в первую очередь в виде кодифицированных источников — уставов и кодексов.

Несмотря на нормативное обеспечение транспортных перевозок, ни в одном из указанных актов, ни в российских Гражданских кодексах 1922 г. [8] и 1964 г. [10] не приводилась трактовка термина «транспортная услуга» (или аналогичная — «услуга транспорта»); такая же ситуация наблюдается и сейчас — в частности, в современном ГК РФ. Поэтому исследователями в юридической литературе предпринимались и предпринимаются сейчас попытки смоделировать авторские дефиниции этого термина (М. В. Кротов [15], Ю. П. Свит [17], А. Е. Шерстобитов [19] и др.). Предлагаемые определения в основном базируются на общем понятии услуги, содержащемся в ст. 779 ГК РФ [3].

На наш взгляд, в качестве легального определения транспортной услуги вполне приемлемо то, которое содержится в ГОСТе Р 51006–96 «Услуги транспортные. Термины и определения» [5]. Хотя с момента принятия этого акта прошло уже почти четверть века, тем не менее, приведенное в подпункте 2 п. 2 этого ГОСТа понятие транспортной услуги не потеряло своей актуальности по настоящее время: это «результат деятельности исполнителя транспортной услуги по удовлетворению потребностей пассажира, грузоотправителя и грузополучателя в перевозках в соответствии с установленными нормами и требованиями». Представляется, что такое определение было бы целесообразно включить и в ГК РФ.

В отношении признаков транспортной услуги как специфического вида услуг, полагаем, что наиболее верными являются выводы С. Ю. Морозова; им выделяются следующие признаки:

— анализируемые услуги оказываются с помощью транспортных средств;

— они имеют место при осуществлении или обеспечении перевозки (перемещения) грузов, пассажиров и/или багажа;

— лицом, реализующим этот вид услуг, является субъект предпринимательской деятельности [16, с. 17].

По нашему мнению, основным из этих признаков является оказание услуги посредством использования различных видов транспортных средств, то есть первый из указанных выше признаков. Также, думается, одним из признаков надо считать и такой: транспортная услуга предоставляется на основании специального законодательства, в котором, отметим также, отражается специфика каждого вида услуг в зависимости от вида транспорта. К примеру, исходя из анализа текста ст. 1 Устава железнодорожного транспорта РФ [4] можно вывести понятие услуг, предоставляемых посредством использования железнодорожного транспорта: это услуги по использованию инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования и иные связанные с перевозками услуги.

Ряд специалистов среди видов транспортных услуг (а они специалистами классифицируются по различным основаниям) выделяют основные, первостепенные. Например, как полагает С.П. Гришаев, основным видом таких услуг является «перевозка, т.е. пространственное перемещение грузов, пассажиров, багажа и грузобагажа» [13]. В его утверждении ключевым считается слово «пассажир», так как не каждое пространственное перемещение порождает транспортное правоотношение. Так, перемещение людей в здании аэропорта с использованием горизонтального эскалатора в качестве отдельной транспортной услуги рассматривать нельзя (но поясним, что это может входить в качестве элемента услуги по перевозке авиационным транспортом, предоставляемой пассажирам).

Содержание транспортных услуг является достаточно широким и помимо пространственного перемещения может включать и предоставляемые пассажиру (то есть потребителю услуг) сопутствующие услуги, направленные, как подчеркивают Е.М. Тужилова-Орданская и А.Р. Муратова, на обеспечение безопасных и комфортных условий перевозки [18, с. 76]. Но при этом запрещается рекламировать или пропагандировать те услуги, которые могут причинить вред жизни или здоровью их потребителя. Так, Калужским транспортным прокурором Московской межрегиональной транспортной прокуратуры было заявлено требование признать запре-

щенной в РФ «информацию, пропагандирующую проезд на железнодорожном транспорте запрещенным способом, на не предназначенных для проезда частях подвижного состава (на подножках, зацепках и крышах поездов)», распространенную в Интернете (подчеркнем, вход на все сайты, перечисленные прокурором, был свободный). Калужский районный суд Калужской области своим решением от 19.04.2019 г. данное требование прокурора удовлетворил [11].

Если же какая-то из услуг, предоставленных пассажиру, окажется некачественной, то — как следствие, — возникает вопрос о защите прав потребителя услуги. Например, при рассмотрении 18.06.2019 г. Приозерским городским судом Ленинградской области гражданского дела № 2–34/2019 были установлены следующие обстоятельства: истец М-ва О. Н., выйдя из электропоезда, «поскользнулась на железнодорожной платформе Капитолово и упала на железнодорожные пути», в результате чего была травмирована; «причиной падения истца и получения вследствие этого падения травмы явилось то, что на платформе был лед, припорошенный снегом». В итоге с ОАО «Российские железные дороги» в пользу истца была взыскана компенсация морального вреда в размере 300000 рублей [12].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

— история предоставления транспортных услуг уходит своими корнями в древний период, когда появился первый вид перевозки в виде перемещения пассажиров и грузов по водным путям;

— в действующем законодательстве легальное определение «транспортная услуга» отсутствует. И, соответственно, этот пробел должен быть восполнен путем включения в ГК РФ общего термина для всех видов транспортных услуг;

— содержание услуг всегда зависит от вида транспорта и, как правило, регламентируется отдельным законодательством. Соответственно, с возникновением каждого нового вида транспорта государством всегда принимались и принимаются сейчас новые нормативные акты (например, регламентирующие предоставление услуг такси);

— исходя из такой отраслевой дифференциации транспортного законодательства термин «транспортная услуга» адаптирован к конкретному виду транспорта.

Литература:

1. Конвенция о регулировании воздушной навигации (г. Париж, 13.10.1919 г.) // URL: <http://www.medcollegelib.ru/doc/ISBN9785392135011-SCN0004.html> (дата обращения: 26.06.2019).
2. Конвенция о регулировании воздушных передвижений (г. Париж, 13.10.1919 г.) // URL: <http://docs.cntd.ru/document/901976800> (дата обращения: 26.06.2019).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 29.07.2018 г.; с изм. от 18.03.2019 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
4. Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации от 10.01.2003 г. № 18-ФЗ (в ред. от 03.08.2018 г.; с изм. от 28.11.2018 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2003. — № 2. — Ст. 170.
5. Государственный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 51006–96 «Услуги транспортные. Термины и определения» (принят Постановлением Госстандарта России от 25.12.1996 г. № 703 «О принятии и введении

- в действие государственного стандарта») // СПС ГАРАНТ. — URL: <http://www.garant.ru/> (дата обращения: 28.06.2019).
6. Декрет ВЦИК от 31.05.1918 г. «Об управлении железнодорожными путями сообщения» // Известия ВЦИК. 1918. № 122. 16 июня // СПС КонсультантПлюс. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.06.2019). Документ утратил силу.
 7. Декрет СНК РСФСР от 16.08.1920 г. «Общий Устав железных дорог Р. с. Ф.С.Р». // СУ РСФСР. 1920. № 77. Ст. 362 // СПС КонсультантПлюс. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.06.2019). Документ утратил силу.
 8. Постановление ВЦИК от 11.11.1922 г. «О введении в действие Гражданского кодекса Р. с. Ф.С.Р». (в ред. от 27.04.1927 г.; вместе с «Гражданским кодексом Р. с. Ф.С.Р».) // Известия ВЦИК. 1922. № 256. 12 ноября // СПС КонсультантПлюс. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 26.06.2019). Документ утратил силу.
 9. Постановление ЦИК СССР № 36, СНК СССР № 460 от 27.04.1932 г. «Воздушный кодекс Союза ССР» // СЗ СССР. 1932. № 32. Ст. 1946 // СПС КонсультантПлюс. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 27.06.2019 г.). Документ утратил силу.
 10. Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964 г.; в ред. от 24.12.1992 г. // Ведомости ВС РСФСР. — 1964. — № 24. — Ст. 407. Документ утратил силу.
 11. Решение Калужского районного суда Калужской области от 19.04.2019 г. по гражданскому делу № 2а-1-3648/2019 // Судебные решения РФ. — URL: судебныерешения.рф/43127693/extended (дата обращения: 30.06.2019).
 12. Решение Приозерского городского суда Ленинградской области от 18.06.2019 г. по гражданскому делу № 2-34/2019 // Судебные решения РФ. — URL: <http://судебныерешения.рф/44077647/extended> (дата обращения: 30.06.2019).
 13. Гришаев С.П. Защита прав потребителей / С.П. Гришаев // Подготовлено для системы КонсультантПлюс. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 29.06.2019).
 14. Климов И.П. Источники транспортного права в Советском государстве (октябрь 1917–1920 гг.) / И.П. Климов // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 4. — С. 11–18.
 15. Кротов М.В. Обязательство об оказании услуг в советском гражданском праве: Автореф. дис... канд. юрид. наук / М.В. Кротов. — Л., 1989. — 16 с.
 16. Морозов С.Ю. Транспортное право: Учебник и практикум для СПО. 3-е изд., перераб. и доп. / С.Ю. Морозов. — М.: Юрайт, 2016. — 336 с.
 17. Свит Ю.П. Защита прав потребителей при оказании транспортных услуг / Ю.П. Свит // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2007. — № 2. — С. 23–31.
 18. Тужилова-Орданская Е. М., Муратова А. Р. Договор перевозки пассажира как правовое средство удовлетворения имущественных потребностей граждан в свете доктрины Н. А. Барина об имущественных потребностях и правовых средствах их обеспечения / Е. М. Тужилова-Орданская, А. Р. Муратова // Власть Закона. — 2015. — № 1. — С. 76–81.
 19. Шерстобитов А. Е. Концепция развития гражданского законодательства и модернизация норм о возмездном оказании услуг / А. Е. Шерстобитов // Гражданское право и его роль в формировании гражданского общества: сборник статей Международной конференции, Москва, 21 октября 2011 г. — М.: Статут, 2013. — С. 101–105.

Развитие законодательства о банкротстве

Рудь Владислав Вячеславович, студент
Тюменский государственный университет

Развитие конкурсного права в России следует разделить на три этапа (дореволюционный до 1917 года), советский этап (с 1917 г. по 1992 г.), современный этап (с 1992 г.).

Характеризуя дореволюционный этап развития конкурсного права, следует отметить, что нормы содержались ещё в Русской правде, Судебниках Ивана Гроз-

ного XV — XVII, Соборном уложении 1649 год. Приведем позицию Г. Ф. Шершеневича, указывающего, что в Русской правде имелось три нормы, — 68, 69, 133 [1], они содержали положения о возможности должника получить рассрочку, которая в свою очередь зависела только от его поведения. Так, при отсутствии вины и надлежащем поведении должник мог рассчитывать на рассрочку платежа,

но задолженность при этом должна была возникнуть безотносительно воли должника. Если задолженность возникла по вине должника, например, расточительство, то ему могла быть предоставлена рассрочка лишь с согласия кредиторов. Особо злостным уклонением от уплаты считалось возникновение долгов по вине должника, который с целью избежать причинить вреда кредиторам скрывался, сбежал в другое государство, — такой должник не мог рассчитывать на предоставление рассрочки/отсрочки, он мог быть только продан на торгах либо отдан в рабство кредитору.

Сложно говорить о развитии конкурсного права до появления крепких торговых отношений. Анализируя Судебники Ивана Грозного и Соборное уложение можно сделать вывод, что положения схожие с институтом банкротства в большей степени были привязаны к личности должника, а не к его имуществу. Положения носили карательный характер, не преследующие цель восстановить правовое положение кредиторов, а с целью наказать неугодного должника, — этот период не характерен развитием, усложнением торговых/экономических отношений, соответственно потребность в его регулирование не возникала.

XVII век характерен развитием России с заимствованиями из развитых западных государств. Первым предполагаемым источником права, где употребляется термин «банкротство» принято считать проект президента Коммерц-коллегии барона Менгдена, проект был одобрен кабинетом министров, содержал множество положений, заимствованных из западного правового порядка, но из-за противоречий, возникших между сенатом и кабинетом министров устав так и не был принят. Но отметим, что в торговля в данном периоде находилась на высоком уровне и институт несостоятельности нуждался в регламентации, о чем могут говорить и последующие многочисленные попытки принять банкротный устав [2].

Первым принятым уставом содержащим нормы банкротного права является устав о банкротах (1800 год), а в дальнейшем устав о торговой несостоятельности (1832 год), который действовал до 1917 года.

Дореволюционное законодательство можно разделить на торговое и вне торговое, — от этого зависела подведомственность дел, отнесенных к судам. В случае с торговыми делами их рассматривал коммерческий суд, в неторговых случаях рассматривал суд общей юрисдикции. Положения содержали в основном нормы по банкротству физических лиц, но уровень регламентации был довольно высок, поскольку вопросы возникающее в настоящее время в практике могут быть решены с помощью дореволюционного законодательства.

Нормы конкурсного права не были чужды советскому периоду. В связи с политикой военного коммунизма все акты дореволюционной России прекратили свое действие. Однако, в связи с проведением Новой экономической политики, означающей появление торговых отношений, возникла потребность в появлении института конкурсного права.

Нормы материального права о банкротстве получили свое закрепление в Гражданском Кодексе РСФСР 1922 года, где получили закрепление нормы о несостоятельности физических лиц, торговых предприятий (ст. 219, 260, 289, 294), однако такие нормы содержали лишь упоминания в контексте регулирования аксессуарных обязательств (поручительство, залог) и в контексте договора займа. Реальные процедуры банкротства отсутствовали.

В последствии в 1927 году процессуальное законодательство было дополнено процедурными нормами, регулирующими институт несостоятельности, порядок их введения в отношении физических лиц, юридических лиц, кооперативных предприятий (главы 37, 38, 39) [3].

Дела о несостоятельности рассматривались в исковом порядке, срок исковой давности не должен был превышать одного года, критерием несостоятельности была выбрана неоплатность. В юридической литературе, отмечалось, что советский этап института банкротства был направлен на охрану прав трудящихся, что являлось антиподом дореволюционной идеи, где кредиторы осуществляли фактическое владение должником в процедуре банкротства [4]. Место кредиторов в соответствии с волей законодателя занимали государственные органы.

Советский период конкурсного права можно характеризовать, как период деструктивности, поскольку он полностью противоречил основному назначению института конкурсного права — интересы кредиторов, интересы должника. Защищался общий хозяйственный результат [5]. В условиях полной государственной монополии нормы конкурсного права полностью были лишены смысла (плановая экономика). Институт может получить свое развитие только в условиях рынка.

Современный этап развития начинается с принятием Указа президента Российской Федерации от 14 июня 1992 года № 623 «О мерах по поддержке и оздоровлению несостоятельных государственных предприятий (банкротов) и применения к ним специальных процедур» [6], который был необходим в связи с развивающейся рыночной экономикой, которая являлась нестабильной и шаткой, отсутствие такого института вызывала серьезную незащищенность участников экономического оборота. Но указ президента не нашел практического применения. Так как уже 19 ноября 1992 года был принят Закон № 3929–1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» [7].

Отметим, что подзаконные акты не подходят для регулирования института банкротства, что подтверждается и зарубежной практикой даже в странах англо-саксонской правовой семьи. Дело в том, что отношения банкротства — это отношения обязательственные, которые уже урегулированы на уровне федеральных законов (например, гражданский кодекс) и нормы конкурсного права, закрепленные в подзаконных актах, могли вступать в прямое противоречие с федеральными законами, что по уровню юридической силы означало бы невозможность применения подзаконных актов о банкротстве.

Закон о банкротстве содержал тенденции развития института банкротства в мире, учитывал период перехода экономики в России, и преамбула закона содержала указание на то, что только к предпринимателям могут применяться положения закона. Однако закон содержал существенные ошибки и недостатки, которые уже возникли в истории развития конкурсного законодательства в России. В законе отсутствовала процедура регулирования, отсутствовало регулирование судопроизводства по делам о банкротстве. Опять же многие пробелы банкротного законодательства регулировались подзаконными нормативными актами. Например в законе отсутствовали критерии признания структуры баланса неудовлетворительной, — такой пробел был устранен подзаконным актом, а именно Постановлением Правительства Российской Федерации от 20 мая 1994 года № 498 «О некоторых мерах по реализации законодательства о несостоятельности (банкротства) предприятий» [8].

Многочисленные пробелы в таком законе, а также принятие части первой Гражданского кодекса, содержащая положения относящиеся к регулированию института банкротства вызвало необходимость принять новый Федеральный Закон «О несостоятельности (банкротстве)», который в большей мере соответствовал современному регулированию, содержал в несколько раз больше положений чем Федеральный закон от 1992 года, следовательно меньше правовых пробелов и коллизий. Закон со временем его применения показал его пробелы. Он недостаточно обеспечивал интересы должника в банкротном процессе, а также интересы государства, использовался для передела имущества, имел существенные недостатки по отношению к арбитражным управляющим, которые не могли осуществлять их функции независимо [9].

В 2002 году принимается действующий Федеральный Закон «О несостоятельности (банкротстве)», который содержал существенные изменения, отличался массивом новых институтов, а также количеством статей. Например, была введена процедура финансового оздоровления, улучшен институт независимости арбитражных управляющих, возможность перехода из конкурсного производства во внешнее управление, значительно рас-

ширен субъектный состав лиц, которые могут быть признаны банкротами.

Обязательные платежи были приравнены к денежным обязательствам и удовлетворяются одинаково в третьей очереди (государственные органы не имеют преимущества).

Проблемой равноправия являлась возможность прокурора обратиться в суд с заявлением о признании должника банкротом, поскольку в силу своего прокурорского статуса он обладает широкими полномочиями, которыми не обладают другие участники гражданского оборота, его правоспособность гораздо шире правоспособности иных лиц.

Появилась детальная регламентация проведения собрания кредиторов/комитета кредиторов, что безусловно повышает гарантию защищенность заинтересованных лиц, участвующих в деле о банкротстве.

Действующий закон о банкротстве является достаточно качественным законом. Однако, хотелось бы отметить некоторые его недостатки. Например, он носит яркий «продолжниковый» характер, что ведет к затягиванию производства по делу и убыткам со стороны кредиторов. По мнению автора работы институт банкротства должен носить «прокредиторский» характер, что особенно актуально для жителей России, которые не обращаются сами в арбитражный суд о признании себя банкротом, а ждут до последнего, пока какой-то кредитор сам не обратится в суд, и соответственно восстановить платежеспособность такого должника не представляется возможным. Он принял все попытки восстановления платежеспособности на досудебном этапе банкротной процедуры. Реализация второй цели конкурсного права: восстановление платежеспособности должника не достигается, поскольку процедуры внешнего управления и финансового оздоровления вводятся крайне редко, а заканчиваются восстановлением платежеспособности должника в единичных случаях.

Отметим позицию М. Хоумана который указывает, что любая система, которая отдает приоритет сохранению бизнеса или рабочих мест делает это в ущерб кредиторам, что влечет за собой неминуемое увеличение цен и рост ставки по кредитам [10].

Литература:

1. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. [Электронный ресурс] / Г. Ф. Шершеневич. // М. — 1912. — Т. — 4. — С. — 56. — СПС «Консультант плюс».
2. Гольтсман А. Х. Указ. Соч. с. 213.
3. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 28.11.1927 «О дополнении Гражданского Процессуального Кодекса Р. С. Ф. С. Р. главой 37». [Электронный ресурс]. — СУ РСФСР, 1927, N123, ст. 830. — СПС «Консультант Плюс».
4. Клейман А. Ф. О несостоятельности советских лиц по советскому процессуальному праву. [Электронный ресурс]. — СПС «Консультант Плюс».
5. Телюкина М. В. Основы Конкурсного права. [Электронный ресурс]. / М. В. Телюкина — СПС «Консультант плюс».
6. Указ президента Российской Федерации от 14 июня 1992 года № 623 «О мерах по поддержке и оздоровлению несостоятельных государственных предприятий (банкротов) и применения к ним специальных процедур». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://zakonbase.ru/content/base/1020>. (дата обращения 01.06.2019).

7. Закон РФ от 19.11.1992 N3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий». [Электронный ресурс]. // Российская газета. — N279. — 30.12.1992. — СПС «Консультант Плюс».
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 20 мая 1994 года № 498 «О некоторых мерах по реализации законодательства о несостоятельности (банкротства) предприятий». [Электронный ресурс]. // «Собрание законодательства РФ». — 30.05.1994. — N5. — ст. 490. — СПС «Консультант Плюс».
9. Витрянский В. В. Пути совершенствования законодательства о банкротстве // Вестник ВАС РФ. — 2001. — № 3. — С. 91.
10. Хоуман М. Роль режима несостоятельности в рыночной экономике. [Электронный ресурс]. / М. Хоуман. — С. — 35. — СПС «Консультант Плюс».

Современные теории происхождения государства

Саидахмедова Гюльпери Рафиковна, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Рассматривая этапы развития политической мысли и сознания людей, мы можем проследить основные изменения видения государства. Например, характерный для античности демократизм отразился в теориях Аристотеля и Цицерона, которые считали, что государственная власть основана на модели семьи, власти её главы и государство представляет собой союз объединенных между собой людей. Следующий этап — эпоха Средневековья, это время огромного влияния церкви на все сферы жизни общества, соответственно на первый план выдвигается теологическая теория происхождения государства, целью которой является еще большее укрепление власти церкви. В Новое время, с появлением стремления людей к созданию лучших условий жизни, появляется идея о возникновении государства на основе заключения договора об образовании объединения свободных граждан, которые также имели право на расторжение этого договора, если государство не выполнит условия соглашения. Марксистско-ленинское учение объясняло государство как аппарат классового господства и подавления, следовательно их представление о происхождении государства было основано на данной идее. Однако на этом появление новых теорий не завершилось, ученые-правоведы так и не пришли к единому мнению относительно причин и факторов происхождения государства. Этим и объясняется появление современных теорий происхождения государства. В данной статье я хочу рассмотреть данные теории происхождения государства и проследить возможность появления новых теорий.

В XIX веке Клод Леви-Стросс, известный французский этнограф и социолог, предложил инцестную теорию происхождения государства, согласно которой причиной создания государства являлось введение запрета инцеста, т.е. кровосмешения между родственниками. Необходимость соблюдать этот запрет потребовала появления в обществе особой группы людей. Эти же люди применяли принуждение в случае, если не соблюдали запрет. С течением времени они стали испол-

нять и иные общественные, а позднее и государственные функции.

Таким образом, последователи инцестной теории считают что, не улучшение орудий труда и развитие производства привели к разделению общества и появлению государства, а понимание того, что запрет на кровосмешение будет способствовать развитию человеческого рода, что и повлечёт за собой формирование государства.

Следующей теорией необходимой для рассмотрения является теория специализации. Автором данной теории является доктор юридических наук — Татьяна Васильевна Кашанина. Данная теория предполагает, что закон специализации — это всеобщее правило развития окружающего мира и биологические процессы, происходящие в нем являются её результатом. Большее влияние закон специализации оказывает на социальный мир, постепенно специализируется производственный труд.

Формирование первоначальных разновидностей специализации в экономической сфере способствовало развитию общества в целом. Вследствие этого происходила дальнейшая специализация труда. Дальнейшим этапом являлась потребность в политической специализации. В политической сфере также произошло общественное разделение труда на законодательную, исполнительную и судебную власть (деятельность). Таким образом, представители теории специализации считают что, государство — это результат синтеза экономической и политической специализации.

Кризисную теорию происхождения государства сформулировал Анатолий Борисович Венгеров, советский и российский ученый. Данная теория связывает появление государства с завершением неолитической революции, то есть с переходом человечества от присваивающей экономики к производящей. Согласно кризисной теории этот переход, произошел из-за экологического кризиса, примерно 10–12 тыс. лет назад. Глобальные климатические изменения, поставили под угрозу сам факт существования человека как биологического вида. Как только челове-

ство справилось с экологическим кризисом путем перехода к производящей экономике, изменилась его социальная организация. Именно это и привело к появлению классов, а следовательно и возникновению государства.

Представителями и авторами дуалистической теории происхождения государства являются В. С. Афанасьев и А. Я. Малыгин. Также, как и кризисная теория данная теория предполагает, что процесс происхождения государства связан с неолитической революцией. Разница заключается в том, что сторонники дуалистической теории рассматривают два пути происхождения государства — восточный и западный. Восточный путь возникновения государства считается универсальным, так как он характерен для многих государств Азии, Африки и Америки, а западный соответственно является уникальным, вследствие того, что он приписывается только европейским государствам.

Восточный путь основывается на том, что государство сформировалось на основе аппарата управления, образованного в первобытном обществе который был необходим для осуществления ирригационных работ, из-за

этого возникла необходимость создания специального аппарата, для осуществления централизованного управления. Постепенно, лица, выполнявшие функции управления образовали государственный аппарат. Западный путь, в свою очередь кардинально отличается от восточного. Так как западный путь основан на идее образования государства вследствие разделения общества на классы, которое произошло в результате возникновения частной собственности.

Мы изучили основные современные теории происхождения государства, но тем не менее нельзя поставить точку в многочисленном списке идей и представлений о возникновении государства. Каждая новая точка зрения, основываясь на развитии сознания, общественных идеях и развитии политической мысли человечества, практически полностью опровергает положения предыдущей и создает своё собственное видение на происхождение государства. Возможно в ближайшем будущем мы услышим имена новых ученых, которые сформулируют совершенно новые, тем не менее имеющие право на жизнь теории происхождения государства.

Литература:

1. Марченко М. Н., Дерябина Е. М. Теория государства и права. — М.: Издательство « Проспект », 2012 г. — 60 с.
2. Кашанина Т. В. Происхождение государства и права: Современные трактовки и новые подходы. М.: Юристъ, 1999. — С. — 52; 55–56; 73; 82–83.
3. Шумаков Д. М. Происхождение государства и права // Основы государства и права. 1999. № 7.

Правовое регулирование международных связей муниципальных образований

Сафронова Ольга Андреевна, студент магистратуры
Хабаровский государственный университет экономики и права

В статье исследуется современная правовая основа международной деятельности и внешнеэкономических связей муниципальных образований в Российской Федерации.

Ключевые слова: приграничное сотрудничество, международные связи, местное самоуправление.

Legal regulation of international communications of municipalities

O. A. Safronova, student
Khabarovsk state university of economics and law

The article examines the modern legal basis of international activities and foreign economic relations of municipal entities in the Russian Federation.

Key words: cross-border cooperation, international relations, local government.

Актуальность исследования заключается в том, что для Российской Федерации, имеющей самую протяжённую в мире государственную границу, потенциал развития приграничного сотрудничества, в том числе между муниципальными образованиями, имеет особое зна-

чение. Приграничное сотрудничество и международные связи способствуют восстановлению и укреплению исторически сложившихся связей с сопредельными государствами, развитию интеграционных процессов. Во многом приграничное сотрудничество опирается на инициативу

региональных и особенно местных властей, которые хорошо знают интересы и запросы населения своих территорий. Развитие международных связей привело к тому, что, помимо собственно государства и субъектов, в эти отношения стали вовлекаться административно-территориальные и муниципальные образования.

Местное самоуправление позволяет оптимизировать использование общенациональных ресурсов. Местные сообщества способны решать свои проблемы в наиболее эффективных формах, с учётом конкретных условий каждой отдельной территории. Поэтому реально действующее местное самоуправление позволяет государственной власти сконцентрироваться на решении проблем федерального и регионального уровня, способствует повышению эффективности государственного управления.

В целях понимания сути предмета исследуемых дефиниций, необходимо соотнести понятия «международные и внешнеэкономические связи» и «приграничное сотрудничество».

Под международными и внешнеэкономическими связями в Российской Федерации понимаются связи с иностранными партнёрами, осуществляемые в торгово-экономической, научно-технической, экологической, гуманитарной, культурной и иных областях [4]. Речь идет о субъектах Российской Федерации, международные и внешнеэкономические связи которых являются реальной и существенной составляющей внешней политики государства и оказывают воздействие на осуществление внешнеполитического и внешнеэкономического курса страны.

Приграничное сотрудничество в свою очередь, характеризуется, как всесторонние взаимовыгодные связи приграничных территорий Российской Федерации с приграничными регионами сопредельных государств, осуществляемые путём согласованных действий компетентных органов сторон на основе заключённых между ними соглашений и национального законодательства [7].

Приграничное сотрудничество в западной культуре понимается как прямое приграничное сотрудничество между региональными и местными властями по разные стороны границы во всех сферах жизнедеятельности, вовлекающее в свою деятельность различных акторов [9].

В соответствии с п. 1 ст. 2 Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей под приграничным сотрудничеством понимаются любые согласованные действия, направленные на укрепление и поощрение добрососедских отношений между территориальными сообществами или властями, находящимися под юрисдикцией двух или более Договаривающихся Сторон, и заключение любых соглашений и договоренностей, необходимых для достижения этих целей. Приграничное сотрудничество осуществляется в рамках полномочий территориальных сообществ или властей, определяемых внутренним правом каждой из Сторон [2].

Следовательно, международные и внешнеэкономические связи могут объединять в себе приграничное сотрудничество, которое в свою очередь, относится к приграничным территориям государства и их взаимоотношениям.

Международные связи и приграничное сотрудничество стали важными составляющими жизни местных сообществ муниципальных образований России, расположенных вблизи границы. Между тем правовые основания такого сотрудничества до настоящего времени вызывают сомнения.

Право на осуществление международных, в том числе внешнеэкономических, связей органов местного самоуправления в Российской Федерации закреплено как на международном, так и на национальном уровнях. В соответствии с п. 3 ст. 10 Европейской хартии местного самоуправления от 15 октября 1985 года органы местного самоуправления могут сотрудничать с органами местного самоуправления других государств на условиях, устанавливаемых законом [3]. Однако в отличие от специального законодательного закрепления этого вопроса применительно к субъектам Российской Федерации в отношении муниципальных образований имеется ощутимый пробел, поскольку ни один из федеральных законов порядок и условия осуществления органами местного самоуправления международных связей не урегулировал.

Отдельные положения отсылочного характера, касающиеся внешних связей муниципальных образований, содержатся в нескольких федеральных законах. Так в ст. 17 Федерального закона от 06.10.2003 № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» указано, что органы местного самоуправления поселений, муниципальных районов и городских округов вправе самостоятельно осуществлять международные и внешнеэкономические связи в соответствии с федеральными законами [5], а в ст. 11 Федерального закона от 08.12.2003 № 164 «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» сказано, что муниципальные образования осуществляют внешнеторговую деятельность только в случаях, установленных федеральными законами [6].

В 2017 году был принят Федеральный закон от 26.07.2017 № 179-ФЗ «Об основах приграничного сотрудничества» (далее — федеральный закон № 179-ФЗ), которым регулируются отношения, возникающие в связи с осуществлением приграничного сотрудничества, определяются основные принципы, задачи и направления приграничного сотрудничества, а также полномочия субъектов приграничного сотрудничества Российской Федерации [7].

Принятие федерального закона № 179-ФЗ исходит из понимания того, что муниципальные образования наряду с Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации должны принимать участие в деятельности по осуществлению приграничного сотрудничества. Также это позволит Российской Федерации выполнять международно-правовые обязательства, взятые при при-

соединении к Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей, которая является базовым документом, регулирующим приграничное сотрудничество в большинстве государств — членов Совета Европы, в том числе в России.

С принятием закона были частично расширены полномочия муниципальных органов власти в области международной деятельности. Федеральный закон № 179-ФЗ определил, что муниципальные образования имеют право на: проведение встреч, консультаций и иных мероприятий с представителями государственно-территориальных, административно-территориальных и муниципальных образований сопредельных государств; заключение соглашений о приграничном сотрудничестве с приграничными муниципальными образованиями сопредельных государств; создание организаций приграничного сотрудничества и (или) участие в их деятельности, а также в соответствии с международными договорами Российской Федерации создание органов приграничного сотрудничества и (или) участие в их деятельности; участие в деятельности международных организаций в сфере приграничного сотрудничества в рамках органов, созданных специально для этой цели; участие в разработке и реализации проектов международных программ приграничного сотрудничества.

При этом закреплённые в федеральном законе № 179-ФЗ полномочия касаются только муниципальных образований приграничных субъектов Российской Федерации в их отношениях с субъектами приграничного сотрудничества сопредельных государств.

Несмотря на это, международная деятельность государства шире и объёмнее установленных полномочий в области приграничного сотрудничества.

Таким образом по-прежнему вне рамок федерального регулирования остаются международные и внешнеэкономические связи муниципальных образований субъектов Российской Федерации, не являющихся приграничными, а также сотрудничество муниципальных образований приграничных субъектов Российской Федерации с иностранными партнерами, не являющимися субъектами приграничного сотрудничества.

Как следует из Пояснительной записки «К проекту Федерального закона «Об основах приграничного сотрудничества в Российской Федерации», принятие Федерального закона «Об основах приграничного сотрудничества в Российской Федерации» не потребует признания утратившими силу, отмены, приостановления, изменения или принятия иных актов федерального законодательства [8]. Следовательно, принятие специального нормативно-пра-

вового акта о приграничном сотрудничестве не повлечёт фундаментальных изменений в правовом регулировании межмуниципального сотрудничества.

Всё это свидетельствует о неразвитости и недостаточном правовом регулировании межмуниципального сотрудничества в Российской Федерации в целом. Хотя многими авторами подчеркивается, что именно межмуниципальное сотрудничество является залогом успешного развития приграничных кооперационных связей. При этом правовое регулирование приграничного сотрудничества, например, в европейских странах осуществляется рядом международных соглашений, основную часть которых составляют документы Совета Европы¹.

Указание Конституции Российской Федерации в ст. 15 на то, что общепризнанные нормы и принципы международного права и международные договоры России являются частью её правовой системы [1], вовсе не означает проникновения в систему российского права каких-либо положений, пусть даже и фундаментальных, международного права, так как внутрисубъектное и международное право представляют собой самостоятельные и не подчиненные друг другу правовые системы. Международные договоры и иные источники международного права могут влиять на муниципально-правовую регламентацию деятельности органов местного самоуправления. В этом случае, как указывают учёные в развитие своей позиции, правильнее говорить об их опосредованном влиянии преимущественно на уровне правосознания, которое в той или иной форме трансформируется в содержании муниципального законодательства, приобретая только благодаря этому значение правовых принципов.

Иными словами, муниципально-правовое регулирование местных самоуправленческих отношений напрямую зависит не от международно-правовых стандартов, а от их интерпретации в российском законодательстве. В этой связи также становится очевидным, что развитие интеграционных процессов одновременно должно подкрепляться формированием и совершенствованием внутреннего правового поля, т.е. принятием ряда внутренних законов, в том числе и о разграничении полномочий в этой сфере [10].

Таким образом, анализ законодательства при внимательном рассмотрении позволяет прийти к выводу о том, что способность и возможность участия в международной деятельности не является имманентным свойством муниципальных образований и органов местного самоуправления, а приобретается последними в случае их наделения такими полномочиями.

Принятие федерального закона № 179-ФЗ можно рассматривать как начало формирования нормативной

¹ Основным документом является Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей от 21 мая 1980 г. № 106. На сегодня к данной Конвенции принят Дополнительный протокол (ETS N159) от 9 ноября 1995 г. и Протокол № 2 (ETS N169) от 5 мая 1998 г. Некоторые вопросы приграничного сотрудничества также регулируются Конвенцией об участии иностранцев в общественной жизни при решении вопросов местного значения № 144 от 05.02.1992 г. Кроме того, Комитетом министров Совета Европы принят ряд таких рекомендаций, как Рекомендация № R (2005) 2 от 19 января 2005 г. «О хорошей практике приграничного и межтерриториального сотрудничества территориальных сообществ или властей и устранении препятствий ему»; Рекомендация № R (2005) 3 от 2 февраля 2005 г. «О преподавании языков сопредельных государств в приграничных регионах» [10].

базы осуществления международных и внешнеэкономических связей муниципальных образований Российской Федерации, шагом на пути обеспечения организационной самостоятельности, которая предполагает плюрализм не

только способов внутренней самоорганизации местного самоуправления, но и деятельности муниципальных образований вовне, в том числе осуществления взаимодействия с иными муниципальными образованиями.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, № 31, ст. 4398.
2. Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей» (ETS № 106, заключена в г. Мадриде 21 мая 1980 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2003. — № 31. — Ст. 3103.
3. Европейская хартия местного самоуправления (совершено в Страсбурге 15.10.1985) // Бюллетень международных договоров, № 11, 1998.
4. О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации: федеральный закон от 04.01.1999 № 4-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 11.01.1999, № 2 ст. 231.
5. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 06.10.2003 № 131 // Собрание законодательства РФ. — 2003. — № 2. — Ст. 91.
6. Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности: федеральный закон от 08.12.2003 № 164 // Собрание законодательства РФ. — 2003. — № 3. — Ст. 67.
7. Об основах приграничного сотрудничества: федеральный закон от 26.07.2017 № 179-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2017. — № 2. — Ст. 65.
8. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона »Об основах приграничного сотрудничества в Российской Федерации» [сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 23.03.2019).
9. Давидов Д. М. Приграничное и трансграничное сотрудничество как фактор развития эксклавного региона России / Д. М. Давидов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. — 2016. — № 6. — С. 72–77.
10. Костюков А. Н., Семакина Ю. А. Проблемы правового регулирования приграничного сотрудничества // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2012. № 3 (32). С. 51–56.

Инсценировка события мнимого преступления как разновидность криминальной инсценировки

Свиридова Дарья Алексеевна, студент;
Хорьков Станислав Андреевич, студент;
Ваганов Алексей Васильевич, студент;
Цаль Илья Николаевич, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В данной статье рассмотрены актуальные проблемы выявления инсценировки события мнимого преступления как одной из разновидностей криминальной инсценировки.

Ключевые слова: *криминальная инсценировка, инсценировка события мнимого преступления, деятельность виновного.*

С ходом времени количество криминальных инсценировок неуклонно растёт. Некоторые из них приобрели черты общественно опасных деяний настолько, что образовали полноценные составы преступлений.

Законодатель отреагировал на эту проблему введением в 1997 году в Уголовный Кодекс Российской Федерации уголовной ответственности более чем по десяти составам преступлений, по своему содержанию являющихся криминальными инсценировками.

Тем не менее значительное количество криминальных инсценировок, которые выступают способами сокрытия и совершения преступлений, криминальных инсценировок событий мнимых преступлений остаётся за пределами правового поля, существенно затрудняет деятельность органов правопорядка и суда, нарушает права и свободы граждан.

Инсценировка события преступления выступала и ранее в качестве объекта научного исследования

в трудах многих видных криминалистов. И несмотря на то, что большая часть авторов, изучавших данную проблему, выделяли в качестве самостоятельной классификационной группы и инсценировки события преступлений, которых в действительности не было, углублённого изучения инсценировок данного вида не предпринималось. Но тем не менее, необходимость изучения таких инсценировок представляется безусловной.

Прежде всего необходимо разграничить инсценировки исследуемого вида и сходные формы криминальной деятельности. Проанализировав криминалистическую литературу, можно выделить пять признаков отличия инсценировки события преступления от традиционных форм инсценировок, то есть инсценировок, направленных на сокрытие преступления, имевшего место в действительности (мнимые инсценировки).

1) *По направленности действия* создателя инсценировки лжесобытия преступления разграничение проводится следующим образом.

Цель традиционных инсценировок — сокрытие преступления, отдельных его элементов, своего участия в совершении преступления. Здесь же инсценировка, наоборот, направлена на создание видимости совершения преступления. Если в традиционных инсценировках субъект, прибегающий к инсценировке, старается склонить работников правоохранительных органов к обнаружению преступления или к констатации его менее опасной формы, то в рассматриваемом виде инсценировок данный субъект стремится убедить следователя в совершении мнимого преступного события, призывая его к активному поиску.

2) *По структуре деятельности*, направленной на создание инсценировки, разграничивается следующим образом.

Инсценировки, предпринимаемые с целью сокрытия преступления, имевшего место в действительности, содержат два последовательно сменяющих друг друга события:

- деятельность виновного, направленная на совершение преступления;
- деятельность виновного, направленная на создание инсценировки. Каждый из этих видов деятельности оставляет на месте происшествия соответствующие следы. В итоге на месте происшествия появляются две следовые обстановки, «накладываемые» друг на друга.

Литература:

1. Аверьянова Т. В. Криминалистика: учебник для студентов вузов // М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. — 943 с.
2. Фадеев В. И. Расследование криминальных инсценировок. — М.: НОРМА, 2009. — 160 с.
3. Баранов Е. В. Раскрытие инсценировок при расследовании преступлений // Волгоград: Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел, 1981. — 40 с.

Инсценировка же события преступления какого-либо «конкурирующего» явления не имеет и находит своё отражение в одной следовой обстановке. В таком случае инсценировщик пытается доказать, что инсценируемое событие было в реальности и оно является преступным. Следовая обстановка выглядит здесь довольно правдоподобно, что может ввести следователя в заблуждение.

3) *По уровню подготовки и исполнения.* Инсценировка события преступления отличается от традиционной инсценировки более высоким уровнем подготовки и исполнения. Располагая временем, виновный досконально разрабатывает сценарий инсценировки и готовит его к реализации. При этом он зачастую прибегает к помощи соучастников, используя их или в качестве консультантов по сценарию, или же в качестве исполнителей при реализации.

4) *По степени общественной опасности* инсценировки события преступления также имеют отличия. В традиционной инсценировке преступление скрывается под видом непроступного события или же события, менее опасного, чем скрываемое. При успехе такой инсценировки совершённое преступление остаётся нераскрытым.

Иная угроза образуется при инсценировке события преступления. В таких случаях достаточно велика вероятность привлечения к уголовной ответственности и осуждения невиновного человека.

5) *По способу совершения* инсценировки события преступления также существенно отличаются. Субъект инсценировки ради убедительности нередко демонстрирует на себе последствия «преступления», симулирует болезненное состояние, соответствующее тяжести совершённого над ним «насилия», может даже назвать «виновного» и т. д.

Данные признаки позволяют определить рассматриваемое явление таким образом.

Инсценировка события мнимого преступления — это деятельность субъекта инсценировки по созданию им искусственной следовой обстановки (материализованной лжи), имитирующей отображение криминального события, которого фактически не было, адресованной правоохранительным органам с целью вызвать у них ошибочную констатацию факта совершения преступления, побудить к активной деятельности по его расследованию, принятию решения, угодного заинтересованным лицам².

² Фадеев В. И. Расследование криминальных инсценировок. М., 2009. С. 50.

Влияние западноевропейского права на осуществление правосудия в рамках семьи обычного права

Скорородов Александр Михайлович, студент
Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

Семья обычного права — это совокупность национальных правовых систем (главным образом стран африканского континента и острова Мадагаскар), основным источником права для которой будет являться свод устно передающихся из поколения в поколение правил поведения — правовых обычаев, обеспеченных государственным принуждением.

Рене Давид, именитый правовед-компаративист, в своем научном труде «Основные правовые системы современности» пишет: «Африка к югу от Сахары и Мадагаскар в течение многих веков жили по нормам обычая. Повиновение обычаю было в основном добровольным. Каждый считал себя обязанным жить так, как жили его предки; чаще всего было достаточно боязни сверхъестественных сил, чтобы заставить уважать традиционный образ жизни» [1, с 378]. То есть изначально основной источник права данной правовой семьи являл собой мудрость предков, которую новым поколениям следовало соблюдать под страхом кары не от государства, а от мистических сил, которые на самом деле были ничем иным, как неизведанными (для людей тех времен) природными явлениями: «в представлении африканца обычай связан с мифическим строем универсума. Повиновение обычаю означает уважение предков, останки которых слились с почвой, а дух витает над живыми» [3, с 333].

Таким образом, на изначальном этапе существования семьи обычного права правовой обычай осуществлял нормативное регулирование общественной жизни Африканских народов практически во всех ее сферах; обычай мог регулировать как частноправовые общественные отношения (например, семейные), так и отношения, осложненные публичным элементом (например, уголовные).

Однако к XIX веку с началом колониального периода правовой обычай начинает терять свое значение, так как начинает сокращаться количество отраслей, регулируемых данным правовым источником: «в колониальный период (XIX—XX вв.) обычное право подверглось существенному влиянию со стороны стран-метрополий. В это время сфера применения обычного права была ограничена правом английским, французским и другими, сформировалась система колониальных и местных судов» [2, с 280].

Постепенно европейские страны-метрополии стали помогать народам Африки в создании правовой системы по собственному подобию, то есть посредством создания законодательства и судебной системы. «Обычаи сложились, чтобы регулировать отношения между членами одного и того же общества или обществ, родственных по образу жизни. Западное право было необходимо, чтобы

регулировать жизнь европейцев и их отношения с туземцами, а также отношения между туземцами, входящими в общества с различными обычаями. Западное право послужило своеобразным *jus gentium*, применяемым к отношениям, выходящим за рамки обычного права» — пишет Р. Давид [1, с 384].

Именно поэтому правовой обычай со временем начал утрачивать свое первоначальное значение и практически полностью перестал регулировать публичные отрасли права. Следует отметить, что вновь созданное европейцами право прежде всего являлось отражением правовой системы той или иной страны-метрополии; так, например, в странах, колонизированных Британской империей (Кения, Гамбия, Нигерия) большее развитие получила судебная практика (прецеденты), а на территориях, ставших колониями Франции (Чад, Мадагаскар) или Бельгии (Конго) в образующихся правовых системах преобладал нормативный акт.

Обычное право детально не регламентировало судебную процедуру. Главным предназначением традиционного судопроизводства считалось обеспечение гармонии между человеком, обществом и природой; именно к этому и сводилась основная задача суда. Традиционное судопроизводство обладало рядом особенностей. Правосудие, согласно обычному праву, выступало как средство примирения, а не как инструмент четкого применения позитивного права. Таким образом, примирительный характер традиционного судопроизводства заключался в том, что спорные вопросы решались путем примирения сторон.

Существовали различные формы разрешения споров. На тех территориях, где существовала соответствующая структура государственной власти, функционировала судебная система, где судебные органы на основе соблюдения юридических процедур, рассматривали и разрешали эти споры, то есть осуществление правосудия остается монопольным правом государства.

Обычно эти суды образовывали иерархию в соответствии с политической структурой, апелляции направлялись от низших судов (например, судов мелких вождей) к высшим (например, судам крупных вождей).

В более развитых обществах действовала тройная организация судебной системы, а именно: семейное правосудие, общественное правосудие (например, если возникла спорная ситуация по поводу таких частноправовых отношений, как брак или наследование то в их разрешении, как правило, участвовали старейшины и другие влиятельные члены семьи или группы кровных родственников), а также государственное правосудие.

Рассмотрим пример современной судебной системы Камеруна (этот пример выбран не случайно, так как в данном государстве смешались целых три правовых семьи):

Правовая система Камеруна унаследовала унаследовала романо-германскую и англосаксонскую правовые системы. В Западном Камеруне продолжают действовать английское общее право, право справедливости и статуты общего применения, а в Восточном осталось в силе французское колониальное законодательство. Африканское обычное право, различающееся в зависимости от этнической группы, официально может применяться только в том случае, если оно не противоречит «естественному правосудию, справедливости и доброй совести».

На практике повседневно действующее обычное право часто не соответствует Конституции и законам. Так, в вопросах брака и наследования оно существенно дискриминирует женщин. Во многих регионах Камеруна жена рассматривается по обычному праву как собственность мужа и до сих пор распространен обычай платы за невесту.

Также в Камеруне нет единой уголовной процедуры. Во франкоязычных провинциях действует уголовно-процессуальный кодекс французского образца. В двух англоязычных провинциях принята английская модель уголовного процесса — только здесь существует судебный контроль за законностью арестов и освобождение до суда под залог. Особая процедура применяется в судах обычного права, например, эти суды заставляют подсудимых,

обвиняемых в колдовстве и некоторых других деяниях, проходить ордалий (например, принять яд).

Судебная система включает Верховный суд, апелляционные суды в каждой из 10 провинций и суды первой инстанции в каждом из 58 районов страны. Верховный суд имеет три палаты: общей юрисдикции, административную и счетную. Наряду с гражданскими действуют и военные суды.

За рамками формальной судебной системы находятся суды обычного права. По закону эти суды имеют юрисдикцию только по делам, в которых ни одна из сторон не требует разбирательства в государственном суде. Обычно их решения могут быть обжалованы традиционным властям более высокого уровня [4].

Подводя итог вышесказанному стоит отметить, что влияние западноевропейского права ощутимо сказалось на современном осуществлении правосудия и на правовые системы стран Африканского континента в целом. Однако во многих независимых государствах Африки нормы обычного права доколониальной эпохи по-прежнему имеют большое влияние в общественной жизни на бытовом уровне. Их полное вытеснение из сферы правового регулирования является весьма сложным и длительным процессом. Вместе с тем в последнее время обычное право постепенно перестаёт регулировать ряд общественных отношений, а национальное законодательство независимых государств наоборот расширяет круг своего воздействия.

Литература:

1. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности: Пер. с фр. В. А. Туманова. — М.: Междунар. отношения, 1996. — 400 с.
2. Власова Т. В., Дуэль В. М. Теория государства и права: Учебник — М.: РГУП, 2017. — 352 с.
3. SM. Poirier J. (ed.). Etudes de droit africain et de droit malgache. 1965. — 529 с.
4. Правовые системы стран мира: Энциклопедический справочник — Камерун // комментарии.org. URL: https://kommentarii.org/strani_mira_eciklopediy/kamerun.html (дата обращения: 04.07.2019).
5. Бехруз Х. Б. Сравнительное правоведение: Учебник для вузов. — М.: ТрансЛит, 2008. — 504 с.

Характеристика мошенничества при получении выплат

Хорьков Станислав Андреевич, студент;

Ваганов Алексей Васильевич, студент;

Свиридова Дарья Алексеевна, студент;

Ваганов Вадим Васильевич, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В данной статье рассмотрены актуальные вопросы относительно характеристики мошенничества при получении выплат.

Ключевые слова: объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона.

Данный вид мошенничества является квалифицированным. Данное общественно-опасное деяние имеет место быть только в сфере осуществления различных вы-

плат, в число которых входит пособия, субсидии, компенсации пенсии и иные выплаты, которые предусмотрены федеральными законами и другие нормативными правовыми актами.

Норма статьи 159.2 УК РФ имеет структурную особенность её содержания. Данное обстоятельство, вызвано тем, что диспозиция рассматриваемой нормы имеет бланкетный характер. Это означает, чтобы применить данную норму необходимо установить и проанализировать нормативно — правовую базу, на основании которой определяются правоотношения сторон по поводу получения выплат.

Объект является элементом состава данного общественно — опасного деяния и абсолютно схож с объектом хищения. Таким образом, объектом является общественные отношения, которые возникают по поводу социального обеспечения граждан. Мошенничество при получении выплат и основной состав мошенничества априори являются хищениями.

Объективная сторона рассматриваемого общественно-опасного деяния определена в ст. 159.2 УК РФ и заключается в представлении заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, либо умолчание о значимых фактах, которые могут повлечь прекращение указанных выплат.

Общественно-опасное деяние, предусмотренное статьей 159.2 УК РФ, считается оконченным с момента получения виновным лицом определенной суммы денежных средств, определенных федеральных законах и (или) нормативных правовых актах или приобретение виновным лицом правомочием распоряжения этими денежными средствами. Приготовление к преступлению по данному составу возможно в случае, когда виновное лицо представляет недостоверные сведения уполномоченному органу на их выдачу в зависимости от обстоятельств дела.

Субъектом данного общественно-опасного деяния выступает дееспособное лицо, которые достигло к моменту совершения преступления 16-летнего возраста.

Субъективная сторона выражена в данном преступлении в форме прямого умысла.

Если мошенничество при получении выплат совершено с использованием фиктивного виновным лицом официального документа, по которому предоставляются права и освобождаются от обязанностей, то данные общественно-опасные деяния квалифицируются как совокупность преступления, которые предусмотрены Особенной частью УК РФ.

В случае если виновное лицо, подделавшее официальный документ, по обстоятельствам независимыми от

него самого, не смог воспользоваться данным документом, то совершенное общественно-опасное деяние квалифицируется по ч. 1 ст. 327 УК РФ и ч. 1 ст. 30 УК РФ.

В случае если виновным лицом, при совершении общественно — опасного деяния, предусмотренного статьей 159.2 УК РФ, используется поддельный документ, который изготовлен другим лицом, то данное деяние полностью охватывается составом мошенничества при получении выплат, и не требует дополнительной квалификации.

Предметом данного вида мошенничества является денежные средства, а также иное имущество, которые похищаются при получении различных социальных выплат.

Правильность определения предмета мошенничества при получении выплат играют решающую роль при квалификации, отграничение от основного состава, вместе с тем представляет сложность.

Так, в объективном праве под выплатой может пониматься не только денежные средства, но и другое имущество. Понятие «социальная выплата» не определено законодательно, хотя часто встречается в различных нормативных актах. Все социальные выплаты, которые отражены в законе имеют общие признаки. Во-первых, они все выплачиваются за счет средств федерального, регионального бюджета, либо за счет средств государственных внебюджетных фондов Российской Федерации и бюджетов муниципальных образований. Во — вторых, социальные выплаты устанавливаются законами или иными нормативными правовыми актами. В-третьих, так как социальная выплата является мерой социальной защиты граждан, то еще одним признаком выступает адресат выплаты. Адресат выплаты — это физическое лицо, которое отвечает законодательным требованиям, связанным с возникновением социальных рисков или иных социально значимых обстоятельств. Всякое физическое лицо, если оно соответствует определенным критериям, может стать получателем социальной выплаты. Безвозмездность и безвозвратность являются признаками социальной выплаты.

Санкция статьи 159.2 УК РФ состоит из таких видов наказания как: штраф в размере до 120 тысяч рублей или в размере заработной платы, осужденного за период одного года, обязательные работы на срок до 360 часов, ограничение свободы на срок до 2-х лет, принудительные работы на срок до 2 лет, арест на срок до 4-х месяцев.

Литература:

1. УК РФ от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ в ред. от 17.06.2019 г.
2. Т. А. Вертепова «Некоторые проблемы уголовно-правовой квалификации мошенничества при получении выплат. // СПб 2008. 231 с.
3. А. Г. Малинин «Энциклопедия уголовного права. Преступления против собственности» // СПб., 2006. 242 с.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 27 (265) / 2019

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, О. В. Майер

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.
ISSN-L 2072-0297
ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»
Номер подписан в печать 17.07.2019. Дата выхода в свет: 24.07.2019.
Формат 60 × 90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.
Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.
E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>
Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.